

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

DK

265

B77

UC-NRLF

ФВ 62 499

А. А. Бубликовъ.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И МЫСЛИ ОЧЕВИДЦА И УЧАСТНИКА.

НЬЮ ЮРКЪ, П. І.
1918 г.

Digitized by Google

А. А. Бубликовъ.

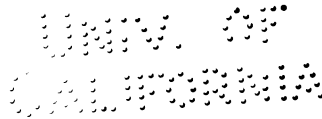
и

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

(ея начало, арестъ Царя, перспективы)

ВПЕЧАТЛѢНІЯ И МЫСЛИ ОЧЕВИДЦА И УЧАСТНИКА.

Нью Йоркъ, 1918 г.

DK 265
B77

Copyright, 1918,
—by—
Alexander Boublikoff.
—=—
Published March, 1918.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я уже давно уклонился отъ активнаго участія въ политикѣ. Того менѣе предполагалъ я заниматься ею здѣсь, въ Америкѣ. Но мои здѣшніе друзья и знакомые выражали такой интересъ къ моимъ личнымъ впечатлѣніямъ и мыслямъ по поводу русской революціи, что я рѣшилъ выпустить настоящую книгу.

Претендую только на одно, что мои «мемуары» искренны и правдивы. Объ ихъ содержательности, а также о жизненности моихъ политическихъ взглядовъ представляю судить читателямъ и.... времени.

А. А. Бубликовъ.

Bublikov

Нью-Йоркъ,
20 фев. 1918 г.

Настанетъ годъ—Госси черныи годъ --
 Когда царей корона упадетъ,
 Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
 И пища многихъ будетъ смерть и кровь:
 Когда дѣтей, когда невинныхъ жонъ
 Низвергнутый не защититъ законъ,
 Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
 начнетъ бродить
 И станетъ голодъ бѣдный край терзать,
 И зарево окраситъ волны рѣкъ!
 Въ тотъ день явится мощный человекъ
 И ты его узнаешь—и поймешь
 Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
 И горе для тебя!... твой плачь, твой стонъ
 Ему тогда покажется смѣшонъ.....

Лермонтовъ.

1830 г.

Неудачная русская революція 1905 года весьма быстро выродилась въ бандитизмъ.

Это до чрезвычайности облегчило Императорскому Правительству борьбу съ нею.

Рядъ отвратительныхъ преступленій, совершенныхъ подъ прикрытіемъ революціоннаго знамени, злоупотребленіе такимъ опаснымъ для общаго блага орудіемъ, какъ всеобщая политическая забастовка, и крайняя нетерпимость крайнихъ лѣвыхъ партій, которую можно было поставить вровень развѣ только съ нетерпимостью правительственной, все это вмѣстѣ взятое отвратило отъ симпатій къ революціи всѣхъ людей имущихъ, или мечтающихъ, путемъ упорнаго труда въ мирной обстановкѣ, добиться известнаго достатка.

Можно, пожалуй, сказать, что эти люди «благослови-

ли» правительство Столыпина на усмирение революціи, ибо, дѣйствительно, только учуявъ, что симпатіи значительной части населенія уже болѣе не съ революціонерами, правительство возымѣло смѣлость начать безпощадную и систематическую съ ними борьбу. Пошли разстрѣлы, карательныя экспедиціи, заполненіе тюремъ и массовая ссылка — словомъ весь обычный арсеналь реакціи былъ пущенъ въ ходъ и революціонеры, оставшіеся одинокими, быстро были разбиты на голову.

«Успокоеніе» поскольку оно достижимо мѣрами полицейскими, наступило весьма быстро. Но вскорѣ оно было закрѣплено и по существу: наступилъ энергическій ростъ благосостоянія широкихъ массъ населенія. Заработали фабрики, заводы, желѣзныя дороги. Биржа, дававшая прыжки цѣнъ въ десятки пунктовъ въ день, пролила золотой дождь на толпы людей, осаждавшихъ банкирскія конторы. А кто же не знаетъ, что матеріальное благополучіе есть лучшій бромъ противъ политическихъ страстей?

Революція кончилась.

Объ ней всѣ позабыли.

Но и ни одна изъ общественныхъ силъ, въ ней участвовавшихъ, — ни революціонеры, ни правительство, ни народъ самъ — никто не извлекъ изъ пережитого никакого урока на будущее.

Революціонеры, частью заполнившіе безчисленныя русскія тюрьмы и безбрежную сибирскую тайгу, частью ушедшіе искать гостепріимства въ другихъ странахъ, унесли съ собою въ изгнаніе и ссылку только крайнее озлобленіе противъ виновниковъ своего пораженія и чрезвычайную увѣренность въ своей правотѣ.

Они не хотѣли даже допускать мысли о томъ, что источникъ ихъ пораженія лежалъ въ ихъ же ошибкахъ,

въ ихъ оторванности отъ подлиннаго русскаго народа. Наблюдая проявленное имъ во время революціи въ широчайшемъ масштабѣ неуваженіе къ чужой собственности, они заключали о томъ, что будто бы этотъ народъ чрезвычайно склоненъ къ социалистическому укладу жизни, тогда какъ значительной его части гораздо ближе была знаменитая идеологія: если *ты* украдешь *мою* жену, то это — плохо, а, если *я* украдешь *твою* жену, то это — хорошо. Они не поняли, что этотъ народъ не доросъ еще даже до буржуазной идеологіи, цѣликомъ основанной именно на уваженіи къ чужой собственности, что онъ гдѣ то еще безконечно далеко даже отъ современныхъ европейцевъ и американцевъ.

Наконецъ, они не сумѣли сдѣлать даже того, напрашивавшаго, вывода, что ихъ теорія перманентной революціи носила источникъ своей гибели въ самой себѣ. ибо спокойствіе душевное есть въ пониманіи широкихъ народныхъ массъ такое великое «благо», за которое народы платили всегда самую дорогую цѣну, вплоть до цѣны собственной политической свободы. Свою профессиональную любовь къ революціонному дѣйствию они считали присущей и народу, тогда какъ для послѣдняго революція всегда лишь средство и никогда — цѣль.

Революціонеры упорно не хотѣли понять, что съ тѣмъ матеріаломъ, который имѣлся на Руси, можно было только скомпрометировать социалистическую идею, а отнюдь не осуществить на землѣ социалистическій рай, что русскій народъ, не прошедшій курса элементарной политической свободы, если его не удерживать отъ слишкомъ быстрого движенія влѣво, всегда будетъ проявлять склонность щарахаться отъ крайнихъ увлеченій свободой въ сторону самой же крайней реакціи.

Правительство раздѣлило обычную участь всѣхъ

реакціонныхъ правительствъ — проявило полную бездеятельность, можно сказать, безграничную политическую глупость.

Въ упоеніи своей рѣшительной побѣдой надъ врагомъ внутреннимъ при помощи мѣръ чисто полицейскаго порядка, оно забыло знаменитое положеніе французскаго политическаго дѣятеля, что штыками можно сдѣлать весьма много, но только нельзя сдѣлать одного — на нихъ нельзя сидѣть.

Знаменитая правительственная формула: «сперва успокоеніе, а потомъ реформы» расплылась весьма быстро. Изъ всѣхъ реформъ была проведена, да и то не слишкомъ энергично, только одна — были сдѣланы шаги къ насажденію въ Россіи класса мелкихъ единоличныхъ земельныхъ собственниковъ. О какомъ либо утвержденіи торжественно обѣщанныхъ политическихъ свободъ не было больше и рѣчи.

Правительство не поняло, что долге править страну противъ народа нельзя, что для того, чтобы прочно стоять во главѣ великой націи, надо умѣть сохранять въ себѣ великодержавный инстинктъ — надо умѣть предлагать народу задачи, достойныя его, и въ то же время непрерывно улавливать, въ чемъ состоитъ его дѣйствительный, кровный интересъ.

Правительство видѣло ясно безсиліе дворянства и духовенства, а потому, пользуясь ими, оно въ то же время глубоко ихъ презирало, съ ихъ желаніями не считалось, тѣмъ самымъ питая даже въ этой средѣ недовольство существующимъ строемъ.

Рабочихъ оно искренно ненавидѣло.

Къ крестьянству оно относилось явно недověрчиво, ибо послѣднее въ дни революціи задѣло интересы помѣ-

щичьяго класса, изъ котораго рекрутировались представители высшей власти въ странѣ.

Въ отношеніи интеллигенціи имъ была усвоена столь любезная сердцу всѣхъ реакціонныхъ правительствъ міра политика «мелкихъ уколовъ» — непрерывнаго мелкаго издѣвательства надъ ея свободолобивыми стремленіями.

Наконецъ, къ торговопромышленной буржуазіи отношеніе было опредѣленно враждебное. Бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, кстати сказать назначенный на этотъ постъ бывшимъ царемъ за одно только достоинство — умѣнье неподобно изображать влюбленную пантеру (фактъ!) говорилъ про буржуазію такъ: «это будетъ похуже рабочихъ; тѣхъ можно пострѣлять. А что съ этими сдѣлаешь?».

Словомъ, не было въ Россіи класса или группы людей, съ которыми русскому правительству было бы по пути.

Оно воевало со всѣми, всѣхъ и всего боялось, всѣхъ угнетало, все молодое, свѣжее душило.

Идеологъ русской реакціи поставилъ такую задачу передъ русской властью: «Россію надо подморозить — чтобы не жила», ибо твердая, прочная, незыблемая, застывшая въ своихъ идеалахъ, власть возможна только надъ народомъ неживымъ, не движущимся впередъ, не стремящимся къ политическому совершенствованію.

И русская власть стояла надъ русскимъ народомъ, сильная съ виду, но совершенно одинокая, никому подлинно не нужная.

Ибо подняться до высоты просвѣщеннаго абсолютизма, точно сформулировать дѣйствительно историческія задачи своего народа и настойчиво ихъ осуществлять было конечно не подъ силу русскому самодержавію. вырождавшемуся и духовно, и физически.

Его хватало только на работу отрицательную, на полицейскій пнеть. Творчество отъ него давно отлетѣло.

Поэтому урокъ революціи 1905 г. прошелъ для него совершенно даромъ. Оно не поняло, что русскій народъ переросъ старыя рамки, что онъ уже *сильно* хочетъ новой, лучшей жизни и что онъ скоро начнетъ самъ ее строить, если ему не дать ее его «Богомъ поставленная» власть.

Историческая фраза Александра II, сказанная имъ дворянству при освобожденіи крестьянъ: «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу» — была совершенно не по плечу ничтожному Николаю II и его столь же ничтожнымъ совѣтникамъ.

Они не прислушались къ первымъ раскатамъ народнаго грома и не сдумѣли отвести отъ себя народнаго гнѣва настоящимъ служеніемъ народу — государственнымъ творчествомъ въ соотвѣтствіи съ бродившими въ душѣ народа новыми идеалами.

«Успокоеніе» народа, прекращеніе имъ революціонныхъ «безпорядковъ», они приняли за отказъ націи отъ своихъ желаній новой, лучшей жизни.

Самъ народъ, мыслящее общество... только что, казалось бы, испытывшіе на своей спинѣ послѣдствія политическаго экспериментаторства, революціоннаго и реакціоннаго, не сдѣлали того простаго вывода, что для того, чтобы имѣть «хорошую» политику, народу надо отстранить отъ этого дѣла профессионаловъ, безразлично, будь они справа, или слѣва, и взять его въ свои руки.

Наоборотъ, интересъ къ политикѣ палъ до невѣроятія.

Если въ чемъ и былъ неправъ бывшій русскій премьеръ Коковцевъ, когда онъ утверждалъ, что въ Россіи въ 30 верстахъ отъ желѣзной дороги никто политикой не

интересуется, то, развѣ, въ томъ, что ею не занимались и тѣ, кто жилъ вплотную у желѣзной дороги

Интересъ, какой еще поддерживался къ политикѣ, носилъ чисто спортивный характеръ. Публика съ полнымъ политическимъ безстрашіемъ, хотя и не безъ любопытства, наблюдала: кто кого одолѣетъ, революціонеры-ли — правительство, или правительство революціонеровъ? Кто кого лучше поддѣнетъ: Правительство «оппозицію Его Величества», какъ именовалъ свою партію лидеръ кадетовъ Миллюковъ, или оппозиція правительство?

Какъ будто это «кто кого одолѣетъ?» «кто кого переспоритъ?» не касалось самыхъ близкихъ, самыхъ существенныхъ интересовъ г.г. зрителей политической скачки съ препятствіями.

Г. Дума рѣшительно никакой поддержкой въ странѣ не пользовалась. Правительство могло ее распускать сколько угодно и въ странѣ не раздавалось и тѣни протеста. Если ее не разгоняли вовсе, то только потому, что ее умѣли «обезвреживать» черезъ законодательную обструкцію верхней палаты и потому, что немного опасались заграницы — какъ бы не лишили кредита.

Маразмъ былъ полнѣйшій.

Какое то затишье передъ бурей.

Всякая партійная жизнь прекратилась и не потому, что ее убивало полицейское преслѣдованіе, а потому, что пропалъ къ ней интересъ.

Всѣ были недовольны, но никто не хотѣлъ дѣятельно бороться съ нестроеніемъ государства. Всѣ ушли въ личную жизнь и, хотя всѣ сознавали, что «такъ дальше жить нельзя», но ограничивались одной воркотней, фрондированіемъ въ узкомъ кругу знакомыхъ и друзей. Никто и не помышлялъ о созданіи вліятельнаго общественнаго мнѣнія, о выработкѣ политическихъ идеаловъ и о настоя-

чивомъ проведеніи ихъ въ жизнь.

Полнымъ безсиліемъ вѣяло отъ всего въ странѣ. Не было на высотѣ задачъ, которыя исторія должна была поставить передъ русскимъ государствомъ, никто — ни правительство, ни профессиональные политики, ни самъ народъ.

А между тѣмъ надвигались грозовыя тучи величайшихъ испытаній. И когда бѣда пришла, то мудро ли, что разразилась вновь революція?

Было бы удивительнѣе, если бы она не пришла. Это, пожалуй, было бы признакомъ того, что народъ безнадежно палъ, если бы онъ не сдѣлалъ даже той почти конвульсивной попытки спасти себя, какой являлась для него революція.

И удивительно ли также, что эта революція донесла его чрезвычайно быстро до крайнихъ предѣловъ отвратительной охлократіи?

Вѣдь въ народѣ къ моменту революціи не было ни одной интегрирующей, творческой силы. Все одряхлѣло, все извѣрилось въ себя, ничто не давало и тѣни надежды на выходъ, на спасеніе. Не видно было никакихъ шансовъ справиться съ положеніемъ съ помощью старой политической машины. Этотъ старый строй не донесъ до момента революціи ни одного дѣйствительно авторитетнаго политическаго дѣятеля, ни въ средѣ правительства, ни въ средѣ оппозиціи, ни одного человѣка съ волей и характеромъ, на котораго нація могла бы возложить свои надежды. Десятилѣтія систематической деморализаціи народа давали себя знать: въ странѣ не оказалось никакихъ, подлинно государственныхъ элементовъ.

При этихъ условіяхъ неотвратимъ былъ *полный* переворотъ, неизбѣженъ былъ хаосъ и попытка начать но-

вое творчество изъ этого хаоса, изъ ничего, поиски какихъ то совершенно новыхъ идей и новыхъ людей, ибо старые методы и старые дѣятели безнадежно потеряли всякій кредитъ въ глазахъ страны.

При этомъ становится вполне понятнымъ, что эти старые, политическіе дѣятели дореволюціоннаго періода не могли желать революціи, а, не желая, — и не вѣрили въ ея пришествіе.

Эта ихъ увѣренность въ невозможности революціи, заражала даже и стороннихъ наблюдателей. Недаромъ спеціальнй англійскій посланецъ, посѣтившій Россію незадолго до революціи, лордъ М., еще чуть не накануне этой революціи докладывалъ своему правительству о полной ея невозможности: вѣдь ему объ этомъ говорили буквально всѣ, съ кѣмъ ему пришлось сталкиваться въ Петербургѣ — и представители власти, и представители оппозиціи.

Да ни одинъ отвѣтственный политическій дѣятель и не могъ сознательно желать революціи. Всякій понималъ, что Россія, изнемогавшая подъ бременемъ внѣшней войны, не могла одновременно поднять на свои плечи еще и бремя перестройки всѣхъ внутреннихъ отношеній. Финансированіе войны и финансированіе въ то же время соціальной справедливости не могло быть по плечу экономически слабой странѣ, и такъ уже безудержно шедшей къ банкротству.

Послѣдующее вполне подтвердило эти опасенія. Русское государство, доведшее свое кредитное обращеніе съ 1,650,000 рублей предъ войной до 8 миллиардовъ рублей къ моменту революціи, послѣ нея, не воюя, пришло къ 18 миллиардамъ въ Октябрѣ пр. года. Когда я уѣзжала изъ Россіи (въ Сентябрѣ), «Экспедиція заготовленія госу-

дарственныхъ бумагъ» выпускала въ день до 72 милліоновъ рублей. Впослѣдствіи, говорятъ, ея «производительность» была повышена до 125 милліоновъ. Но если даже остановиться на цифрѣ 72 мил. въ день, или 2 милліарда въ мѣсяць, то сейчасъ бумажное обращеніе въ Россіи должно достигать 25—26 милліардовъ рублей. Далеко ли отсюда до полнаго крушенія денежной системы, до полнаго банкротства? А финансовое банкротство является лишь внѣшнимъ выраженіемъ неспособности для страны такихъ двухъ задачъ, какъ война и революція.

И было ясно впередъ, что, изнемогая подъ бременемъ этихъ двухъ задачъ, страна попытается сбросить съ своихъ плечъ первую.

А выходъ изъ войны, перестройка всѣхъ внѣшнихъ отношеній въ моментъ величайшаго мірового кризиса представляли собой такой прыжокъ въ неизвѣстность, который никакъ не могъ предвѣщать для Россіи ничего добраго.

Поэтому то ни одинъ отвѣтственный политическій дѣятель, даже такой, какъ лидеръ октябристовъ, А. И. Гучковъ, лично, почти физически не переваривавшій Николая II, не заходилъ въ своихъ желаніяхъ дальше мечтаній о персональномъ низложеніи Николая, чтобы въ періодъ регенства Михаила надъ несовершеннолѣтнимъ Алексѣемъ попытаться создать въ Россіи нѣчто аналогичное Англійскому государственному строю съ царемъ царствующимъ, но не управляющимъ.

И тѣмъ не менѣ революція пришла, ни кѣмъ не желанная, никѣмъ не подготовленная (вѣдь всѣ революціонныя партіи были совершенно разгромлены), для всѣхъ страшная той неизвѣстностью, которую она съ собой несла.

Началась она какъ то странно, почти подозрительно. Рабочіе кварталы въ началѣ оставались совершенно спокойными. Уличные беспорядки дѣлала разношерстная толпа въ достаточной степени добродушно настроенная и уже нисколько не грозная, та самая толпа, которая такъ неподобно охарактеризована Викторомъ Гюго въ его разсказѣ мальчугана, раненаго при усмиреніи. Мальчуганъ оправдывается передъ матерью, что не онъ виноватъ въ томъ, что онъ раненъ, а солдаты, которые не соблюли правилъ игры — начали стрѣлять раньше того третьяго сигнала, послѣ котораго полагается удирать.

Такая же игра въ беспорядки происходила и на улицахъ Петербурга. Люди толпились на Невскомъ, шараясь въ боковыя улицы при видѣ коннаго патруля, порою кричали и свистѣли, а больше даже прогуливались молча, или съ шутками и смѣхомъ.

Вдругъ войска (а кто говорилъ — переодѣтые солдатами полицейскіе) начали стрѣлять. Упали въ разныхъ мѣстахъ ни въ чемъ неповинные прохожіе, частью даже не имѣвшіе ни малѣйшаго желанія участвовать въ демонстраціи и случайно проходившіе по своимъ дѣламъ.

Примѣненіе огнестрѣльнаго оружія отнюдь не оправдывалось положеніемъ дѣла. Несомнѣнно ту толпу, кото-

рая ходила по Невскому, можно было разсѣять несравненно болѣе невинными средствами. Опаснаго для «существующаго строя» въ ней не было ровно ничего.

Въ аналогичныхъ случаяхъ, напр., французская полиція не прибѣгаетъ даже къ палкамъ.

Поэтому раздавшіеся вдругъ выстрѣлы невольно наводили на мысль, что кому то было желательно довести дѣло именно до кроваваго столкновенія.

Охотно даешь вѣру свѣдѣніямъ о томъ, что самые «безпорядки» были инсценированы правительствомъ.

Говорили мнѣ и въ Петербургѣ и въ Стокгольмѣ, что они были согласованы во время знаменитыхъ свиданій столь прославившагося русскаго министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова съ германскимъ агентомъ Фонъ-Люциусомъ въ стокгольмскомъ Грандъ-Отелѣ.

Намѣчалось, будто бы, что, ссылаясь на угрозу революціи, русское Императорское правительство потребуеть отъ союзниковъ согласія на заключеніе имъ сепаратнаго мира.

Если принять эту версію, то поведеніе властей въ Петербургѣ въ первые дни революціи становится вполне понятнымъ. Чтобы легенда о революціонной опасности стала вѣроятной, надо устроить въ дѣйствительности «маленькую революцію», а для сего — произвести уличную стрѣльбу, хотя бы въ ней и не было никакой надобности.

Безъ такой задней мысли, даже и глупое русское правительство не могло бы начать стрѣльбу въ памятные дни конца Февраля — для нея не было никакихъ показаній даже съ чисто полицейской точки зрѣнія. *Такіе* безпорядки бывали въ Петербургѣ не разъ и всегда они ликвидировались безъ стрѣльбы.

Но тутъ сбылись евангельскія слова о подъявшихъ мечъ.

Уже въ первый день произошелъ случай остраго неповиновенія войскъ: на Знаменской площади казакъ зарубилъ полицейскаго пристава, распоряжавшагося стрѣльбой. Самая же стрѣльба явно намѣренно со стороны стрѣлявшихъ оказывалась почти безрезультатной (въѣдъ за время всей первой русской революціи убитыхъ въ Петербургѣ оказалось менѣе двухсотъ).

На другой день произошло еще болѣе яркое нарушеніе дисциплины. Волынскій полкъ, отказавшись стрѣлять по мирнымъ гражданамъ, вышелъ на улицу передъ казармами и оттуда, по случайному совѣту одного изъ рядовыхъ, направился къ Таврическому дворцу — мѣсту засѣданій Государственной Думы. Тамъ въ это время собрались и члены Думы, и уцѣлѣвшіе отъ полицейскаго разгрома послѣ первой революціи члены революціонныхъ партій. Въ городъ устремились съ окраинъ рабочіе. Въ Думу стали приходять разрозненные части другихъ полковъ. Только черезъ два дня, послѣ долгихъ переговоровъ съ Родзянкой пришелъ въ полномъ составѣ во главѣ съ командиромъ Преображенскій полкъ — надежда династіи.

Кончились «безпорядки», началась «революція».

Но въ нее все еще всѣ продолжали не вѣрить.

Въ этотъ моментъ пришелъ въ Думу Высочайшій указъ о роспускѣ Думы.

Говорилось впоследствии часто, что Дума отказалась разойтись. Это весьма неточно.

Дума и не собралась, какъ таковая.

Члены Думы, по полученіи указа, собрались въ *частное* совѣщаніе для обсужденія положенія дѣль, становившагося все болѣе прознымъ.

Члены правыхъ партій уже отсутствовали, но и остальные не проявляли никакой склонности къ рискованнымъ рѣшеніямъ. Во всякомъ случаѣ мое предложеніе

перейти изъ «полуциркульнаго» зала въ залъ общихъ собраний и тѣмъ самымъ официально установить фактъ неподчиненія формально выраженной волѣ монарха, не имѣло ровно никакого успѣха, хотя я тутъ-же пророчествовалъ: «Вы боитесь отвѣтственности? Но отъ отвѣтственности Вы не уйдете, а достоинство свое уроните безвозвратно».

Послѣ долгихъ преній, во время которыхъ, между прочимъ, прославившійся впоследствии своимъ радикализмомъ министр Некрасовъ выступалъ съ предложеніемъ учрежденія какого то пятичленнаго Комитета съ никому неизвѣстнымъ генераломъ Маниковскимъ во главѣ, было, наконецъ, рѣшено образовать «Временный комитетъ для поддержанія порядка и для сношенія съ организаціями и лицами» изъ 12 членовъ Думы.

Самая длиннота названія Комитета нарочито подчеркивала его нереволюціонность.

Уже во время преній въ засѣданіе ворвался офицеръ — начальникъ воинскаго караула съ просьбой о защитѣ противъ толпы солдатъ, студентовъ и рабочихъ, плотнымъ кольцомъ обступившихъ Дворецъ и желавшихъ «снять» карауль.

Толпа вошла во Дворецъ и расположилась въ Екатерининскомъ и Кругломъ залахъ. Начался митингъ, непрерывно продолжавшійся нѣсколько дней и ночей. Сказался сразу великій прѣхъ русской интеллигенціи, столь дорого впоследствии стоившій Россіи — пошли рѣчи, рѣчи и рѣчи. Говорили безъ отдыха, до потери голоса, и никто не думалъ, что надо же начать дѣйствовать.

Толпа стала постепенно приводить представителей стараго режима. Примыкавшій къ засѣданію Думы «министерскій» павильонъ, въ которомъ раньше члены Пра-

вительства собирались передъ выступленіями въ Думѣ, были превращены въ арестное помѣщеніе.

Однимъ изъ первыхъ былъ приведенъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, бывшій министръ Юстиціи, все-свѣтло прославившійся по дѣлу Бейлиса, И. Г. Щегловитовъ.

Я тутъ же замѣтилъ, что половина сдѣлана: изъ правительства вынуты мозги. Это было несомнѣнно не только вреднѣйшій, но умнѣйшій изъ совѣтниковъ Николая.

Предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко, хотѣлъ, было, взять его подъ свое покровительство, но Керенскій, въ это время съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе становившійся кумиромъ толпы, отстранилъ Предсѣдателя. Произошла патетическая сцена, когда присяжный повѣренный, только что собиравшійся идти подъ судъ того же Щегловитова за послѣднюю свою думскую рѣчь, арестовывалъ именемъ народа бывшаго Генераль-прокурора.

Старое правительство еще продолжало собираться, хотя глава его, ничтожнѣйшій кн. Голицынъ, уже подалъ со страху въ отставку. О его душенстроеніи можно судить по одной маленькой подробности, которую добродушно передавалъ одинъ изъ этихъ бывшихъ министровъ: «когда мы засѣдали въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта Министровъ, то вдругъ потухло электричество. Что тутъ за шумъ и гамъ пошелъ, что тутъ вообще произошло, я ясно себѣ не представляю. Но зато, когда электричество вновь зажглось, то я вполне ясно усмотрѣлъ себя сидящимъ подъ столомъ, вмѣстѣ съ другими министрами».

Разумѣется, не съ такимъ настроеніемъ бороться съ революціей и бывшіе г.г. министры начали разбѣгаться. Министръ Юстиціи Добровольскій сѣлъ въ бестъ въ Итальянское Посольство. Впослѣдствіи онъ самъ сдался и

былъ отправленъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и сидитъ по настоящее время. За этимъ господиномъ числятся дѣла чисто уголовного характера и ему не избѣжать казни при любомъ режимѣ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Протопоповъ, спрятался, было, у весьма популярнаго въ Петербургѣ знахаря Бадмаева, но потомъ самъ пріѣхалъ въ Думу и сдался Керенскому, котораго онъ, ко всеобщему смѣху, привѣтствовалъ при этомъ титуломъ Ваше Высокопревосходительство. Протопоповъ тоже въ Петропавловкѣ и умираетъ отъ прогрессивнаго паралича. Министръ Земледѣлія Ритихъ спрятался такъ, что до сихъ поръ о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Министры иностранныхъ дѣлъ Покровскій и Путей Сообщенія Войновскій-Кригеръ не были даже и арестованы. Послѣдняго я только задержалъ на нѣсколько дней въ его же собственномъ кабинетѣ въ Министерствѣ, чтобы охранить его отъ возможныхъ эксцессовъ со стороны толпы. Покровскій авторитетный финансистъ и настолько уважаемый человѣкъ, что поговаривали даже о возможности включенія его въ коалиціонный кабинетъ въ качествѣ министра финансовъ. Теперь онъ избранъ председателемъ Правленія Сибирскаго Банка. Министръ Путей Сообщенія Кригеръ — Войновскій вернулся въ частное желѣзнодорожное дѣло и состоитъ председателемъ Правленія богатѣйшей желѣзной дороги на Югѣ Россіи — Владикавказской. Министръ Торговли сперва спрятался, а затѣмъ объявился въ роли приказчика у извѣстнаго и въ Америкѣ Норвежско-русскаго пароходчика Юнаса Лида. Это такое ничтожество, что его даже арестовать не хотѣли.

Въ Государственной Думѣ тѣмъ временемъ продолжались рѣчи.

Я многократно обращался ко многимъ вліятельнымъ членамъ Думы, въ томъ числѣ къ Председателю Думы

Родзянко, къ Керенскому, къ Чхеидзе, Некрасову и другимъ съ указаніемъ на то, что это — занятіе совершенно безплодное и небезопасное, что пора уже брать власть въ руки, иначе Царь можетъ собраться съ силами, прислать войска съ фронта и быстро подавить все движеніе, что захватъ власти всего легче осуществить черезъ занятіе Министерства Путей Сообщенія, которое обладаетъ своей собственной телеграфной сѣтью, неподчиненной Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Однако мои указанія не встрѣчали сочувствія и лишь 28-го утромъ Предсѣдатель Думы на мое повторное обращеніе нѣсколько даже взволнованнымъ тономъ отвѣтилъ: «такъ если это необходимо, пойдите и займите».

Въ отвѣтъ на это я вынулъ изъ кармана заготовленное уже мною воззваніе къ желѣзнодорожникамъ и предложилъ Предсѣдателю его подписать, а также порученіе отъ Комитета Государственной Думы занять Министерство Путей Сообщенія.

Характерно, что въ обращеніи этомъ слова: «старая власть пала», которыми оно начиналось, Родзянко замѣнилъ словами: «старая власть оказалась безсильной» — настолько еще въ это время въ Думѣ не вѣрили, что революція уже совершилась и къ прошлому возврата нѣтъ. Родзянко такъ и сказалъ: «Какъ можно говорить «пала»? Развѣ власть пала?».

Тѣмъ временемъ вокругъ Думы творилось нѣчто невообразимое. Вся улица передъ Дворцомъ была забита грузовыми автомобилями, полными солдатъ. Толпа стояла такая, что было трудно пробиться. Вѣдь въ Думѣ быть центръ всего, туда несли все: и захваченное на станціи серебро, и пулеметы, и какія то огромныя несоразмерныя кассы, и ружья безъ конца, и ручныя гранаты. Какіе то матросы принесли даже мину Уайтхеда. Динамита было

столько, что если бы въ зданіе попалъ снарядъ, то вѣроятно отъ него ничего бы не осталось. Недаромъ великій князь Кирилль, который привелъ въ Думу свой гвардейскій экипажъ, недолго засидѣлся въ Думѣ. Покопался, покопался на валявшіяся вокругъ ручныя гранаты и ушелъ домой.

Въ невѣроятнѣйшемъ шумѣ и толкотнѣ стоило великаго труда добиться отъ Военной Комиссіи Государственной Думы назначенія въ мое распоряженіе пары грузовиковъ съ солдатами. Третій грузовикъ я уже самъ взялъ на улицѣ и, на легковомъ автомобилѣ во главѣ этой своеобразной арміи изъ солдатъ разныхъ частей безъ одного офицера, я отправился въ походъ на государственную власть Россіи. *)

По городу шла въ это время непрерывная пальба изъ ружей и пулеметовъ — работали пораженные по чердакамъ молодцы Протопопова.

Объѣзжая особенно «бойкія» мѣста, добрались мы наконецъ до Министерства.

Я разставилъ часовыхъ у всѣхъ дверей, а самъ, во главѣ толпы солдатъ, направился въ кабинетъ Начальника Управленія желѣзныхъ дорогъ и потребовалъ къ себѣ старшихъ чиновъ вѣдомства.

Встрѣча мнѣ была оказана, какъ я и предвидѣлъ, самая сердечная. Старшій Товарищъ Министра, инж. И. Н. Борисовъ‡) протянулъ мнѣ руку со словами: «Ну сла-

*) Остальные министерства были заняты сутками и болѣе позже.

‡) Кстати напомню, что незадолго до революціи закончила свои труды работавшая подъ предѣлательствомъ инжен. И. Н. Борисова и при ближайшемъ моемъ участіи особая комиссія изъ правительственныхъ чиновниковъ и представителей различныхъ общественныхъ учреждений и ученыхъ обществъ по выработкѣ, согласно предложенной мною идеи, такъ называемаго «плана сѣти», т. е. списка дорогъ, которыя подлежатъ сооруженію въ ближайшіе годы, чтобы съ одной стороны удовлетворить назрѣвшія нужды страны, а съ другой стороны —

ва Богу. Наконецъ то! А мы Васъ еще вчера ждали».

И дѣйствительно, было самое время кому нибудь становиться во главѣ вѣдомства. Движеніе начинало разгаливаться. Начальникъ Сѣверо Западныхъ ж. д. *Ө. М. Валуевъ* былъ убитъ. Начальникамъ службъ угрожали тѣмъ же. Служащіе начинали разбѣгаться. Спассти положеніе могли только спокойныя, увѣренныя, распоряженія изъ центра.

Второй Товарищъ Министра, *Козыревъ*, извѣстный своей реакціонностью, однако, тоже обѣщаль полное содѣйствіе, оговорившись только, что онъ ничего не предприметь противъ священной особы Государя.

Такъ состоялось завладѣніе государственной машиной, покинутой старыми хозяевами.

Безропотно подчинились старшіе, съ великой радостью — младшіе. Впослѣдствіи линіи меня прямо засыпали выраженіемъ своего восторга отъ переворота и готовно-

создать мощный, согласованный въ своихъ частяхъ единый желѣзнодорожный аппаратъ, въ которомъ ни одна часть не препятствовала бы, по недостатку мощности, работѣ остальныхъ частей. Теперь, когда Америка рѣшила ввести, по примѣру Россіи, объединенное руководство работою дорогъ, ей слѣдуетъ подумать о созданіи аналогичной комиссіи изъ специалистовъ дѣла. Если этой комиссіи и не слишкомъ много будетъ труда по установленію списка еще недостающихъ линій въ столь богатой дорогами странѣ, какъ Америка, то зато придется много потрудиться надъ раздѣленіемъ линій на разряды въ зависимости отъ ихъ мощности и тѣхъ требованій на перевозки, которыя къ нимъ будутъ предъявляться при установленіи планомѣрнаго раздѣленія перевозокъ между дорогами, по сведенію въ одну мощную магистраль столь многочисленныхъ въ Америкѣ параллельныхъ линій, идущихъ зачастую на десятки миль рядомъ, безъ всякой пользы для населенія, но съ совершенно ненужными расходами для дороговладельцевъ, по разработкѣ вопросовъ о конечныхъ станціяхъ и, особенно, по устраненію этихъ ужасныхъ пересѣченій въ уровнѣ, столь понижающихъ провозную способность Американскихъ дорогъ. Въ Россіи по однопутнымъ дорогамъ мы пропускаемъ до 21 пары въ сутки, а по двухпутнымъ до 48 паръ. На Американскихъ дорогахъ объ этомъ и думать нельзя и въ значительной мѣрѣ изъ за пересѣченій въ уровнѣ.

сти удвоить, утроить свои усилия на благо родины. Но какъ недолго все это длилось!

Первымъ моимъ дѣломъ было отправить по всей сѣти сообщеніе желѣзнодорожнымъ служащимъ о совершившемся и призывъ къ великой работѣ на пользу свободной отнынѣ страны. Я писалъ имъ: «Государственная Дума знаетъ, что только величайшимъ напряженіемъ энергіи каждаго желѣзнодорожника можно восполнить недостаточную техническую мощностъ нашего желѣзнодорожнаго аппарата, разрушеннаго плохимъ хозяйствомъ стараго режима. Родина ждетъ отъ Васъ больше, чѣмъ исполненія долга. Она ждетъ отъ Васъ подвига».

Вторымъ дѣломъ было узнать: гдѣ Царь.

Оказалось, что онъ только что дѣлалъ попытку пробраться въ Петербургъ по Николаевской ж. д. (соединяющей Петербургъ съ Москвою), но, доѣхавъ до ст. Тосно, узналъ тамъ, что Николаевскій вокзалъ въ Петербургѣ въ рукахъ революціонныхъ войскъ, и повернулъ обратно въ Бологое въ надеждѣ, обогнувъ Петербургъ съ Юга, проѣхать въ Царское Село по Виндавской или Сѣверо-Западнымъ ж. д. Я сейчасъ же отдалъ распоряженіе, чтобы его не пускали сѣвернѣе линіи Бологое-Псковъ, разбирая рельсы и стрѣлки, если онъ вздумаетъ проѣзжать насильно. Одновременно я воспретилъ всякое движеніе воинскихъ поѣздовъ ближе 250 в. отъ Петербурга.

Но оказалось, что эти мѣропріятія были уже не нужны. Какъ мнѣ впоследствии передавали лица Царской свиты, какъ только царь узналъ, что на сѣти командуя я, а вокзалъ Николаевской ж. д. занятъ какимъ-то невѣдомымъ поручикомъ Грековымъ, онъ какъ-то сразу сдался. *).

*) Въ то же время я сдѣлалъ попытку войти въ сношенія съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, въ то время Намѣстникомъ на Кавказѣ. Для этого я ему телеграфировалъ: «Въ виду исключительной стратегической важности скорѣйшаго окончанія Чер-

Правда, онъ еще дѣлалъ попытки вступить въ переговоры въ Предсѣдателемъ Государственной Думы, просилъ его пріѣхать къ нему на встрѣчу, но это уже была агонія.

Предсѣдатель Г. Думы еще колебался, ѣхать ли ему, или нѣтъ. Я даже держалъ для него подъ парами три экстренныхъ поѣзда на каждой изъ прилегающихъ къ Петербургу дорогъ.

номорской ж. д. и въ виду обнаруженной Главнымъ инженеромъ этой дороги явной неспособности ускорить постройку полагалъ бы его удалить и назначить Главнымъ инженеромъ лично мнѣ извѣстнаго чрезвычайно энергичнаго строителя, обладающаго опытомъ въ скорой постройкѣ дорогъ, инж. Перлова. Испрашиваю на это назначеніе согласія Вашего Высочества. Комиссаръ Государственной Думы Бубликовъ». Великій Князь понялъ ловушку и сталъ запрашивать Ставку, какъ ему поступить, ибо по существу онъ-де совершенно согласенъ съ Бубликовымъ, но не знаетъ, какъ ему сноситься съ такимъ новымъ должностнымъ лицомъ. Не знаю, отвѣтъ ли Ставки, или демонстраціи передъ Дворцомъ, вызванныя моею депешей желѣзнодорожникамъ, убѣдили въ необходимости меня признавать, но черезъ два дня я имѣлъ уже отвѣтъ Великаго Князя.

Впослѣдствіи въ ловушку, устроенную ему Временнымъ Правительствомъ, Великій Князь уже попался. Онъ получилъ назначеніе Верховнымъ Главнокомандующимъ, выѣхалъ отъ преданной ему Кавказской арміи, но по дорогѣ получилъ распоряженіе Временнаго Правительства о его смѣщеніи. Это была все та же боязнь контръ-революціи и несомнѣнно интересъ арміи тутъ приносили въ жертву. Великій Князь несомнѣнно нашелъ бы въ себѣ больше энергіи противостоять развалу арміи, чѣмъ ген. Алексѣевъ. Всего вѣроятнѣе онъ, прежде всего, перешелъ бы въ наступленіе, не дожидаясь лѣта, да и Калушь и Тарнополь при немъ не прошли бы безнаказано и этотъ позоръ русской арміи, если бы и произошелъ, то былъ бы имъ смытъ.

Ужасъ беретъ, когда вспоминаешь объ этомъ постыднѣйшемъ эпизодѣ русской исторіи. Особенно когда знаешь твердо, что въ эти самые дни Австрія готовилась сдаваться. Богемія была накапунѣ бунта, Галиційскіе поляки въ парламентѣ открыто говорили, что они знаютъ откуда придетъ удовлетвореніе ихъ национальныхъ стремленій и не желаютъ терять время и энергію на переговоры съ австрійскимъ правительствомъ. Даже австрійскіе офицеры въ Вѣнѣ, не стѣняясь громко говорили: «Ну теперъ — конецъ! Больше мы воевать не можемъ!» И вдругъ...

Сбылось Гинденбургское предсказаніе о нервахъ.

Но событія назрѣвали быстро. Захвативъ думскія помѣщенія, осколки революціонныхъ партій 1905 г., какимъ то чудомъ уцѣлѣвшіе въ Петербургѣ, спѣшно формировали Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ, разумѣется совершенно самочинно, безъ какого либо подобія выборовъ, и Совѣтъ этотъ съ каждымъ часомъ поднималъ голову, становился требовательнѣе.

Еще въ ночь съ 1 на 2-е Марта Милюковъ на вопросъ: «какова же будетъ программа новаго министерства?» отвѣчалъ: «ну конечно программа блока!». (Блокомъ называлось весьма умѣренное соглашеніе всѣхъ думскихъ партій, кромѣ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, созданное усиліями Милюкова въ цѣляхъ парламентарной борьбы съ Царскимъ министерствомъ).

А черезъ два часа въ засѣданіе Думскаго Временнаго Комитета явился представитель Совѣта Стекловъ и сталъ требовать полнаго отреченія и республики.

Я телеграфировалъ Дворцовому Коменданту, легендарному ген. Воейкову: «передайте Его Величеству, что Предсѣдатель Государственной Думы по измѣнившимся обстоятельствамъ пріѣхать не можетъ».

Поѣхалъ въ Псковъ не Родзянко, а Гучковъ и Шулгинъ, и не для соглашенія, а съ требованіемъ отреченія.

Имъ не пришлось убѣждать Императора. Они его нашли уже покорнымъ народной волѣ, съ готовымъ текстомъ акта отреченія въ рукахъ.

Надо, впрочемъ, признать, что и попытка сопротивленія, была бы почти безнадежна. Въ это время мое обращеніе къ желѣзнодорожникамъ съ извѣщеніемъ о начавшейся революціи облетѣло уже всю Россію и всюду встрѣчено было взрывомъ энтузіазма. Даже попытка не сразу объявить служащимъ мое обращеніе была сдѣлана только однимъ Начальникомъ Южныхъ дорогъ. Черезъ день уже

вся Россія знала отъ желѣзнодорожниковъ, что Государственная Дума встала во главѣ революціи и царству Николая II пришель конецъ.

Одной изъ основныхъ чертъ характера семьи Романовыхъ является ихъ лукавство. Этимъ лукавствомъ проникнуть и весь актъ отреченія.

Во первыхъ, онъ оставленъ не по фромѣ: не въ видѣ манифеста, а въ видѣ депеши Начальнику штаба въ Ставку.

При случаѣ это — кассационный поводъ.

Во вторыхъ, въ прямое нарушеніе основныхъ законовъ Имперіи Россійской, онъ содержитъ въ себѣ не только отреченіе Императора за себя, на что онъ конечно имѣлъ право, но и за наследника, на что онъ уже опредѣленно никакого права не имѣлъ.

Цель этого беззаконія очень проста. Права наследника этимъ нисколько по существу не подрывались, ибо по бездѣтному и состоящемъ въ морганатическомъ бракѣ Михаилъ, въ пользу котораго отрекся Николай, все равно автоматически имѣлъ вступать на престоль Алексѣй. Но зато на время безпорядковъ съ него какъ бы снимался всякій *odium*, какъ съ отрекшагося отъ своихъ правъ.

Какая иронія судьбы! Этотъ актъ самонизложенія монарха пришлось получать изъ его рукъ двумъ убѣжденнымъ монархистамъ — Гучкову и Шульгину.

И они продолжали не вѣрить, что революція совершилась, что въ Россіи нѣтъ и больше быть не можетъ монарха.

Гучковъ, пріѣхавъ въ Петроградъ, смѣло пошелъ объявлять актъ отреченія въ мастерскія Сѣверо-Западныхъ дорогъ, не взирая на старательныя убѣжденія не дѣлать этого со стороны только что назначеннаго мною, на мѣсто убитаго Валугева, новаго начальника дорогъ —

Павловскаго, который хорошо зналъ, чѣмъ это кончится.

Рабочіе обступили Гучкова и, когда онъ, прочитавъ актъ отреченія, воскликнулъ: «да здравствуетъ Императоръ Михайль II», то рабочіе пришли въ страшную ярость и, закрывъ помѣщеніе мастерскихъ, проявляли недвусмысленное намѣреніе актъ уничтожить, а Гучкова линчевать.

Лишь съ великими трудами удалось одному изъ моихъ агентовъ, присутствовавшему при этомъ, убѣдить рабочихъ, что недостойно было бы съ ихъ стороны убивать довѣрчиво пришедшаго къ нимъ человѣка, когда этому человѣку ничего не сдѣлалъ даже Николай.

Самый актъ потихоньку, съ задняго крыльца, увезли мои подчиненные съ вокзала ко мнѣ въ Министерство и я хранилъ его у себя въ кабинетѣ.

Вокругъ вопроса, поднятаго сразу рабочими Варшавскихъ мастерскихъ, разгорѣлась страшная борьба.

Рѣшеніе въ первую голову зависѣло отъ самого Михаила.

Къ нему отправилась на частную квартиру на Миліонной депутація изъ 6 членовъ Государственной Думы. по три изъ числа защитниковъ принятія имъ престола и адвокатовъ полнаго отреченія также и Михаила въ пользу Учредительнаго Собранія. (Набоковъ, Милюковъ, Шульгинъ, Керенскій, Некрасовъ и еще одинъ, котораго фамилію я забылъ).

Не трудно было сторонникамъ второго рѣшенія привлечь Михаила на свою сторону. Онъ никогда не выражалъ желанія царствовать, даже когда былъ наслѣдникомъ (до рожденія Алексѣя) и тѣмъ менѣе могъ онъ прельститься этой перспективой въ столь трудное время.

«Уговоры» не заняли долгаго времени. По крайней мѣрѣ я скоро, всего черезъ нѣсколько часовъ, вслѣдъ за

первымъ отреченіемъ получилъ и второе и мы приступили къ ихъ печатанію. Эта лестная обязанность пала на типографію Министерства Путей Сообщенія, ибо всѣ другія типографіи въ городѣ не работали (кроме одной типографіи Новаго Времени, печатавшей бюллетень, издаваемый думскими журналистами), а рабочіе министерской типографіи были съ утра мною задержаны именно въ виду предстоявшаго печатанія манифестовъ *).

Еще до отреченія Михаила уже былъ составленъ новый кабинетъ.

Составъ его былъ слѣдующій:

Министръ-Предсѣдатель, онъ же Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Кн. Г. Е. Львовъ.

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ членъ Гос. Думы П. Н. Милоковъ.

Министръ Юстиціи чл. Гос. Думы А. Ф. Керенскій.

Министръ Военный и Морской А. И. Гучковъ.

Министръ Финансовъ М. И. Терещенко.

Министръ Земледѣлія, чл. Госуд. Думы А. И. Шингаревъ.

Министръ Путей Сообщенія членъ Гос. Думы Н. В. Некрасовъ.

*) Любопытная подробность. Совѣтъ Министровъ получилъ отреченіе Михаила, обсуждалъ въ Таврическомъ Дворцѣ, въ такой формѣ его опубликовать. Кн. Львовъ предложилъ начать его съ обычныхъ: «Божіею Милостію, Мы Михаилъ II...» и только присутствовавшіе (?) въ этомъ засѣданіи Совѣта Министровъ, мои сотрудники по Министерству Путей Сообщенія, инж. Ю. В. Ломоносовъ и прис. пов. Е. Ф. Сѣдельниковъ, отправленные мною за актомъ отреченія, возстали противъ этой попытки смутить народъ какимъ-то невѣдомымъ ему Императоромъ Михаиломъ и объяснили кн. Львову, что народъ знаетъ Великаго Князя Михаила Александровича, а никакого Михаила II не знаетъ. Такимъ образомъ лишь благодаря вмѣшательству случайныхъ лицъ не была сдѣлана еще одна нелѣпость.. Характерный образчикъ безпомощности кн. Львова.

Министръ Торговли и Промышленности членъ Гос. Думы А. И. Коноваловъ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія проф. Мануйловъ.

Государственный Контролеръ членъ Госуд. Думы И. В. Годневъ.

Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода членъ Госуд. Думы В. Н. Львовъ.

Общая черта всѣхъ этихъ новыхъ министровъ была та, что все это были люди «хорошіе», честные, благожелательные, искренне преданные родинѣ, почти сплошь хорошіе ораторы, но въ дѣлѣ государственнаго управленія совершенные новички. Если еще хотя кн. Львовъ и Гучковъ стояли въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ во главѣ большихъ общественныхъ учрежденій — Земскаго Союза первый и Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета второй, и Коноваловъ былъ наслѣдственнымъ фабрикантомъ (его мануфактура — первая по времени учрежденія въ Россіи), то всѣ остальные никогда ни съ какимъ практическимъ дѣломъ ничего общаго не имѣли.

Это былъ въ существѣ не Кабинетъ Министровъ, имѣвшій управлять великой страной въ отвѣтственнѣйшій моментъ ея исторіи, а нѣкій семинарій государственнаго управленія.

Всѣмъ приходилось, прежде всего, учиться, потому что знали они въ сущности только одно дѣло — говорить рѣчи и критиковать чужую работу.

По политической окраскѣ кабинетъ былъ опредѣленно кабинетомъ «кадетскаго засилія» и не соответствовалъ политической обстановкѣ, опредѣлившейся уже къ моменту его образованія.

Изъ 11 министровъ 4 — Милуковъ, Шингаревъ, Некрасовъ и Мануйловъ официально состояли членами ка-

детской партіи, а два—кн. Львовъ и Коноваловъ, хотя и числились прогрессистами, но были къ ней весьма близки. настолько, что Львовъ передъ революціей даже состоялъ официально членомъ партіи, и лишь вышелъ изъ нея по какому то пустяковому разногласію, а Коноваловъ наоборотъ вступилъ въ партію послѣ выхода своего въ отставку изъ министровъ.

Далѣе въ кабинетъ входили 2 члена совершенно мифической партіи октябристовъ—Гучковъ и Годневъ и одинъ даже правѣе октябристовъ—членъ такъ называемой партіи центра, В. Н. Львовъ.

Объ эти партіи были въ свое время измышлены правительствомъ для созданія видимости правительственнаго большинства въ Думѣ и никакихъ корней въ странѣ не имѣли. Лучшее тому доказательство, что послѣ революціи эти партіи ровно ничѣмъ не обнаружили своего существованія.

Любопытно отмѣтить, что «правые» В. Н. Львовъ и И. В. Годневъ держали себя въ кабинетѣ неизмѣнно лѣвѣе кадетъ и являются виновниками многихъ нелѣпыхъ дѣйствій перваго Временнаго Правительства.

Лѣвыя партіи были представлены только однимъ А. Ф. Керенскимъ, социалистомъ-революціонеромъ по партійной принадлежности.

Наконецъ, совершенно исключительный по курьезности элементъ правительства являлъ собой новый министръ финансовъ—М. И. Терещенко.

Абсолютно нельзя объяснить, кого онъ представлялъ въ кабинетѣ, такъ же какъ никогда послѣ нельзя было добиться, кто его «выдумалъ» — всѣ открещивались, и Родзянко, и Гучковъ, и Миллюковъ*).

*) Когда я сказалъ Гессену, соредктору «Рѣчи», что честь изобрѣтенія Терещенки приписывается П. Н. Миллюкову, то онъ мнѣ съ живостью отвѣтилъ: «Это клевета на Миллюкова!».

Молодой человек со стажемъ маленькаго чиновника по балетной части, никому въ Россіи не извѣстный, въ финансахъ ровно ничего не смыслящій, онъ, однако, только одинъ съ Керенскимъ умудрился удержаться на министерскомъ посту — сперва финансовъ, а затѣмъ иностранныхъ дѣлъ — вплоть до большевистскаго переворота.

Его управленіе вѣдомствомъ носило весьма своеобразный характеръ. За 3 мѣсяца, что онъ стоялъ въ главѣ Министерства Финансовъ, онъ ни разу не удосужился принять докладъ отъ Директора Департамента Государственнаго Казначейства — этого главнаго бухгалтера Государства Россійскаго! Изъ высшихъ чиновъ вѣдомства смѣнился только одинъ Товарищъ Министра А. И. Николаенко — за смертью. Во главѣ Государственнаго Банка продолжалъ стоять И. П. Шиповъ, у котораго хватало лояльности самому громогласно удивляться, какъ это могутъ *его* (!) держать при новомъ Правительствѣ.

Въ то время, когда поддержаніе финансовъ государства являлось дѣломъ первѣйшей важности, мы побоялись, «страха ради іудейска» передъ улицей, поставить во главѣ вѣдомства авторитетнаго банкира, или экономиста-практика, и предпочли взять юношу безъ всякихъ знаній и безъ опоры въ странѣ. Естественно, что для «укрѣпленія» своего «завоеванія революціи» — министерскаго портфеля — онъ долженъ былъ начать съ перваго же дня раздачу государственныхъ средствъ, — вѣдь надо же было быть «пріятнымъ». И раздача началась. Закладывался фундаментъ будущаго краха. Ни одной финансовой реформы не было проведено, ни даже, намѣчено. Въ области практики финансовой, Министерство Финансовъ «не замѣтило» такого явленія, какъ захватъ русскихъ банковъ и промышленности отдѣльными лицами. Стахѣевъ и Ко. контролируетъ свыше 50 предпріятій и 4 банка (Русско-

Азіатскій, Петербургскій Частный, Соедин. и частью, Волжско-Камскій), Ярошинскій имѣеть тоже 4 банка (Русскій Торгово-Промышл., Русскій для внѣшней торговли, Кіевскій частный и, почти, Петербургскій Международный) и свыше 350 милліоновъ «долгу» въ нихъ. Денисовъ—владѣлецъ Сибирскаго банка. Животовскій — Ростовскаго, Немировскій — Воронежскаго, и т. д. Явленіе — новое для Россіи и, казалось бы, не лишнее интереса для Министра Финансовъ, но Терещенко и не подумалъ подвергнуть его оффиціальному и всестороннему разслѣдованію и изученію — какъ оно должно отразиться на интересахъ національнаго хозяйства. Биржа не была открыта и этимъ съ одной стороны, затруднилась реализація Займа Свободы, а съ другой — сдѣлалась невозможной нормальная переоцѣнка промышленныхъ бумагъ на новый, обезцѣненный рубль. Теперь, благодаря этому, нѣмцы скупаютъ русскія промышленныя акціи по баснословно низкимъ цѣнамъ (и, разумѣется, послѣ этого отмѣняютъ большевистскую «націонализацію»). Съ Займомъ Свободы запоздали на добрый мѣсяць, не использовали весь энтузіазмъ первыхъ дней революціи и дождались, пока буржуазія уже успѣла перенутаться безудержной агитаціи крайнихъ-лѣвыхъ, а эти послѣдніе — додумались до агитаціи противъ Займа Свободы.

Въ публикѣ за Терещенкой закрѣпилась образная кличка «жениха съ состояніемъ». Объясняется она тѣмъ, что онъ — молодежь, красивъ и отъ отца, извѣстнаго на югѣ сахарозаводчика, унаслѣдовалъ состояніе въ десятки милліоновъ.

Это былъ анекдотическій элементъ кабинета.

Но положительнымъ его несчастьемъ былъ самъ Министръ-Предсѣдатель, кн. Г. Е. Львовъ. Вѣчно растерянный, вѣчно что-то забывшій, ничего не предусматривающій, постоянно старающійся всемъ угодить, всемъ быть

вряднымъ, щипущій глазами, кому бы еще уступить, какой бы еще выдумать компромиссъ, онъ быть, какъ бы ходячимъ символомъ безсилія Временнаго Правительства.

Необходимой по переживаемому моменту властности въ немъ не было и помину. Наоборотъ, онъ весь точно пропитанъ былъ непротивленствомъ.

Это ему мы въ значительной мѣрѣ обязаны всемірно прогрессивней исторіей съ захватомъ дачи Кпесинской, въ которой безнадежно утонулъ престижъ власти Временнаго Правительства, да, пожалуй, и всякой власти на Руси вообще, и психологически подготовилось пришествіе большевиковъ.

Это онъ всегда, на всѣ предложенія разопнать эту банду силой отвѣчалъ: «нѣтъ, пусть они начнутъ! Пусть не на насъ падетъ вина въ пролитіи крови!» И эта боязнь крови заставляла отказываться отъ всякаго дѣйствія тамъ, гдѣ быть можетъ, было достаточно простого брандепоята, или даже одного энергичнаго окрика (недаромъ вѣдь большевистскую репетицію 3-го іюля прикончилъ дождь). Боялись капель крови, а ея пролилось и прольется еще цѣлое море, потому что страна, переставъ уважать власть и бояться ея, впала въ анархію.

Но нельзя особенно за это винить кн. Львова и его кабинетъ. У нихъ есть серьезнѣйшее оправданіе.

Русская интеллигенція, уже десятки лѣтъ созрѣвшая для участія въ политической жизни страны, но недопускаемая правительствомъ до нормальной, здоровой, политической борьбы, уже давно поддалась искушенію перенести политическій споръ въ область морали.

Она доказывала — и дѣйствительно доказала и своей странѣ и всему міру — что русская самодержавная власть имморальна, ибо держится она только насиліемъ.

Трудно, поэтому, было русской интеллигенціи, когда

власть неожиданно свалилась ей въ руки, сразу же начать примѣнять принужденіе — силой заставлять непокорныхъ исполнять велѣнія власти.

Экспериментъ управления при помощи одного убѣжденія былъ для русской интеллигенціи психологически неизбѣженъ.

Но за кн. Львовымъ были еще и другіе грѣхи, въ которыхъ онъ не имѣетъ уже никакого оправданія.

Этого человѣка уже два года называли въ качествѣ «общественнаго» кандидата на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ и, однако, къ моменту революціи у него не оказалось даже готоваго списка новыхъ губернаторовъ, ни даже непосредственныхъ сотрудниковъ.

Своимъ первымъ Товарищемъ, фактическимъ Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ взялъ перваго подвернувшася подъ руку сотрудника по Земскому Союзу — Д. М. Щелкина, вѣчно заспаннаго, совершенно безцвѣтнаго юношу, пригоднаго, развѣ, для составленія журналовъ засѣданій по несложнымъ вопросамъ, каковую роль онъ до того и исполнялъ въ Канцеляріи Государственной Думы.

Немудрено, если съ такимъ сотрудникомъ дѣятельность кн. Львова сразу приобрѣла анекдотическій характеръ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго Министра было смѣщеніе всѣхъ губернаторовъ и градоначальниковъ. Но такъ какъ своего списка кандидатовъ не было, то былъ примѣненъ слѣдующій «оптовый» приемъ: губернаторами и градоначальниками были назначены соответственные председатели земскихъ управъ и городскіе головы.

При этомъ было ушущено изъ вида, что эти «выборные» по закону должности на дѣлѣ въ подавляющемъ числѣ случаевъ были замѣщены или прямо по назначенію

губернаторовъ, или такими «земскими» людьми, которые для губернскаго «начальства» были завѣдомо «приемлемы», т. е. попросту болѣе или менѣе реакціонны. Въ результатѣ, чиновники 1-го сорта были замѣнены такими же чиновниками, но только 2-го сорта.

Иногда же подобный приемъ управленія приводилъ къ прямому скандалу. Такъ, напр., въ Одессѣ быть случайно весьма приличный градоначальникъ — Сосновскій и уже совершенно неприличный городской голова Пеликанъ — извѣстный на всю Русь глава мѣстной черной сотни, абсолютно ненавидимый населеніемъ, человѣкъ, которому за многія дѣла единственное мѣсто было-тюрьма.

И вотъ такой-то человѣкъ оказался градоначальникомъ Одессы волею революціоннаго Русскаго Правительства!

Мудрено ли, что на мѣстахъ поспѣшили поскорѣе отдѣлаться отъ подобныхъ агентовъ центральной власти и приступили повсемѣстно къ выбору губернскихъ «комиссаровъ» на мѣсто львовскихъ горе-губернаторовъ.

Если къ этому прибавить, что уже въ первые дни революціи всюду была разогнана вся наружная и секретная полиція, а создававшаяся кое-гдѣ милиція была въ подчиненіи у мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, то оказывается, что въ нѣсколько дней въ Россіи были уничтожены весь аппаратъ власти и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ тѣхъ поръ занималось лишь составленіемъ, по получившимся со всѣхъ концовъ телеграммамъ, весьма изящныхъ картограммъ аграрныхъ и иныхъ беспорядковъ въ странѣ, да посыланіемъ отвѣтовъ, что оно лишено возможности что либо сдѣлать и обратилось къ содѣйствію военныхъ властей.

На Руси, въ сущности, не стало никакой власти. А между тѣмъ потребность во власти сильной чувствовалась всѣми, и раньше, и послѣ. Даже у Керенскаго она выра-

зилась въ его «страшной» реторикѣ на Московскомъ Соборѣ. Но это уже была только реторика безъ всякой возможности реального осуществленія. Слушатели слушали и невольно думали: «пугаетъ, а не страшно».

Такимъ то способомъ кн. Львовъ даже и материально подготовилъ будущее торжество большевиковъ.

Какимъ же, дѣйствительно, образомъ всякая власть, будь она коалиціонная, или не коалиціонная, и въ любой странѣ, могла бы сопротивляться первой же попыткѣ насилія надъ ней, если у нея не имѣлось никакого аппарата для воздѣйствія на непокорное меньшинство?

Между тѣмъ, въ Россіи имѣлась еще и специальная причина, по которой требовалась безконечно сильная власть.

Эту причину выяснилъ уже болѣе 100 лѣтъ тому Монтескье въ своемъ *Esprit des lois*. Онъ тамъ выводитъ законъ, по которому каждому пространственному размѣру государства соответствуетъ опредѣленная форма правленія, и нельзя, безнаказанно для формы правленія, мѣнять размѣры государства и, безнаказанно для размѣровъ его, — мѣнять форму правленія. По скольку, говоритъ онъ, государству малому приличествуетъ форма правленія республиканская, а государству размѣровъ среднихъ — монархія, постольку государство огромное токмо деспотіей въ цѣлости удерживаться можетъ*)

*) Весьма популярное возраженіе противъ мысли Монтескье состоитъ въ томъ, что онъ не предусматривалъ возможности еще одного рѣшенія, которое будто бы, нашла Америка. Она существуетъ при всѣхъ ея огромныхъ размѣрахъ, не превращаясь, однако, въ деспотію. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи легко убѣдиться, что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ первый же разъ, когда ихъ страна подверглась экзамену какъ государство, немедленно же, инстинктомъ дѣловыхъ людей, учуяли, въ какомъ направленіи надо начать строить свою государственную власть. Началось невольное увеличеніе силы и власти Президента. Я думаю очень

Поэтому не только все государственно мыслящее въ Россіи, но весь народъ въ совокупности какимъ то здоровымъ инстинктомъ всегда рвался къ этой сильной власти. Я думаю, что и усѣхъ большевиковъ въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что въ нихъ учуяли людей, склонныхъ создать именно сильную власть.

А Временное Правительство кн. Львова не только не утвердило твердую власть, но уничтожило даже самую возможность ея утвержденія.

Поэтому то я и считаю кн. Львова прямо человѣкомъ фатальнымъ для русской свободы.

Русскому народу, помимо того, что русское государство было силою сколочено изъ многочисленныхъ, довольно разнородныхъ, частей и, слѣд., только извѣстной долей силы могло быть удерживаемо въ цѣлости, сильная власть была нужна еще и по мотивамъ психологическимъ.

Русскіе люди за долгіе годы, когда имъ отказывали въ правѣ на активное участіе въ устроеніи судебъ родной страны, чрезвычайно привыкли къ бозотвѣтственной оппозиціи, къ политической воркотнѣ и фрондерству. Свою любовь къ власти самодержавной они неминуемо должны были перенести и на всякую власть вообще.

Надо было предусматривать, что еще долгое время всякая власть на Руси будетъ носить въ себѣ источникъ своей смерти въ день своего рожденія. Всякаго человѣка будутъ переставать любить и начнутъ критиковать и ему сопротивляться, какъ только онъ возьметъ власть въ руки и только за то, что онъ — власть.

Съ этимъ душенастроеніемъ русскихъ людей (вполнѣ,

недалеко то время, когда въ его рукахъ будетъ сосредоточена такая власть, которой позавидовалъ бы любой Артаксерксъ. Эта власть не имѣетъ дѣйкихъ выраженій, она умѣряется общественнымъ мнѣніемъ, но это не мѣшаетъ ей быть безъ-отвѣтственной, дискреціонной и централизованной въ одномъ человѣкѣ.

нстати сказать, уживающимся съ яснымъ *сознаніемъ* необходимости сильной власти) необходимо было самымъ настойчивымъ образомъ бороться, съ одной стороны, путемъ энергическаго творчества въ духъ народныхъ желаній, а съ другой — путемъ не менѣе энергическаго подавленія всякихъ попытокъ къ непослушанію волѣ страны со стороны отдѣльныхъ лицъ и группъ.

А кн. Львовъ занялъ позицію упорнаго ничегонедѣланія и непротивленія.

Итогъ его дѣятельности, съ удивительнымъ сарказмомъ и остроуміемъ, подвель популярный въ Петроградѣ юмористическій журналъ «Сатириконтъ». Въ «министерскомъ» № этого журнала, гдѣ были болѣе или менѣе удачно высмѣяны все министры, кн. Львовъ изображенъ въ видѣ мраморной фигуры, сидящей на тронѣ. Подпись на монументѣ: «Кн. Львову за благонравіе и безвредность». Поясненіе къ картинѣ гласитъ: «Личность легендарная. Говорятъ, будто бы былъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ». Будто..!

Не надо было обладать большимъ даромъ провидѣнія, чтобы предугадать, что изъ этого всего получится.

Поэтому, когда 3-го Марта ко мнѣ въ Министерство пріѣхалъ вновь назначенный Министръ Путей Сообщенія Некрасовъ и сталъ меня уговаривать сотрудничать съ нимъ въ качествѣ его товарища, пока ему удастся — вѣроятно въ ближайшемъ же будущемъ — убѣдить Совѣтъ Министровъ назначить его министромъ безъ портфеля, то я постарался уклониться отъ этой чести.

Главнымъ моимъ мотивомъ было то, что, по моему глубокому убѣжденію, съ *такимъ* предсѣдателемъ Временное Правительство должно будетъ свалиться черезъ какихъ нибудь два мѣсяца, увлекши въ своемъ паденіи и кадетскую партію — единственную, на которую Россія еще могла надѣяться.

Неизбѣжность прохожденія Россіей періода увлеченія крайними политическими и соціальными ученіями вырисовывалось для меня уже тогда вполне ясно.

Поэтому, сдавъ через нѣсколько дней Министерство Некрасову, я закончилъ свое участіе въ правительственной дѣятельности.

Вспоминная теперь эти 6 дней и ночей непрерывной работы, я думаю что я могу ими гордиться.

Желѣзнодорожники, увлеченные моимъ призывомъ и личнымъ примѣромъ, работали дѣйствительно богатырями.

Не взирая на свирѣпствовавшіе въ дни революціи по всей Россіи небывалые заносы, наша сѣть работала какъ никогда. Въ Петербургъ, напр., подавалось до 2000 вагоновъ, чего не бывало ни до, ни послѣ революціи.

Благодаря этому, Петербургъ въ дни борьбы не испытать голода. Теперь, когда этого не произошло, трудно даже себѣ представить, что бы было въ обратномъ случаѣ.

Милліонной желѣзнодорожной арміи сразу же была привита единственная спасительная для всего будущаго Россіи мысль, что спасеніе страны, спасеніе собственнаго благополучія лежитъ только въ величайшемъ напряженіи труда народнаго и ни въ чемъ другомъ.

И люди со восторгомъ несли этотъ свой трудъ на благо своей отнынѣ свободной родины.

И какъ все это потомъ измѣнилось!

Что дѣлали въ это время другіе важнѣйшіе на Руси факторы?

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ за эти дни успѣлъ родить свой знаменитый «приказъ № 1». съ котораго пошло разрушеніе нашей арміи, паденіе внѣшняго престожа государства и исчезновеніе всякой внутренней безопасности. и дѣятельно работали надъ созданіемъ своихъ развѣтвленій по всей странѣ. Словомъ, готовился къ

захвату власти въ будущемъ. Пока же онъ опредѣленно занялъ позицію печальной памяти «Звѣздной палаты», т. е. безотвѣтственнаго закулиснаго органа, фактически ведущаго государственную политику за спиной, якобы, полномочнаго отвѣтственнаго лишь передъ всѣмъ народомъ Кабинета.

Временное Правительство ... начало свою дѣятельность съ того, что, обойдя молча этотъ проклятый приказъ прикрыло его своимъ авторитетомъ, вѣрнѣе, сразу поставило себя въ подчиненное въ отношеніи Совѣта положеніе.

Первый шагъ къ разрушенію русской государственности прошелъ безъ протеста со стороны новой государственной власти. Русская интеллигенція, составившая эту власть, такъ привыкла въ царскія времена только ворчать на культурно и государственно-разрушительныя дѣйствія императорскаго русскаго правительства, а не бороться съ ними, такъ и теперь ограничилась только тѣмъ, что понегодовала на безумное, самоубійственное для Россіи дѣйствіе новаго пана, но не сдѣлала ни малѣйшей попытки серьезно бороться съ анархическимъ духомъ приказа, даже впоследствии, руками Полпванова и Гучкова (!), постаралась придать ему quasi закономѣрный видъ.

Политически болѣе зрѣлымъ людямъ было, однако, уже тогда ясно, что этотъ приказъ — начало конца. Я помню, какъ представитель французской арміи на кавказскомъ фронтѣ, доблестный полковникъ Шардиньи, съ рыданіемъ спрашивалъ: «Зачѣмъ это? Вѣдь это — конецъ Россіи!»

кричалъ только на рѣкѣ своей
И вѣрно: il n'y a le premier pas qui coute.

Дальнѣйшее разрушеніе русской государственности пошло уже гладко.

И что удивительнаго, что Россію раздѣленную, растерзанную взаимнымъ недоверіемъ и ненавистью, нѣмцы теперь берутъ голыми руками? Tu l'as voulu.....

Не понимаю я также, чего обвиняют большевиковъ въ томъ, что они «лишили» Россію арміи. Развѣ большевики писали «приказъ № 1»? Развѣ они положили прочное основаніе дѣлу уничтоженія русской арміи? Развѣ большевики смолчали передъ Калущемъ и Тарнополемъ? Наоборотъ, большевики грабителей, насильниковъ и мародеровъ, насколько слышно, разстрѣливаютъ даже безъ суда.

Земства и города ... усиленно «демократизировались», но къ сожалѣнію, заполнялись при этомъ людьми, весьма мало пригодными для реальной работы, но зато весьма склонными къ неудержимой раздачѣ земскихъ и городскихъ средствъ безъ всякаго соображенія съ ихъ доходнымъ бюджетомъ.

Началось разрушеніе культурной работы десятилѣтій, работы, которой, съ полнымъ основаніемъ, гордилась Россія и которой удивлялись иностранцы. Ненавистный царскому правительству земскій «третій элементъ» частью разогнанъ, частью разбѣжался самъ. То, что не удавалось Плеве и Маклаковымъ, то съ легкимъ сердцемъ довольно быстро сдѣлали преобразованныя земскія и городскія самоуправленія.

Государственная Дума утвердивъ, черезъ свой Временный Комитетъ, первый составъ Совѣта Министровъ, какъ бы почла отъ дѣлъ. Она не собиралась даже и въ частныя совѣщанія. Часть членовъ ушла въ министры и въ товарищи министровъ, часть уѣхала на мѣста въ качествѣ комиссаровъ или по личнымъ дѣламъ. Играть какую либо роль она и не пыталась. Тѣмъ болѣе, что въ это время была создана теорія, по которой вся государственная власть въ Россіи преемственно сосредоточилась въ рукахъ Временнаго Правительства, и Г. Дума, какъ таковая, даже и собираться не имѣетъ права. На этомъ

особенно настаивалъ П.Н.Милюковъ. Это не помѣшало ему въ послѣдствіи, послѣ ухода въ отставку, придти въ частное совѣщаніе этой же Думы жаловаться на нѣмецко-совѣтскую интригу, жертвою которой онъ, будто бы, палъ. Несомнѣнно, что только усиліямъ Милюкова Дума обязана тѣмъ, что ею не было сдѣлано даже малѣйшей попытки какъ нибудь вліять на ходъ событій. Вѣдь не на заявленія же В. Н. Львова, что кн. Львовъ получилъ власть изъ рукъ самодержавнаго Царя Михаила II и передъ Думой не отвѣтствененъ, обращали вниманіе, когда Думу не созывали и не дѣлали попытокъ и ее демократизировать по тому методу, по которому деморатизировались Городскія Думы и Земства, хотя бы черезъ включеніе всѣхъ «несправыхъ» членовъ первыхъ трехъ Думъ? Постепенно Дума лишалась всякаго значенія, всякаго вліянія на ходъ событій. Думскій Комитетъ замкнулся въ узкій кругъ дѣлъ по распредѣленію пожертвованій, поступавшихъ въ Думу, и лишь въ самое послѣднее время, когда событія стали уже явно угрожающими, Дума стала пытаться высказывать свое мнѣніе. Но ея безсиліе, отсутствіе всякой опоры въ странѣ, начало чувствоваться съ перваго дня. Поэтому всѣ раздавшіеся впослѣдствіи крики противъ «контрреволюціонной» Думы и требованія ея разгона являлись результатомъ просто напуганнаго воображенія крайнихъ партій. Дума медленно незамѣтно умирала. Агонія ея началась еще въ послѣдніе дни Февраля, когда она не проявила мужества открыто и смѣло стать во главѣ движенія, взять его въ свои руки. Еще весной, къ немалому негодованію моихъ думскихъ коллегъ, я позволилъ себѣ въ газетномъ интервью высказать, что Дума — это политическій трушъ, который ничто уже не можетъ гальванизировать.

Дѣйствительность, увы, оправдала мое предсказаніе.

Политическія партіи начали всероссійскую партійную грызню, натравливаніе всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ, проповѣдь классовою и всякой иной ненависти.

Въ дни, въ которые требовалась консолидація всѣхъ силъ націи, когда надо было, цѣной взаимной уступчивости, сгруппироваться вокругъ одного знамени и порѣшиться съ первѣйшей и важнѣйшей національною задачей — поскорѣе прикончить войну, чтобы затѣмъ переходить къ другимъ задачамъ государственнаго творчества, началась изступленная пропаганда всякаго разъединенія. Послѣдующая проповѣдь гражданскою войны была только дикарски прямолинейнымъ выводомъ изъ поспѣвовъ, сдѣланныхъ въ первые дни (Еще бы, вѣдь во всѣхъ книжкахъ сказано, что въ культурномъ государствѣ требуется партійная борьба и существуютъ классовыя противорѣчія, такъ развѣ можно хотя на день отложить ихъ выявленіе и обостреніе?).

Слова: Россія, родина, отечество — стали почти неприличными и изъ употребленія на митингахъ были совершенно изъяты. Можно было «спасать революцію», но «спасать Россію» — это было уже нѣчто контрреволюціонное.

И Россія, коренная Россія, словно обомлѣла передъ этимъ натискомъ всевозможныхъ нагледовъ. Съ вѣками выработанной привычкой къ повиновенію и уступчивости передъ каждымъ окрикомъ, она терпѣливо сносила это всенародное оплеваніе. Можно было безнаказанно выкинуть плакать «да здравствуетъ Германія», какъ это было сдѣлано въ Бѣлоостровѣ возвращающимися на родину «спасителями», но едва-ли кто рискнулъ бы, да и смогъ бы безопасно пройти по Невскому съ плакатами «Да здравствуетъ Россія». «Все для Родины», «Долой ненависть», «Да

здравствуетъ единеніе и любовь всѣхъ безъ изытія русскихъ людей!»!

19-го марта собрался въ Москвѣ первый Всероссійскій Съѣздъ Союза Торговли и Промышленности. Составъ его былъ весьма демократическій. Это не была европеизированная петербургская буржуазія, а простые, немудрящіе кушцы изъ разныхъ Россійскихъ захолустій — почти «хозяйственные мужички», а не кушцы. На ихъ лицахъ отпечатывалось полнѣйшее недоумѣніе передъ тѣмъ, что происходитъ, передъ этимъ оплеваніемъ и отрицаніемъ родины. И надо было видѣть ихъ неподдѣльный восторгъ, ихъ слезы, ихъ крики безъ конца, когда послѣ долгихъ и не всегда для нихъ понятныхъ рѣчей, я обратился къ нимъ съ простыми словами русскаго человѣка, «осмѣлился» заговорить о любви къ Россіи, о необходимости *ей* послужить въ первую голову, а не чему либо другому, когда я призывалъ ихъ стѣной стать «з а р о д и н у». Если бы кто видѣлъ этихъ плачущихъ людей, обнимавшихъ меня, хотя бы того древняго старика, что бросился цѣловать мнѣ руку, тотъ можетъ быть понялъ бы, сколько лжи, сколько противорѣчія всей русской натурѣ, было, въ проповѣди ненависти. Но..... на любовь и самопожертвованіе тогда не было моды. Кошмарные тогда переживала Россія дни и надо было, чтобы начали есрывать по кускамъ, чтобы проснулись здоровыя чувства, чтобы даже партійные болтуны заговорили о необходимости спасти Россію и революцію, перестали замалчивать и забывать ее, многострадальную родину—мать.

Пресса сразу же раздѣлилась на двѣ части. Одна стала систематически заподозривать каждый шагъ Временнаго Правительства, другая, — такъ же систематически замалчивать его грѣхи, и неизвѣстно еще, что было вреднѣе.

Демагогія Некрасова вызывала крайнее негодованіе «буржуазныхъ» журналистовъ весьма различныхъ отъѣнковъ, но на вопросъ, почему же это негодованіе не отражается на листахъ газетъ, отвѣчали неизмѣнно: *нашъ mot d'ordre* — поддерживать Временное Правительство. Лишь много времени спустя, уже послѣ того, когда даже Церетели рѣзко разошелся съ Некрасовымъ въ пониманіи прерогативъ Министра и его подчиненныхъ, появились, наконецъ, статьи противъ Некрасовской демагогіи и то, кажется, только въ однихъ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Замалчивали все. Не трогали даже нелѣпаго Мануйлова, хотя въ газетной средѣ имѣло большой успѣхъ *mot* одного изъ журналистовъ: «въ моихъ глазахъ Кассо*) оправданъ, ибо онъ выгналъ Мануйлова изъ Московскаго Университета. Это, эй Богу, не было ни глупо, ни вредно для Россіи».

Впрочемъ, г.г. Министрамъ газетъ и некогда было читать. Одни, какъ напр., Коноваловъ, работали такъ, что едва урывали 4—5 часовъ на сонъ, другіе носились съ митинга на митингъ, и..... у х а ж и в а л и. Петербургъ — великій сплетникъ и амурныя похожденія нѣкоторыхъ изъ Министровъ не мало способствовали паденію престижа власти. Конечно, все это частная жизнь, но, «публика» любитъ быть очень строга къ старшимъ и хочетъ, чтобы «излюбленные» люди были, какъ жена Цезаря. Пресса отвѣчала этому настроенію и долгое время не появлялось въ Петербургѣ, не только что каррикатуръ на Министровъ, но даже и почтительной критики. Считалась непозволительнымъ *такимъ* людей затрогивать. Нѣкоторыхъ же, какъ Керенскаго, возвели на такой пьедесталъ, что не могла у него не закружиться голова.

Едва ли можно признать, что пресса, особенно буржуазная, была на высотѣ исторической своей задачи.

*) Ультрареакціонный Министръ Народнаго Просвѣщенія при Николаѣ II.

Что дѣлать въ это время Царь?

Царь, къ великому моему удивленію, отправился ~~къ~~ Пскова въ Ставку. Какъ только я получилъ справку о назначеніи въ Могилевъ для литернаго поѣзда "А", въ которомъ Царь путешествовалъ по Россіи, я немедленно же телефонировалъ Гучкову, съ согласія котораго это, конечно, только и могло произойти, чтобы высказать ему свое недоумѣніе и опасеніе, какъ бы Царь въ Ставкѣ не вздумалъ организовать сопротивленіе. Но Гучковъ спокойно отвѣтилъ: «Онъ совершенно безвреденъ».

И дѣйствительно, онъ совершенно добросовѣстно подчинился своей участи. Последнее его приказаніе было ген. Иванову, который пытался прорваться въ Петербургъ съ двумя эшелонами георгіевскихъ кавалеровъ — прекратить сопротивленіе и подчиниться новой власти.

Но все таки разрѣшеніе уволенному въ отставку Царю свободно разъѣзжать по странѣ, направляться къ войскамъ, среди которыхъ могли оказаться и преданныя ему, все это не могло не казаться страннымъ съ перваго взгляда.

Мотивомъ же согласія на это со стороны Гучкова могло быть только его величайшее — и демонстративное — презрѣніе къ ничтожной личности Николая II.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ такихъ «тонкихъ» чувствъ разумѣется раздѣлять не могъ и сталъ требовать его ареста.

13-го числа марта меня вызвали, сперва къ Родзянко, а затѣмъ въ Совѣтъ Министровъ и предложили, совместно съ 3 другими членами Г. Думы, отправиться въ Могилевъ, арестовать тамъ Царя и доставить его въ Царское.

Первымъ моимъ движеніемъ было отказаться отъ этой «почетной» роли. Слишкомъ мнѣ претило разыгрывать изъ себя тюремщика. Но затѣмъ, поразмысливъ, я

рѣшили принять порученіе. Миѣ представлялось, что другое лицо на моемъ мѣстѣ (я ѣхалъ въ качествѣ предсѣдателя) пожалуй не воздержится отъ искушенія проявить въ чемъ нибудь свою «власть» надъ бывшимъ Царемъ, а всякая даже непочтительность по его адресу, въ моемъ пониманіи, легла бы лятномъ не на него, а на молодую русскую свободу. Вѣдь всякая выходка въ отношеніи человѣка, передъ которымъ еще вчера дрожали 180 миллионъ человѣкъ, слишкомъ бы уже напоминала извѣстную басню Крылова. А въ тѣ дни русская революція мыслилась еще какъ нѣчто чрезвычайно красивое.

Надо было, слѣдовательно, выяснять свои задачи и устанавливать цѣлый рядъ положеній. Засѣданіе Совѣта Министровъ произвело на меня впечатлѣніе чрезвычайно безтолковщины, многоговоренія и отсутствія предусмотрительности.

Этими качествами отличались, впрочемъ все засѣданія Временнаго Правительства. Напр., серьезный (?) вопросъ о закрытіи Пажескаго корпуса и объ устройствѣ на его мѣстѣ, Садовой школы прапорщиковъ отнялъ у Совѣта Министровъ 3 часа. При этомъ многіе министры постоянно бѣгали къ телефону справляться съ мнѣніями и настроеніями Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Понятно, что и вопросъ объ арестѣ Царя потребовалъ длительного обсужденія, тѣмъ болѣе, что и представленъ онъ былъ Совѣту Министровъ въ совершенно сыромъ видѣ, какъ голая мысль.

Самый актъ ареста рѣшено было именовать—объявленіемъ Царя «лишеннымъ свободы». На мой вопросъ, какъ его именовать въ третьемъ лицѣ и при обращеніи, будетъ такое потребуетъ, рѣшили именовать: «бывшимъ императоромъ», а относительно титулованія при личномъ обращеніи, поколебавшись немного между Вашимъ Высочествомъ и Вашимъ Величествомъ, останови-

лись на послѣднемъ, однако безъ прибавленія слова Императорское.

Попутно выяснилось, что Царь обращался къ Временному Правительству съ тремя просительными пунктами: 1) объ обезпеченіи ему безопаснаго проѣзда изъ Могилева до Царскаго, 2) объ охранѣ его во время пребыванія въ Царскомъ и 3) объ обезпеченіи его проѣзда на Мурманъ и въ Англию.

Рѣшено всѣ три просьбы удовлетворить и внести объ этомъ въ постановленіе Совѣта Министровъ, коимъ Царь объявлялся лишеннымъ свободы.

Когда я выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы по только что открытой для движенія Мурманской ж. д. удалось пропустить весьма тяжелый Императорскій поѣздъ, то Министръ Путей Сообщенія весьма наивно отвѣтилъ, что тогда придется подождать до весны. Пришлось мнѣ ему разъяснить, что весной уже навѣрное не придется, вообще, проѣхать по этой дорогѣ, ибо ея на весьма значительномъ протяженіи не будетъ даже и существовать, сейчасъ же она держится только тѣмъ, что на ней работаетъ дорожный мастеръ «морозъ». Министръ поспѣшилъ согласиться, что на дорогѣ что-то неладно и обѣщаль послать на нее высшаго чиновника вѣдомства для осмотра.

Попросивъ Министра о назначеніи мнѣ къ вечеру экстреннаго поѣзда по Видавской ж. д., я удалился изъ Совѣта Министровъ.

Вопросъ о приставленіи къ арестованному царю стражи и отъ отобраніи у него шаги такъ и остался не обсужденнымъ, ибо я молча рѣшилъ этихъ церемоній не продѣлывать.

Когда вечеромъ я приѣхалъ на вокзалъ, то оказалось, что наша «секретная» миссія разоблачена, ибо насъ встрѣтила цѣлая толпа журналистовъ съ просьбою пустить ихъ въ поѣздъ.

Посоветовавшись, мы рѣшили имъ этого не разрѣшать. Однако одинъ изъ нихъ, сотрудникъ «Рѣчи» оказался не менѣе энергичнымъ, чѣмъ его американскіе коллеги и умудрился какъ то пробраться въ служебное отдѣленіе.

Съ утра наше путешествіе стало превращаться въ триумфальное шествіе. По линіи наша поѣздка стала известна, насъ встрѣчали на каждой станціи толпы железнодорожныхъ служащихъ и населенія, говорились привѣтственныя рѣчи, раздавались крики «ура». Я старался отвѣчать, хотя в сутки безъ сна и съ постоянными разговорами по телефону давали себя знать—и почти лишился голоса.

Въ Могилевъ мы прибыли тоже подъ общіе крики «ура».

Сейчасъ же мы отправились на автомобиляхъ въ городъ къ Начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго — ген. Алексѣеву.

Считая, что бывшему Императору будетъ легче получить приказъ объ арестѣ изъ рукъ болѣе ему близкаго, военнаго человѣка, я просилъ ген. Алексѣева принять на себя эту миссію и мы отправились, послѣ короткой бесѣды, обратно на вокзалъ.

Императорскій поѣздъ лит. «А» стоялъ по правую сторону промежуточной платформы. Напротивъ его, по другую сторону платформы стоялъ Императорскій поѣздъ лит. «М»—вдовствующей императрицы-матери Маріи Феодоровны, только что прибывшей изъ Кіева, чтобы проститься съ сыномъ.

Бывшій Императоръ находился у матери. На платформѣ сновали лица свиты. Почему то счель нужнымъ подойти ко мнѣ и представиться герцогъ Лейхтенбергскій, бывшій командиръ эскадры миноносцевъ на Черномъ морѣ. Затѣмъ подошелъ лейбъ хирургъ проф. Федо-

ровъ. Мнѣ невольно бросилось въ глаза, что у него на погонахъ выцарапанъ вензель Николая. Впослѣдствіи оказалось, что это — только на погонахъ пальто. Еще бы—вѣдь надо было идти пить чай къ бывшему хозяину. Пр. Федоровъ выразилъ желаніе передать мнѣ кое-что со словъ иностранныхъ агентовъ при Ставкѣ и я его пригласилъ придти въ пути ко мнѣ въ вагонъ, который я тѣмъ временемъ приказалъ прищипить къ Императорскому поѣзду. Когда потомъ проф. Федоровъ пришелъ ко мнѣ въ вагонъ, то оказалось, что на его тужуркѣ вензеля въ цѣлости. По приѣздѣ я повезъ проф. Федорова къ Предсѣдателю Гос. Думы, чтобы онъ самъ ему доложилъ сообщенныя мнѣ свѣдѣнія. Въ Гос. Думѣ проф. Федоровъ въ ожиданіи, пока его приметъ Предсѣдатель Гос. Думы, поспѣшилъ сбѣгать въ уборную и тамъ выцарапалъ вензеля и на тужуркѣ. Я рассказываю этотъ глупый эпизодъ какъ образчикъ того, какъ ближайшіе къ бывшему Царю лица спѣшили хамски-пошло отъ него отмежеваться. На обратномъ пути насъ осаждали депутаціи отъ императорскаго конвоя, отъ поѣздной желѣзнодорожной бригады и даже отъ придворныхъ лакеевъ и поваровъ съ выраженіями вѣрноподданическихъ чувствъ по отношенію къ революціи и съ просьбою передать Г. Думѣ собранныя между собой небольшія суммы «на дѣло свободы». Но рекордъ хамства впослѣдствіи побилъ Гофмаршальская Часть, которая обратилась къ Комиссару по дѣламъ бывшаго Кабинета Его Величества, члену Гос. Думы И. В. Титову, съ запросомъ, давать ли съ фермы молоко дѣтямъ бывшаго Императора. Это больнымъ то дѣтямъ своего бывшаго повелителя!

Вотъ уже по истинѣ, какъ у Островскаго: «Позвольте мнѣ для Васъ какую нибудь подлость сдѣлать».

Конечно, Николай II слишкомъ многое сдѣлалъ, чтобы отвратить отъ себя сердца своихъ подданныхъ, но

всеже ничто не оправдываетъ этихъ приближенныхъ къ нему лицъ, всю жизнь пользовавшихся его милостями, къ ихъ стремленіи поскорѣе отмежеваться отъ своего бывшего барина въ дни постигшаго его несчастья.

Съ дѣйствительнымъ достоинствомъ держалъ себя только Оберъ-Гофмаршалъ Высочайшаго Двора, князь Долгорукій, который, кажется, и по сейчасъ не оставилъ бывшего Царя.

Б. Министра Императорскаго Двора гр. Фредерикса и пресловутаго Дворцоваго Коменданта ген. Воейкова, знаменитаго автора «Куваки»—скверной ключевой воды, которую бывший Министръ Путей Сообщенія, С. В. Рухловъ, чтобы имѣть «руку» при Дворѣ, всучивалъ насильственно русскимъ путешественникамъ на всѣхъ станціяхъ и въ вагонахъ-ресторанахъ, въ Ставкѣ уже не оказалось. Они уѣхали еще раньше нашего приѣзда и были впоследствии арестованы въ дорогѣ.

Изъ лицъ Государевой свиты мы рѣшили не брать съ собою только адм. Нилова, пользовавшагося дурной славой въ народѣ. Когда я его потребовалъ къ себѣ, то предо мной предсталъ, руки по швамъ, старикъ съ лицомъ пропойцы и трясущимися руками и тихимъ голосомъ отвѣчалъ по военному: «слушаюсь».

Онъ былъ просто жалокъ этотъ старикъ, который, однако, тоже имѣлъ на совѣсти не мало зла, принесеннаго Россіи. Онъ тоже былъ членомъ той банды, которая десятилѣтіями старалась деморализовать и душиить страну и въ результатъ дала намъ эту Россію безъ характеровъ, безъ грамотныхъ и честныхъ гражданъ, а лишь до предѣла озлобленныхъ за долгіе годы страданій людей.

Въ окнѣ вагона Императрицы виднѣлся ея силуэтъ — женщины въ черномъ съ бѣлымъ платкомъ у глазъ. Видно было, что они прощались.

Б. Императоръ выскочилъ изъ вагона Императрицы

на перронъ и быстрымъ, бодрымъ шагомъ пошолъ наискось къ своему вагону.

На лицѣ у него совершенно не отражались трагическія событія, которыя имъ переживались. Повидимому, всё скружающіе были больше взволнованы, чѣмъ онъ.

Въ живописномъ костюмѣ Собственнаго Его Величества конвоя въ лихо заломленной набекрень папахѣ, съ закинутой назадъ головой, пронесся онъ по перрону, на ходу козыряя не большой, въ 2—3 десятка людей, кучкѣ, собравшейся къ тому времени на перронѣ.

Бросился было къ нему поцѣловать его руку адм. Нпловъ, но онъ, не остановившись, съ видимой брезгливостью вырвалъ свою руку.

Вслѣдъ за Императоромъ въ вагонъ вошелъ ген. Алексѣевъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ обратно на перронъ съ постановленіемъ Совѣта Министровъ въ рукахъ, которое и вернулъ мнѣ. Актъ объявленія б. Императора лишеннымъ свободы состоялся.

Попрощавшись съ ген. Алексѣевымъ, я прошелъ въ свой вагонъ и приказалъ двигаться.

Люди на перронѣ — нѣсколько дворцовыхъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ и 2—3 солдата — съ ген. Алексѣевымъ во главѣ молча провожали насъ глазами. И это молчаніе преслѣдовало насъ вплоть до Царскаго.... Только завидя меня у окна задняго салона-вагона, люди молча козыряли, или снимали шапки: народъ точно чувствовалъ, что везутъ мертвеца.

Мы выѣхали изъ Могилева въ 4 ч. 45 м. вечера. Въ скорости въ императорской столовой былъ сервированъ five o'clock tea. Мнѣ передавали потомъ, что за разговоромъ во время чая, между прочимъ, б. Императоръ сказалъ своимъ собесѣдникамъ; «Да, Вы знаете? я лишень свободы»...

Чѣмъ это хуже знаменитаго «Rien!» въ дневникѣ Людовика XVI въ день взятія Бастиліи?

Кончается, цѣлая эпоха, рушится цѣлый міръ и вдругь пикантная новость: знаете?....

Что будетъ написано въ концѣ концовъ въ новой главѣ русской исторіи, начавшейся въ памятные Мартовскіе дни — еще неизвѣстно. Но романовская 300-лѣтняя глава закончилась поражающе безцвѣтно.

Даже никакаго драматическаго момента.

Главное дѣйствующее лицо — какой то деревянный солдатикъ, на которомъ ничто не отражается.

Паденіе съ головокружительной высоты, вчера — возможность снести любую голову, сегодня — «лишеніе свободы», вчера — въ рукахъ рычаги не только русской, но міровой исторіи, сегодня — полное бѣзсиліе и ничтожество, кругомъ — измѣна самыхъ близкихъ людей, крушеніе дѣла всей жизни, позоръ и ни одинъ мускуль на лицѣ не дрогнетъ....

Ко мнѣ въ вагонъ пришелъ кн. Долгорукій съ просьбой разрѣшить отправить въ Царское Село двѣ депеши о высылкѣ на вокзалъ автомобилей и экипажей для багажа. Я помѣтилъ на депешахъ «передать разрѣшаю. Комиссаръ Государственной Думы А. А. Бубликовъ».

Начальникъ Риго-Орловской дороги инж. Гейнрих-сень принесъ мнѣ на просмотръ депешу на имя б. Императора отъ герцога Коннаутскаго. Я, не читая, приказалъ передать ее адресату.

Кн. Долгорукій спросилъ не пожелаемъ ли мы обѣдать. Я поблагодарилъ и отказался. Долгорукій ушелъ.

Обращался еще ко мнѣ съ просьбой гр. Модрвиновъ — чтобы остановили поѣздъ въ Гатчинѣ.

Торопились царскіе слуги поскорѣе съ нимъ разстаться. Послѣ, въ Царскомъ Селѣ ихъ не оказалось уже ни одного, кромѣ Долгорукаго. Императрица сама должна

была, въ роли сидѣлки, ухаживать за больными дѣтьми. Ни одна изъ «дамъ свѣта» не пожелала ей помочь.

Пришелъ въ вагонъ гр. Теодоровъ и сталъ разсказывать разные сплотно изъ придворной жизни.

Одна изъ нихъ мнѣ запомнилась, какъ весьма характерная для личности Николая II.

Пришло въ эти дни, съ нарочнымъ, письмо къ нему отъ Императрицы изъ Царскаго. Положеніе его дѣтей было очень опасное—корь въ такомъ возрастѣ, вѣдь болѣзнь очень серьезная. Поэтому, совершенно нельзя даже понять, для чего онъ, нѣжный отецъ, почти двѣ недѣли сидѣлъ въ это время въ Ставкѣ. Вѣроятно же всего, по инерціи — слишкомъ онъ привыкъ за послѣдніе годы прятаться гуда отъ истерички-жены, постоянно закатывавшей ему грандіозныя сцены. По Петербургу даже циркулировало нѣтуточное стихотвореніе, кончавшееся послѣ каждаго куплета прищѣвомъ:

«Царь же все ѣздилъ изъ Царскаго въ Ставку».

Совершенно ясно, какой интересъ должно было представлять для него полученное имъ большое письмо.

Однако, когда онъ началъ, было, его читать, то вдругъ замѣтилъ, что уже 10 ч. у. — время, полагающееся, по росписанію, на чаешитіе. И, отложивши письмо въ сторону, онъ до 11 час. пилъ чай!

Какое то каменное сердце!

У этого заводного человѣка, кажется, была одна только страсть, да и та пассивная, какъ пассивно было и его упрямство, это — зависть.

Здѣсь не разъ ослаблялись его задерживающіе центры.

Любопытный эпизодъ разсказывалъ гр. Витте. Когда намѣчалась поѣздка Царя во Францію, то, послѣ того какъ все было уже согласовано съ Французскимъ Правительствомъ и французскія газеты разболтали всѣ подробности

церемоніала приѣма, онъ «вдругъ» уперся и заявилъ, что не поѣдетъ. Вѣроятно же всего, изъ за какихъ либо сообщеній заграничной секретной полицейской агентуры. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ былъ въ отчаяніи. Звонить къ гр. Витте, съ ужасомъ рассказывая о томъ всесвѣтномъ скандалѣ, который вызоветъ этотъ отказъ отъ поѣздки, и прося помощи. Витте спокойно ему отвѣчаетъ, что онъ къ завтраму это дѣло уладитъ. И дѣйствительно, на завтра Николай взялъ назадъ свой категорическій отказъ и вновь рѣшилъ ѣхать.

Ламздорфъ (кажется, мнѣ память не измѣняетъ) присталъ къ Витте съ просьбой объяснить, какъ онъ добился этого «чуда». Витте отвѣчалъ: «очень просто! Я ему оказалъ, что, если рѣшеніе Его Величества не ѣхать непоколебимо, то придется французамъ, въ виду того, что дѣло получило слишкомъ большую огласку, чѣмъ нибудь утѣшить и кого нибудь послать, напр., наследника Михаила Александровича. Тогда онъ весьма быстро сообразилъ, что всѣ чествованія, оваціи и т. п. выпадутъ на долю Михаила, весь вспыхнулъ и злымъ тономъ отрѣзалъ: — нѣтъ, я самъ поѣду».

Звѣзда Столыпина, какъ никакъ крупнѣйшаго, послѣ Витте, человѣка на министерскомъ посту за все царствованіе Николая, несомнѣнно стала меркнуть уже задолго до его смерти и, не достигни его предательская нуля агента-охранника, онъ скоро уже былъ бы въ отставку. И единственно по той причинѣ, что онъ въ извѣстныхъ кругахъ, благодаря своему выдающемуся ораторскому таланту, сталъ пользоваться слишкомъ большою популярностью.

Б. Министръ Народнаго Просвѣщенія, гр. Игнатьевъ единственный изъ Министровъ Николая пользовавшийся всеобщими симпатіями, такъ прямо въ Думѣ и го-

ворить: «Господа, хвалите меня пожалуйста поменьше: вѣдь иначе выгонять».

Поразительно мелкая душа вырисовывается изъ этихъ мелкихъ фактовъ!

Вчера — Самодержецъ Всероссійскій, сегодня — полковникъ Николай Романовъ, Николай Послѣдній, Николай Кровавый *) (последнее названіе послѣ большевистской эры, едва ли за нимъ утвердится), онъ вѣрнѣе всего долженъ былъ бы называться Николай Ничтожный.

Чего мы боялись? Передъ чѣмъ трепетали? Чему, одни, молились? Что, другіе, ненавидѣли?

Пустое мѣсто!

Утромъ мы уже были въ Царскомъ. Пока мы шли изъ своего вагона къ Царскому павильону, *) б. Царь уже успѣлъ выскочить изъ вагона, пробѣжать до автомобиля, сѣсть и поѣхать во дворецъ.

Больше я его не видѣлъ.

*) Когда во время коронаванія Николая II произошла извѣстная Ходынская катастрофа (народъ, въ погонѣ за даровымъ царскимъ угощеніемъ устроилъ давку, въ которой погибло нѣсколько сотъ человѣкъ), то всѣ русскіе ясновидцы въ одинъ голосъ твердили: «кровавое будетъ царствованіе». И, оказывается, были правы. Я слышала въ дѣтствѣ объ одномъ еще болѣе замѣчательномъ предсказаніи. Мнѣ передавали, со словъ прадѣла, что Александру I знаменитая ворожея, дѣвица Ленорманъ, предсказала, что послѣ него три Императора взойдутъ на престолъ, того не ожидая (Николай I, Александръ III, и Михайлъ II), три умрутъ не своей смертью (Николай I отравился, Александра II убили революціонеры....), а черезъ 100 лѣтъ родъ Романовыхъ на престолѣ Россійскомъ прекратится. Довольно курьезная легенда?

*) Между Петроградомъ и Царскимъ Селомъ устроена, вдоль Виндавской ж. д., для проѣзда царя, отдѣльная желѣзнодорожная вѣтка въ 16 миль длиною съ отдѣльнымъ вокзаломъ въ Петроградѣ и въ Царскомъ. Въ послѣднемъ вокзалѣ представляеть собою прелестное зданіе въ древне-русскомъ стилѣ. Стоила эта вѣтка много милліоновъ, но не является уже такой «безумной» роскошью. До ея сооруженія проѣзды Царя, его родныхъ и приближенныхъ создавали бездну неудобствъ для публики, движеніе которой по Виндавской ж. д. весьма интенсивно.

Это была его послѣдняя поѣздка на «императорскомъ» автомобилѣ. Теперь на нихъ ѣздить члены Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Я приказалъ прицѣпить къ моему вагону паровозъ и мы по «царской» вѣткѣ черезъ часъ прибыли въ Петербургъ и отправились въ Г. Думу для доклада Предсѣдателю объ исполненномъ порученіи.

Печальная судьба связала меня съ этимъ человѣкомъ.

28-го Февраля я первый взялъ изъ его ослабѣвшихъ рукъ государственную власть.

Ощущи онъ тогда хотя малѣйшій приливъ энергіи и я былъ бы на висѣлицѣ.

Вѣдь въ Петербургѣ была такая неразбериха, Петербургскій гарнизонъ уже тогда былъ настолько деморализованъ, на «верхахъ» такъ мало было толку, порядка и дѣйствительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизіи съ фронта, чтобы возстаніе въ корни было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простымъ перерывомъ желѣзнодорожнаго сообщенія съ Петербургомъ: голодъ черезъ три дня заставилъ бы Петербургъ сдаться. Мнѣ это, сидя въ Министерствѣ Путей Сообщенія, было особенно ясно видно.

Какъ въ Октябрѣ могли безъ чьего либо сопротивленія прийти большевики, такъ въ Мартѣ могъ еще вернуться Царь. И это чувствовалось всѣми: недаромъ, вѣдь, въ Таврическомъ Дворцѣ нѣсколько разъ начиналась панника.

А 14 Марта я фигурально выражаясь, вбивалъ послѣдній гвоздь въ его гробъ.

Въ Россіи можетъ быть все, можно воображать себѣ еще многое, но не возможно одно: возстановленіе на тронѣ Николая II.

Даже въ корниловскіе дни, когда, компрометируя этого честнаго генерала, зашевелились въ Россіи монархисты и потихоньку начали мечтать о возможности реставраціи, то и имъ ни одному не приходилъ на умъ Николай II.

И честь и слава Керенскому, что онъ во время убралъ его въ Тобольскъ. Если бы въ Ноябрьскіе дни толпа съ нимъ расправилась, то это легло бы величайшимъ и безсмысленнѣйшимъ позоромъ на свободную Россію.

«Оставимъ мертвыхъ хоронить своихъ мертвецовъ».

Николай II — это политическій трушъ, который никогда не возстанетъ.

Ибо нѣтъ для «такихъ» Христа.

Не нужны «такіе» народу даже въ дни самаго великаго отчаянія.

И не понадобится Россіи Николай, даже если нѣмцы въ союзѣ съ русскими большевиками и анархистами, скомпрометируютъ въ глазахъ народовъ идею демократіи, покажутъ народамъ наглядно, что «за царемъ надежнѣе».

Казалось бы, *теперь* можно было бы, наконецъ, увѣровать въ революцію, въ то, что она совершилась.

Однако, все послѣдующее показываетъ, что, въ корнѣ, именно этой увѣренности то и не существовало.

Ибо ясно, что человѣкъ, дѣйствительно увѣренный въ существованіи извѣстнаго явленія, въ его прочности, не станетъ никогда предпринимать, для закрѣпленія этого явленія, шаги и дѣйствія, которыя, будучи, быть можетъ, весьма дѣйствительными и полезными въ данный моментъ, въ будущемъ неминуемо подорвутъ или уничтожатъ это самое явленіе.

Не станетъ же, напр., человѣкъ, твердо убѣжденный въ прочности своего здоровья и крѣпости своего сердца, принимать, для подкрѣпленія силъ, морфій, сперминъ и т. п. специ, ибо онъ, если и взвинтятъ его энергію и рабо-

тоспособность на данный короткій промежутокъ времени. то зато въ будущемъ неминуемо подорвутъ въ корнѣ его здоровье.

Между тѣмъ, что происходило въ это время въ Россіи?

Началась всеобщая «защита революціи», «закрѣпленіе» ея «завоеваній».

Для этого требовалось политически аморфную, можно сказать совершенно аполитичную, безграмотную російскую публику поскорѣе распропагандировать и разобратъ по партійнымъ лавочкамъ.

Каждая партія на перебой старалась набербовать себѣ членовъ, нисколько не вематриваясь въ ихъ умственное и моральное содержаніе.

Въ это то самое время и народились «мартовскіе» социалисты, какъ ихъ презрительно называли «буржуи», или люди, у которыхъ было достаточно совѣсти, чтобы не примазываться къ социализму изъ личныхъ выгодъ. Быстро усмотрѣвъ, что въ ближайшемъ будущемъ политическій радикализмъ будетъ весьма ходкимъ товаромъ, эти quasi — социалисты старались другъ друга перещеголять крайностью своихъ «убѣжденій».

Одинъ извѣстный итальянскій депутатъ-социалистъ, посѣтившій Россію послѣ революціи, уѣзжая, резюмировалъ свои русскія впечатлѣнія такъ: «я конечно, какъ социалистъ, не могу не радоваться успѣхамъ социализма въ Россіи. Но вотъ то обстоятельство, что въ Россіи, столь слабо развитой экономически, и вдругъ такъ много социалистовъ, заставляетъ меня сомнѣваться: да подлинны ли они?».

Увы, скептицизмъ почтеннаго опытнаго политика едва ли не былъ весьма и весьма обоснованъ.

Вполнѣ ясно представить себѣ картину уклада жизни въ случаѣ торжества социалистическихъ идей, безъ права

собственности и т. п., и дѣйствительно всѣмъ существомъ своимъ проникнуться увѣренностью, что въ этомъ «новомъ мірѣ» спознаешь истинное счастье — все это, да еще при отсутствіи всякой, не только что политической, а элементарной умственной подготовки, вещь абсолютно невозможная въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Поэтому, если среди рождавшихся въ эти памятные дни Марта сотенъ тысячъ новыхъ социалистовъ и были люди искренніе, то это былъ простой, сѣрый народъ, который воспринялъ социализмъ не умомъ, а сердцемъ, какъ нѣкую новую религію, которая должна создать счастье и правду на землѣ. А интеллигенты, которые въ Мартовскіе дни «задѣлались» социалистами, почти сплошь руководствовались соображеніями карьерными. Ибо что же, прежде всего, мѣшало имъ быть социалистами до переворота?

Увы., многіе изъ нихъ въ то время состояли въ Союзѣ Русскаго Народа, въ націоналистахъ, или вообще гдѣ нибудь пресмыкались.

Мнѣ, напр., лично (а также и находящемуся сейчасъ въ Нью Йоркѣ моему помощнику по Министерству въ дни революціи пр. Ломоносову) очень хорошо извѣстенъ случай, когда челоуѣка, для «убѣжденія» въ необходимости нѣкоторыхъ дѣйствій, не особенно пріятныхъ Его Величеству, приходилось ознакомливать съ видомъ револьвера, приставленнаго къ животу. А потомъ спустя нѣсколько дней онъ оказался на очень видномъ посту и оффиціозная пресса рекомендовала его, какъ «убѣжденнаго» социалиста (не оттого-ли, что его «убѣждали» револьверомъ?).

И такихъ была бездна среди партійныхъ неофитовъ.

Не могли же партійные вожди не понимать, что подобные господа могутъ только протитуировать любую политическую мысль и вести въ будущемъ къ морально-

му вырожденію партію, которая имѣла неосторожность залучить ихъ въ свои ряды?

Если же, тѣмъ не менѣе, за подобными адептами своихъ ученій люди все таки гнались, то это можетъ быть удовлетворительно объяснено только тѣмъ, что они въ душѣ своей не были твердо убѣждены въ прочности неожиданнаго счастья — революціи и старались это счастье закрѣпить, хотя бы опасной цѣной подрыва всего дѣла въ будущемъ.

За эту политическую слѣпоту всѣ наши политическія партіи, особенно болѣе крайнія, заплатятъ еще въ свое время весьма дорого. Расплатится и вся Россія.

А что она имѣла мѣсто — это видно не только изъ того, что съ самыхъ же первыхъ дней начались разговоры объ опасности контр-революціи, опасности совершенно мнимой, ибо вся Россія поголовно приняла извѣстіе о революціи съ величайшей радостью (люди плакали, цѣловались другъ съ другомъ на улицахъ), но, особенно, изъ тѣхъ пріемовъ, которые примѣнялись для партійной вербовки.

Эти пріемы политическаго разврата разъ навсегда, можно сказать геніально, были разработаны и сформулированы Мирабо во время его тайныхъ сношеній съ Версальскимъ дворомъ.

Это — всеобщій подкупъ.

Раздача благъ земныхъ и, особливо, обѣщаній.

И раздача началась.

И какая!

Вотъ, напр. первыя попавшіяся подъ руку цифры вознагражденія, уплаченнаго служащимъ и рабочимъ на одной петербургской мануфактурѣ по мѣсяцамъ (при одномъ и томъ же количествѣ рабочихъ):

въ Январѣ	1,028,000	рублей
въ Февралѣ	1,277,000	„
въ Мартѣ	1,294,000	„
въ Апрѣлѣ	3,458,000	„
въ Маѣ	3,766,000	„
въ Іюнѣ	4,789,000	„

Средній заработокъ съ 67 рублей поднялся до 294 р. въ мѣсяцъ. Впослѣдствіи дѣло на этомъ, разумѣется, не остановилось и прибавки продолжались, пока наконецъ, фабрика не стала.

Буквально такая же картина наблюдалась и всюду.

Трудно, конечно, говорить, что это были прибавки «на дороговизну». Дороговизну, онѣ, несомнѣнно, значительно опережали.

Это видно изъ всего уклада, напр., Петербургской жизни. Общій темпъ расходовъ въ массѣ несомнѣнно чрезвычайно повысился. Сапогъ не было, сапоги были безумно дороги (уже къ лѣту женскихъ сапогъ нельзя было купить дешевле 65 рублей. Теперь они, говорятъ, доходятъ до 400 р. пара), а на улицѣ нельзя было увидать женщину со стоптанными каблуками. *Всѣ* франтятъ, всѣ покупаютъ разныя ненужныя вещи, сласти (шоколадъ по 6—8 р. за фунтъ, арбузы 3 р., персики 12 р. штука, груши 7 р. продавались на улицѣ еще лѣтомъ, денатурать до 50 р. бутылка), предметы роскоши и т. д.

Иногда подъ «требованія», выдвигавшіяся по договору партій, пытались подвести нѣкія «научныя» основанія. Напр., съѣздъ желѣзнодорожниковъ потратилъ много труда на выработку экзистенциминимума. Для Петербурга, гдѣ до войны низшая оплата желѣзнодорожнаго агента падала до 25 рублей, этотъ расчетъ далъ 285 рублей.

Не говоря уже о томъ, откуда Государству было взять деньги на такое катастрофическое увеличеніе вознагражденія своимъ агентамъ, но, если взять и перемножить коли-

чество тѣхъ предметовъ, которые приняты при исчисленіи экзистенциминимума, какъ «совершенно необходимы», на число желѣзнодорожныхъ служащихъ, то получается сейчасъ же арифметически непреложное доказательство абсурдности всего метода расчета.

Многіе предметы «совершенно необходимы» для 6 милліоновъ желѣзнодорожниковъ съ ихъ семьями въ количествѣ, превышающемъ общее наличіе этихъ предметовъ въ странѣ, подлежащее распредѣленію между всѣми 180 милліонами населенія Россіи.

Буквально та же картина получилась и при исчисленіи нормы пайка для солдатокъ. Тѣмъ присудили на сѣдненіе большую часть скота, а масла больше, чѣмъ въ Россіи имѣется.

По всей Руси неся одинъ кличъ: «подай»!

Партійные руководители, вмѣсто того, чтобы обращаться къ простымъ русскимъ людямъ, съ непросвѣщенными знаніемъ головами, съ рѣчью, примѣрно, такого содержанія: «Граждане, свобода еще не синонимъ матеріальнаго благополучія. Свобода не подачка. Свобода «есть лишь то непремѣнное условіе, та атмосфера, въ которой народъ легче всего, скорѣе всего, можетъ, своимъ «упорнымъ трудомъ, создать свое матеріальное благополучіе. Страна наша разорена плохимъ управленіемъ и «войной. Отъ того, что мы добились свободы, мы сразу «разбогатѣть не можемъ. Пуще же всего остерегайтесь «предъявлять требованія къ казнѣ. Казна теперь не царская, а народная. Разоривши своими непомерными требованіями казну, вы разорите все государство. Разоривши государство, вы, свободные его граждане, расплатитесь за это сами. Въ казнѣ средствъ нѣтъ и платить она «можетъ только бумажками. А каждый вновь выпущенный рубль понижаетъ цѣну всѣхъ выпущенныхъ «ранѣе. Бумажки это векселя, по которымъ рано или позд-

«но придется платить. Если же не заплатимъ, то разорится тотъ, кто имъ повѣрилъ и отдалъ за нихъ свой товаръ. Бумажка въ Россіи собирается вся у мужика, у «богачей и въ банкахъ ея нѣтъ*) Если разорится мужикъ, то разорится и вся Россія, а съ нею и вы. Богачей мы «обложимъ такъ, какъ только можно. но не ждите себѣ отъ «этого большой прибыли. Богачей въ Россіи мало. Да и «мало у нихъ добра, нужнаго народу. Если мы у нихъ «отнимемъ все, чѣмъ они владѣютъ, то отъ этого не прибавится у васъ ни сапогъ, ни пвоздей, ни муки. Дорого-«визна, тяжесть жизни вызваны прежде всего тѣмъ, что «въ Россіи не стало всѣхъ товаровъ. И ничѣмъ этой бѣдѣ «не помочь, какъ усиленнымъ ихъ производствомъ. Поэтому, граждане поменьше надѣйтесь на золотой дождь, «поменьше говорите, побольше трудитесь, изо всѣхъ силъ, «и сберегайте каждую копейку, не покупайте ничего такого, безъ чего можно обойтись. Тогда благоденствіе къ «вамъ придетъ, можетъ быть не сразу, не завтра, но зато «придетъ уже навѣрно и будетъ прочно». —

Вмѣсто всего этого на всѣхъ безчисленныхъ митингахъ несея лишь одинъ кличъ: «Товарищи, требуйте!»....

И подкупъ шелъ во всю.

Солдатъ подкупали обѣщаніемъ мира (точно онъ отъ насъ зависѣлъ, мало мальски не позорный, не кабальный) и безнаказанности за непослушаніе начальству и закону.

Крестьянъ подкупали обѣщаніями земли. Какъ будто ихъ могли сдѣлать богатыми тѣ 50 милліоновъ десятинъ помѣщичьей или 80 мил. десятинъ всякой вообще некрестьянской земли, которые нынѣ подлежатъ распредѣ-

*) На 1 Дек. 1916 г. во всѣхъ 800 отдѣленіяхъ всѣхъ русскихъ коммерческихъ банковъ было всего 180,000,000 наличныхъ рублей въ кассахъ. Съ тѣхъ оръ они систематически уменьшали кассовую наличность. Къ моменту большевистскаго переворота едва ли въ кассахъ нашлось бы и 50 милліоновъ р.

ленію между 40 милліонами крестьянскихъ «дворовъ», особенно, если вспомнить, что помѣщики платили за обработку своей земли — тѣмъ же въ концѣ концовъ крестьянамъ — больше, чѣмъ крестьяне получаютъ валового дохода на «распределенной» помѣщичьей землѣ. Вѣдь многополью, всякой усовершенствованной культурѣ, всему тому, что повышало урожайность помѣщичьей земли до 90-100 пудовъ на десятину противъ 50-60 пудовъ на землѣ крестьянской, всему этому — крестьяне?

Рабочихъ подкупали всего реальнѣе — головокружительнымъ подъемомъ заработныхъ платъ.

Иногда эти платы получали прямо фантастическій характеръ. Подростки, женщины, простые чернорабочіе временами получали больше, чѣмъ квалифицированные рабочіе въ Америкѣ.

Въ газетахъ сообщалось, напр., что простые каталы — грузчики угля, работавшіе для Петербургскаго Городскаго Управленія, вырабатывали до 78½ р. въ день.

Лично мнѣ извѣстно, что на заводѣ противогазовыхъ масокъ Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета въ Петербургѣ, простыя, незнающія никакой специальности бабы получали до 18 рублей рѣ сутки. И за какую работу! Ровно вдвое менѣ производительную, чѣмъ до революціи!

За перегрузку угля изъ вагоновъ въ рѣчныя баржи или обратно, требовали до 18—24 и даже 48 рублей съ тонны. И платили. Потому — «требуемъ»!

Индустриальную буржуазію освободили отъ какихъ либо доходовъ весьма быстро. Большіе заводы еще держались и держатся, залѣзая въ неоплатные долги, ибо стоимость производства сплошь и рядомъ превышаетъ контрактную плату, но мелкія промышленныя предпріятія закрывались десятками. Уже къ началу Октября закрылось 204 предпріятія съ 50 тысячами рабочихъ.

Не пощадили въ этомъ походѣ, разумѣется, ни городовъ, ни государственной казны.

Въ городахъ «демократизированныя» думы зачастую прибавляли больше, чѣмъ хотѣли сами «требующіе». Въ Петербургѣ, напр., сидѣлкамъ въ больницахъ знаменитый Никитскій сразу назначилъ 300 рублей въ мѣсяць, когда онѣ сами мечтали о 100 р.

Городскія самоуправленія уже къ осени были разорены всё сплошь. Надо было ожидать закрытія всёхъ ихъ учрежденій: школъ, больницъ, и т. п. Ремонта и очистки улицъ — никакой.

Теперь финансы городовъ улучшены конфискаціей въ ихъ пользу всёхъ частныхъ домовъ. Но едва ли надолго хватить и этого «воспособленія».

Трамваи въ Петербургѣ при 5-копѣчной платѣ были исключительно доходнымъ предпріятіемъ. Теперь, хотя они работаютъ такъ, что публика стоитъ въ три ряда, виситъ на подмосткахъ, они стали при 15-копѣчномъ тарифѣ дефицитнымъ дѣломъ.

Но зато кондукторши получаютъ по 300 р. въ мѣсяць.

Таже картина во всёхъ государственныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ.

Товарные тарифы повысили сперва въ три, а потомъ даже въ четыре раза, и все таки дороги едва сводятъ концы съ концами.

Не только цѣна, но и количество чиновниковъ растутъ въ геометрической прогрессіи. Всякіе Комитеты рождаются, какъ грибы послѣ дождя *). Хлѣбные комитеты по сообщенію Министра Финансовъ еще въ іюль мѣсяць пр. г. съѣдали на свое содержаніе до 520 милліоновъ въ

*) Кстати сказать, явленіе тоже не новое. Во время французской революціи было буквально тоже. Но тамъ пошла еще дальше: для предоставленія свободнымъ гражданамъ возможности бывать въ клубахъ, за посѣщеніе выдавалось по 40 су въ день.

годъ. Плата за хлѣбъ произодителямъ нигдѣ въ Россіи не превышала 2 р. 50 к. за пудъ, а въ то же время въ потребительныхъ районахъ онъ продавался продовольственными комитетами по цѣнѣ до 5 р. за пудъ. 2 р. 50 к. составляли «накладной» расходъ на перевозку и «содержаніе» комитетовъ.

Русскіе кушцы — хлѣботорговцы и во снѣ не видѣли такихъ заработковъ.

А ужъ ихъ ли не корили и не позорили, какъ паразитовъ русскаго хлѣбороба!

Еврей—скупщикъ на югѣ былъ счастливъ, если онъ имѣлъ отъ 1000 пудоваго вагона заработка 10 р. Иногда же онъ довольствовался и тѣмъ, что на рукахъ оставалась накладная. Авось удастся получить «претензію» съ желѣзной дороги!*)

Почта и телеграфъ почти перестали функціонировать. Простыя депеши доставляются только почтой. Даже и срочныя (за тройную плату) зачастую постигаетъ та же участь.

Но за то почтовотелеграфнымъ чиновникамъ въ одинъ пріемъ прибавлено 160 мил. р. И это ихъ нисколько не удовлетворило. «Требованія» продолжались и вновь удовлетворялись.

Уже въ іюлю прибавки правительственнымъ чиновникамъ, кромѣ желѣзнодорожниковъ, составляли 720 милліоновъ р. въ годъ. А сколько ихъ было потомъ? Желѣзнодорожники требовали 850 милліоновъ.

Фонтанъ кредитныхъ билетовъ билъ во всю.

Государственное Казначейство на всѣхъ парахъ несло къ банкротству.

*) Русскія желѣзныя дороги обязаны доставлять грузы въ опредѣленные въ законѣ сроки. За запозданіе въ доставкѣ онѣ платятъ штрафъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ доходить до 100% провозной платы.

Но быть может это, даже головокружительное, повышение заработных плат еще не слишком угрожало бы благосостоянію Россіи, если бы параллельно не стало наблюдаться еще другое, куда болѣе грозное явленіе.

Вѣдь повышение заработных плат и разныхъ цѣнъ вызываетъ только перераспредѣленіе общаго національнаго дохода между отдѣльными элементами страны, но общаго благосостоянія страны почти не захватываетъ.

Правда, при этомъ деньги переходятъ въ руки классовъ населенія, менѣе склонныхъ къ сбереженію, а больше — къ тратѣ всего заработка на усиленное потребление. Но національный доходъ, въ сущности, не мѣняется. Ухудшается расходный бюджетъ и уменьшается накопленіе. Это — ущербъ для національнаго хозяйства, ухудшаетъ его перспективы на будущее, но все же это еще терпимо.

Но, параллельно съ требованіями повышения заработка, пошла куда болѣе страшная проповѣдь уменьшенія производительности труда, проповѣдь борьбы со всѣми способами его интенсификаціи. Я имѣю въ виду не введеніе 8-ми часоваго дня, хотя и таковое въ военное время подвержено сомнѣнію въ своей рациональности, но страстный походъ противъ всякой премировки труда и сдѣльной платы. Этотъ походъ былъ положительно ужасенъ.

Въ русской рабочей средѣ, еще весьма не культурной, онъ далъ чрезвычайно быстро весьма горькіе плоды.

Страна страдала отъ недостаточнаго производства, а мы въ это время съ какимъ то сладострастіемъ понижали ея производительность.

Въ многихъ областяхъ промышленности уже къ осени паденіе производства было удручающимъ. Напр. Донецкій угольный бассейнъ въ августѣ 1916 г. далъ 135 милліоновъ пудовъ, а въ томъ же августѣ 1917 г. уже всего 85 милліоновъ пудовъ. Такъ какъ около 40 милліоновъ

пудовъ берутъ желѣзныя дороги, то приходилось разрабатывать планъ закрытія ряда доменъ, т. е. понижать производство желѣза, значить, подрѣзать въ корнѣ всю промышленность вообще.

Сейчасъ Донецкій бассейнъ едва ли даетъ и полсотни мил. пудовъ въ мѣсяцъ. Въдѣ въ антрацитномъ районѣ идутъ непрерывные бои большевиковъ съ казаками: гдѣ же тутъ думать объ углѣ?

Недоборъ угля и, вообще, паденіе всякаго производства, впрочемъ, объясняется еще и тѣмъ, что лозунгъ восьмичасоваго рабочаго дня въ Россіи былъ понятъ довольно своеобразно.

Напр. въ Царицынѣ его истолковали такъ, что въ него долженъ входить и 1 ч. на обѣдъ и 15 минутъ отдыха въ каждомъ часѣ работы. Иначе говоря, получался, вмѣсто 8-ми, 5½ часовой рабочій день.

Всѣ конторщики и служащіе заводской «администраціи» потребовали себѣ уже прямо 6-ти часоваго дня.

Углекопы — забойщики стали работать до 4—5 часовъ въ день, а число выходовъ на работу понизили кое-гдѣ до 4 въ недѣлю.

«Чего мнѣ стараться? Съ меня довольно зарабатывать. Да и водки не кушишь. Такъ на что доньги?».

Но помимо такихъ, почти что анекдотическихъ, случаевъ, вся Россія, быстро воспріявъ европейскій 8-ми часовой рабочій день, отнюдь не подумала объ одновременномъ введеніи европейскаго количества праздниковъ. Праздники остались русскіе. Отпали, правда, Царскіе дни, но за то прибавились разные революціонные праздники, да митинги, да комитеты (все всегда въ рабочее время). Но и безъ этихъ добавочныхъ прогуловъ число праздничныхъ дней въ Россіи грандіозно—болѣе 100 въ годъ. Всякіе Ильины, Николины дни, «престолы», Параскевы-Пят-

ницы, родительскія субботы и т. д. А въ этомъ году къ нимъ отнеслись съ особой бережностью: Ильинъ день всѣми праздновался, даже тамъ, гдѣ объ немъ прежде забывали.

Въ результатъ, удручающее пониженіе производительности страны.

А если къ этому прибавить, что помѣщики озимей, конечно, не засѣвали, а крестьяне дрались между собою изъ-за помѣщичьей и хуторской земли, то какихъ еще искать причинъ вплотную надвинувагося на Русь голоднаго мора?

Справедливость заставляетъ признать, что въ этой проповѣди всемѣрнаго уменьшенія производительности, въ этой спекуляціи на самихъ низменныхъ источникахъ населенія, въ цѣляхъ набрать сторонниковъ и сорвать апшлодисменты, съ представителями, якобы, социалистическихъ партій весьма усердно соперничали и нѣкоторые представители партій, якобы, буржуазныхъ, вплоть до лицъ, занимавшихъ министерскіе посты.

Очень характерна въ этомъ отношеніи знаменитая рѣчь вновь назначеннаго Министра Путей Сообщенія, Некрасова, въ циркѣ Никитина въ Москвѣ, рѣчь, сыгравшаю колоссальную роль въ дѣлѣ разрушенія нашего желѣзнодорожнаго транспорта.

Вмѣсто того, чтобы рассказать своимъ новымъ подчиненныхъ о тяжкомъ положеніи желѣзнодорожнаго аппарата, разъяснить имъ, что только ихъ самый напряженный трудъ можетъ спасти положеніе, Министръ (слушайте:—самъ Министръ!) заявилъ имъ, что онъ противникъ сдѣльныхъ работъ, говорилъ горячія и красивыя слова о демократизаціи, объ организаціи, создалъ какую то теорію желѣзныхъ дорогъ для..... желѣзнодорожныхъ служащихъ, которымъ де Учредительное Собраніе отдастъ дороги въ автономное управленіе, восклицалъ: «Товарищи!»

«объединяйтесь! Товарищи, требуйте! Когда мы были студентами, мы не просили, а требовали!»

Залъ гремѣлъ отъ аплодисментовъ, на г. Министра чуть не не молились. Люди вышли съ митинга точно пьяные отъ восторга.

Г. Некрасовъ былъ, одно время, чуть ли не самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Россіи (пока во время перваго кризиса Временнаго Правительства не предалъ свою собственную партію ради сохраненія за собою министерскаго портфеля).

А въ результатъ?

Изъ 30.000 русскихъ паровозовъ, 14.000 окончательно негодны для работы и никто не можетъ, и не собирается ихъ починить.

Къ тому же и память немного измѣнила г. Министру: когда *онъ* былъ студентомъ, *онъ* ничего не требовалъ — *онъ* тогда въ 1899 г. учреждалъ Академическую Лигу въ Институтъ Путей Сообщенія — первую, вообще, «академическую» организацію въ Россіи, а потомъ до 1901 г. былъ лидеромъ правыхъ въ томъ же Институтѣ.

Что, впрочемъ, удивляться, этой забывчивости г. Министра, когда со времени революціи Петербургъ кишитъ всякими политическими фальшивомонетчиками. Бывшій приставъ Муравьевъ командуетъ большевистскими войсками, черносотенный писатель Мстиславскій разъясняетъ большевистскія идеи, салонный полковникъ Верховскій оказывается лѣвѣе Керенскаго.

Да развѣ всѣхъ перечтешь?

Сколько однихъ охранниковъ поразоблачили подъ видомъ самыхъ ярыхъ членовъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ!

Послѣднее явленіе еще ждетъ своего выясненія. Въ немъ чувствуется какая то система. Вѣдь во время городскихъ выборовъ въ Петербургѣ черносотенная аристо-

кратія и всё, вообще, люди, связанные съ дворцами, какъ мнѣ доподлинно извѣстно (на то вѣдь и «тайные» выборы), какъ одинъ человекъ голосовали за большевиковъ. Въ этомъ, конечно, есть смыслъ: вѣдь единственный шансъ реставраціи — излишества крайнихъ лѣвыхъ, которыя могутъ такъ надѣсть народу, что онъ начнетъ видѣть свое спасеніе въ реакціи.

Но тотъ фактъ, что партіи пускали въ свою среду людей явно сомнительныхъ и прибѣгали къ приемамъ агитации, опаснымъ для всего будущаго Россіи, служить яснымъ доказательствомъ того, что они не вѣрили въ прочность революціи, если они не отказывались даже отъ такихъ компрометирующихъ союзниковъ и, для усиленія вербовки партійныхъ членовъ, прибѣгали къ явной демагогии.

И волна демагогии все больше и больше захлестывала всё партіи и всю страну.

Вслѣдъ за проповѣдью безудержныхъ требованій прибавокъ и пониженія интенсивности труда, пришла поистинѣ безумная, самоубійственная и позорная кампанія противъ Займа Свободы.

Люди, агитируя противъ подписки, чтобы сдѣлать пакость «буржуазнымъ» министрамъ, не вдумывались въ то, какой позоръ они готовятъ русской демократіи.

Вѣдь оказалось, что эта демократія энергичнѣе подписывалась на «царскіе» военные займы, чѣмъ на заемъ Свободной Россіи. Число мелкихъ подписчиковъ на Заемъ Свободы было меньше, хотя къ этому времени денегъ въ странѣ было уже много больше. И весь Заемъ Свободы вынесла на своихъ плечахъ крупная буржуазія.

Но уже и по самому существу это подрываніе успѣха Займа Свободы было со стороны демократіи дѣйствіемъ поистинѣ самоубійственнымъ.

Дѣло въ томъ, что, хотя существуютъ и другіе, весь-

ма серьезные способы борьбы съ бумажно-денежной инфляціей, но у Временнаго Правительства, по сложившейся конъюнктурѣ, было въ рукахъ только одно дѣйствительное средство. Это — Заемъ.

Но если и это средство у него вырывали, то оставалось только продолжать и усиливать печатаніе кредитокъ.

А вѣдь неизбѣжное при этомъ обезцѣненіе рубля грозило не «богачамъ», а демократіи, вѣрнѣе же просто — мужику.

Богачи денегъ въ натурѣ у себя не держатъ. Не имѣютъ ихъ и банки, а зарывають ихъ у себя по сундукамъ и подпольямъ мужикъ. И всѣ 25 миллиардовъ русскихъ рублей лежатъ у него.

Въ тотъ день, когда русскій рубль станетъ копѣйкой, разорится мужикъ.

И мужикъ уже начинаетъ это чувствовать.

Уже съ осени начали раздаваться раскаты мужичьяго гнѣва.

Уже начались крики, что городъ обираеть деревню.

А долго ли до того, что мужикъ разберется въ томъ, кто именно въ городъ его обобралъ?

И какъ бы проповѣдь классовой ненависти не обратилась противъ тѣхъ, кто ее началъ.

Но объ этомъ никто не думалъ.

«Задачей момента» была борьба съ «министрами-капиталистами», при чемъ въ эти «капиталисты» попалъ и несчастный земскій врачъ Шпигаревъ, столь постыдно убитый. За что? За безграничную, горячую и безкорыстную любовь къ Россіи?

Что же въ это бурное и неумное время дѣлало Временное Правительство?

Оно съ каждымъ днемъ становилось все болѣе одинокимъ, все болѣе безсильнымъ, пока, наконецъ, и не пало

подъ напоромъ, можетъ быть, п кучки людей, но зато лишенныхъ тѣхъ органическихъ пороковъ, которыми страдало Временное Правительство.

Нѣкоторые изъ этихъ пороковъ я уже отмѣчалъ.

Во первыхъ, партійный составъ Временнаго Правительства не соответствовалъ, если не реальному соотношенію партійныхъ силъ въ странѣ, то во всякомъ случаѣ, шумливости и энергій партійныхъ руководителей. Кадетъ и правыхъ въ странѣ несомнѣнно не было столько, сколько ихъ было въ Кабинетѣ.

Отъ этого бьющаго въ глаза недостатка Временное Правительство избавилось болѣе или менѣе удачно черезъ 2 мѣсяца послѣ своего рожденія при образованіи т. н. коалиціоннаго министерства. Но, пока оно сдѣлалось передъ очевидностью, происходила борьба и въ этой борьбѣ дискредитировался не только самый составъ Правительства, а и самая идея власти.

Вторымъ. еще болѣе серьезнымъ порокомъ Временнаго Правительства всѣхъ трехъ составовъ было отсутствіе въ немъ людей съ характеромъ, съ опредѣленной волей къ власти.

Были въ немъ люди истерически влюбленные въ Свободу, какъ Керенскій, способные иногда разжигаться и разжигать людей, но все — на минуту, какъ фейерверкъ, выдающіеся митинговые ораторы, но никакіе государственные дѣятели въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Были люди, по образному опредѣленію Ф. И. Родичева, способные идеально разъяснить, какъ надо было поступить.... годъ тому назадъ, профессора (*Vaterland, du bist verloren!*...), абсолютно не находчивые, не чужіе къ біенію политическаго пульса, какъ П. Н. Милоковъ.

Были ловкіе интриганы, смотрѣвшіе на власть не какъ на служеніе народу, на созданіе всего его будущаго,

а какъ на способъ личнаго выдвигенія, вродѣ Н. В. Некрасова.

Были люди, дѣйствительно искренно преданные родинѣ, но зато неврастенически безвольные, какъ А. И. Коваловъ.

Были полныя ничтожества, какъ Никитинъ, кн. Львовъ, Мануиловъ, Прокоповичъ, этотъ, какъ его прозвали, «учитель чистописанія», по какой то примасѣ судьбы посидѣвшій даже на 2 министерскихъ креслахъ, и многіе другіе.

Промелькнулъ, но быстро исчезъ, явно чувствуя себя въ неподходящей компаніи, куда болѣе крупный человекъ, какъ Церетели.

Даже человекъ съ волей, какъ А. И. Гучковъ, явно поддался общей тенденціи, очевидно, впрочемъ, по тому, что не чувствовалъ за собой никакихъ корней въ странѣ. Его партія разсыпалась безслѣдно.

При такомъ состояніи воли кабинета, при его непротивленствѣ, его паденіе могло быть только вопросомъ времени. Не пришли бы большевики, напцлась бы другая компанія людей съ темпераментомъ и вырвала бы власть изъ рукъ Временнаго Правительства не хуже, чѣмъ революція вырвала власть изъ рукъ Царя.

Въ ихъ паденіи — и Царя, и Керенскаго — чрезвычайно много общаго. Оба пали немного по методу, изложенному въ знаменитой «Вампукѣ».

Одинъ поетъ:

«Я васъ завоевалъ».

Другой отвѣчаетъ:

«Благодарю, не ожидалъ» и... сдается.

Сопrotивленіе Керенскаго въ Іюль и въ Октябрѣ многими превышаетъ сопротивленіе Царя въ Февралѣ.

Еще въ Октябрѣ была хотя пальба со стороны юнкеровъ и этихъ несчастныхъ мученицъ женскаго баталіона

— этого вѣчнаго укора необузданной русской Свободѣ.

А въ Іюлѣ вся репетиція большевистскаго возстанія была закончена почти безъ всякаго участія правительственной власти — ливнемъ.

Пошелъ проливной дождь, народъ разбѣжался по домамъ. А на завтра никто уже не желалъ признаваться, что онъ — большевикъ: выпались и струсили.

У Керенскаго сходство съ Николаемъ II пло еще далѣе.

Тѣ же капризы, совершенно необъяснимыя фантазіи, склонность «родъ недуга» къ окруженію себя ничтожествами, упрямство и рядомъ крайняя нерѣшительность, чуть что не тѣ же «безсмысленныя мечтанія» по адресу политическихъ противниковъ на Московскомъ Совѣщаніи. *)

*) Кстати, объ томъ пресловутомъ Совѣщаніи. Оно совершенно не заслуживало того шума, который вокругъ него былъ поднятъ. Нѣчто въ высокой степени бесполезное. Мысль о немъ родилась у московскихъ дѣятелей П. П. Рябушинскаго и Кн. Е. Трубецкаго. Они задумали созвать на частное собесѣдованіе наиболѣе авторитетныхъ въ Россіи общественныхъ дѣятелей. Мысль о такомъ стѣздѣ было поручено провентилировать въ Петербургѣ члену Г. Д. Н. Н. Львову. Тотъ сообщилъ объ этомъ своему софракціонеру, Государственному Контролеру, И. В. Годневу, а послѣдній принесъ въ Совѣтъ Министровъ Керенскій за эту мысль ухватился: «Я имъ не дамъ это сдѣлать. Я самъ соберу Совѣщаніе». И Совѣщаніе состоялось. Зачѣмъ? Для чего? Съ какой программой? По какимъ вопросамъ? Этого никто не зналъ. Даже г.г. Министры рѣчей не заготовили. Керенскій въ значительной мѣрѣ воспользовался мыслями Авксентьева. Поэтому этотъ пресловутый русскій Жоресъ буквально плелъ на Совѣщаніи нѣчто не членораздѣльное. Не многимъ выше были, въ большинствѣ, и другіе. Напр., Милуковъ не поднялся выше полемики съ Церетели. Говорили безъ конца. Говорили 36 часовъ. Но зачѣмъ и для чего, никто не понималъ. Общее воодушевленіе охватило весь залъ только въ тотъ моментъ, когда я, по окончаніи своей рѣчи, протянулъ отъ лица промышленной буржуазіи руку Церетели. Этимъ залъ какъ бы сказалъ, что онъ видитъ выходъ изъ положенія въ коалиціи пролетаріата съ дѣловыми элементами образованнаго слоя Россіи. Но мое личное впечатлѣніе было таково, что залъ, утомленный безконечнымъ говореніемъ, просто инстинктивно искалъ случая, чему бы обрадоваться,

Словомъ не даромъ, желая уязвить Керенскаго, на этомъ же Совѣщаніи П. П. Рябушинскій заговорилъ объ «ужимкахъ самодержавія», а публика потихоньку скулила: Александръ IV.

Но основная причина паденія Временнаго Правительства лежала не въ этомъ безволіи его членовъ.

Оно пало бы, даже если бы въ его средѣ было больше такихъ темпераментныхъ, сильныхъ и смѣлыхъ людей, какъ Борисъ Савенковъ.

Оно пало изъ за своей идейной безцвѣтности.

Въ чемъ была его программа?

Она формулировалась въ короткихъ словахъ: «Довести страну до Учредительнаго Собранія, продолжая войну».

Чѣмъ бы подвести итогъ своей четырехдневной работѣ, какъ бы избѣгнуть признанія банкротства совѣщанія. Надо признать, что скептицизмъ по отношенію къ такому воодушевленному залу рѣшенію высказалъ только одинъ человѣкъ — большевикъ (единственный въ залѣ) Рязановъ, который довольно кетати вспомнилъ про историческій *Baiser Lamourette*. Но Керенскій не проявилъ никакой энергіи и поспѣшности въ осуществленіи этого предугазанія Совѣщанія.

Переформированіе Кабинета не успѣло осуществиться, какъ началась исторія генерала Корнилова. Этотъ несчастный генералъ палъ дѣйствительно жертвою колебанія Керенскаго и интриги Некрасова. Корниловскія войска настолько были увѣрены, что Керенскій ихъ ждетъ, что, идя, якобы, на Петербургъ, не прерывали телеграфнаго сообщенія съ Петербургомъ и тамъ были по ашарату извѣстны всѣ разговоры начальственныхъ лицъ между собою. Не пытался Корниловъ и занимать Бологое, что одно заставило бы Петербургъ сдаться изъ за голода. Все это показываетъ, что Корниловъ, каковы бы ни были его намѣренія, дѣйствительно палъ жертвою провокаціи со стороны Петербурга.

Скрыть это не удалось. Пойдя противъ Корнилова, революціонная партія не простила этого Керенскому. Началась его агонія. Никакая коалиція его уже спасти не могла (Недаромъ и Некрасовъ поспѣшилъ покинуть министерское кресло). Но его увѣренность въ прочности положенія была удивительна. Еще чуть ли не 25-го Октября Терещенко въ циркулярномъ сообщеніи русскимъ посламъ писалъ: Правительство сильно, какъ никогда...

Что это?

Развѣ этимъ можно зажечь сердца, повести за собою людей? Развѣ можно предлагать народу отсрочку рѣшенія всѣхъ волнующихъ его вопросовъ до невѣдомаго будущаго, когда онъ всѣмъ существомъ своимъ требуетъ отъ своей власти:

Дѣйствія,

Немедленнаго дѣйствія,

Немедленнаго устройства всѣхъ нуждъ, выполненія всѣхъ его многолтнихъ мечтаній, выставленія передъ Россіей такихъ задачъ, отъ которыхъ гордостью забилось бы ея сердце, загорѣлись бы глаза и радостно было бы каждому всего себя за нее отдать.

А вмѣсто всего этого, «впредь до рѣшенія Учредительнаго Собранія, созываемаго на основѣ всеобщаго, тайнаго, равнаго и прямого голосованія по правиламъ, имѣющимъ быть выработаннымъ Особымъ Совѣщаніемъ по Созыву Учредительнаго Собранія, вопросъ сей разрѣшенъ быть не можетъ».

Чѣмъ это лучше, чѣмъ прежнее:

«Вслѣдствіе ходатайства отъ такого то числа, по распоряженію Его Высокопревосходительства Господина Министра, симъ объявляется просителю, что разрѣшеніе возбужденнаго имъ вопроса признается несвоевременнымъ?»

Пусть бы Временное Правительство только объявило, что «вся земля народу», но какъ ее распредѣлить — рѣшить Учредительное Собраніе, пока же — Правительство беретъ ее во временное владѣніе государства. Помѣщики (или ихъ управляющіе и арендаторы) объявляются правительственными чиновниками, управляющими

казенными имѣніями. Доходы съ имѣній поступаютъ въ депозиты Государственнаго Казначейства и расходуются землевладѣльцами по указанію Государственной власти. Она же опредѣляетъ вознагражденіе помѣщикамъ за ихъ труды и за капиталы, вкладываемые ими въ эксплуатаціи земли....

И развѣ мыслимы были бы аграрные беспорядки? Развѣ возможно было бы, чтобы озими остались незасѣянными. какъ это случилось въ 1917 г.? Развѣ родились бы. въ видѣ компромисса (?), эти злосчастные Земельные Комитеты, одно содержаніе которыхъ съѣсть стоимость всей помѣщичьей земли, и которымъ до проведенія земельного закона ровно нечего дѣлать, развѣ что заниматься пресловутымъ «правотворчествомъ снизу», т. е. попросту незаконнымъ захватомъ земли—предрѣшеніемъ общей воли народа.

Пусть бы Правительство потребовало отъ частныхъ банковъ сліянiя въ одинъ или нѣсколько сильныхъ банковъ и подчинило ихъ дѣйствительному контролю Государственной власти. хотя бы на тѣхъ же основанiяхъ, какъ контролируются у насъ частныя дороги...

И развѣ мыслима была бы полная остановка въ Россіи учрежденiя новыхъ предпріятій, усиленiя старыхъ, полный параличъ аппарата скопленiя капитала и направленiя его на творческія цѣли, какъ это произошло теперь?

Пусть бы Правительство объявило, что оно не знаетъ никакихъ «царскихъ» договоровъ, что оно проситъ союзниковъ немедленно въ Петербургъ, чтобы его народъ наглядно видѣлъ, что съ его свободнымъ голосомъ считаются больше, чѣмъ съ голосомъ царя, что онъ, если и будетъ воевать дальше, то только по своему свободному рѣшенію...

И развѣ имѣла бы шансы на успѣхъ большевистская агитація на фронтѣ, которая сводилась къ простой

мысли: «У правительства своей національной политики нѣтъ, оно переняло ее по наслѣдству отъ Царя. Такъ давайте мы сами здѣсь творить ее кустарнымъ способомъ».

Да развѣ все перечтешь? Вѣдь многое изъ того, что потомъ сдѣлали большевики, могло и должно было сдѣлать Временное Правительство.

Вообще, это отсутствіе собственнаго творчества и подчиненіе лишь послѣ долгой упорной борьбы творчеству низовъ, иногда очень неудачному, было основной чертой — и губительной чертой. — Временнаго Правительства.

Оно не разобралось въ основной причинѣ паденія Николая II.

Вѣдь, не потому же онъ палъ, что онъ самодурствовалъ, назначалъ невозможныхъ министровъ, былъ реакціонеромъ, наконецъ, не потому, что у него при дворѣ царилъ развратъ и всякая распутинщина.

Вѣдь была у насъ реакція похуже Николаевской. Были Сухозанеты, которые на официальныхъ бумагахъ писали: «сумлеваюсь шгошъ». Николай I дерзалъ цензуровать Пушкина. Издѣвался не надъ какими нибудь газетными писателями, а надъ національнымъ гениемъ! Развратъ Екатерины былъ легендарный. Въ награду за удовольствіе она давала своимъ любовникамъ живыя человѣческія души. Петръ I безъ стѣсненія ломалъ весь укладъ русской жизни, не считался съ тысячелѣтними вѣрованіями и обычаями народа и буквально плевалъ въ его душу.

И всетаки никто не помышлялъ свергать этихъ монарховъ. Предъ многими изъ нихъ благоговѣли, искренне именовали ихъ великими, отцами отечества, многихъ любили и уважали.

Почему?

Да потому, что они умѣли олицетворять собой Россію, были подлинными ея вождями, инстинктивно улавливали ея національныя задачи, понимали ея грандіозный

масштабъ, находили въ трагическіе моменты ся исторіи слова, которыя шли къ ея сердцу, поднимали ея духъ.

Александръ I оказалъ: «скорѣ отпущу бороду и уйду въ Сибирь, а позорнаго мира не подпишу», и вся Россія стѣнной стала за нимъ.

Александръ II двумя, тремя словами сѣумѣлъ заставить страну безъ тѣни потрясенія принять одну изъ величайшихъ реформъ, какія знаетъ исторія, — освобожденіе крестьянъ съ землей.

Национальной задачи достиженія естественныхъ границъ, поставленной Петромъ Великимъ, хватило на два столѣтія.

Даже Александръ III со своей грузной фигурой умѣлъ еще представлять собой Россію. Когда онъ поднималъ бокаль «за единственнаго друга Россіи — князя Николая Черногорскаго», то вся Россія съ гордостью осматривалась: «вотъ какіе мы сильные! насъ удовлетворяютъ даже такіе пигмеи-союзники, въ болѣе сильныхъ не нуждаемся».

Про Екатерину II, когда она громила враговъ на всѣхъ предѣлахъ государства и удивляла міръ либеральностью своихъ идей, такъ и думали: «ни одна страна не имѣетъ такой государыни».

И тысячи людей съ радостью положили бы за нее голову.

А кто умеръ за Николая II?

Почему?

Потому что онъ всего этого не понималъ, не могъ, не смѣлъ.

Потому, что его власть была только насильственной, но не сильной.

Потому что у него не было нужныхъ словъ.

Потому что пораженіемъ своихъ армій онъ оскорблялъ національную гордость.

Потому что онъ на Россію заставилъ весь міръ смотрѣть сверху внизъ.

Потому что онъ былъ мелокъ, не по Россіи.

И вотъ этого Временное Правительство не поняло.

А большевики поняли.

Они нашли нужныя слова:

«Мы несемъ вамъ хлѣбъ, миръ и землю».

И все это сейчасъ.

«Миръ хижинамъ, война-дворцамъ».

«Долой источникъ всего зла — капитализмъ».

«Мы научимъ весь міръ, какъ устраивать счастье народныхъ массъ!»

Есть отъ чего духу заняться!

Есть чѣмъ вооруживаться массамъ!

Это дѣйствительно знамя, за которымъ побѣдить народъ.

Пускай все это — миражъ. Но вѣдь — «тмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ».

Къ тому же большевики хорошо себя уяснили и другую крупную ошибку Временнаго Правительства. Вѣроятно, тутъ сыграли свою роль американскія впечатлѣнія. Вѣдь Смольный Институтъ полонъ эмигрантовъ изъ Америки... Они поняли, что править безъ принужденія и безъ аппарата для принужденія, т. е. государственной полиціи, нельзя. Поэтому они и начали свое губительное для Россіи дѣло съ формировація полиціи.

Они могутъ десять разъ называть свою красную гвардію красной, но отъ этого она не перестанетъ быть самой типичной государственной полиціей.

Что изъ того, что она служитъ идеямъ социалистическимъ, а не абсолютистскимъ, и не защиты частной собственности?

Вѣдь отъ этого она не перестаетъ быть орудіемъ для подчиненія волѣ Правительства всѣхъ непокоряющихся ему добровольно, т. е. именно тѣмъ, что называется во всемъ мірѣ полиціей.

Велѣдъ за полиціей пришелъ и весь остальной аппа-

рать государственнаго принужденія — цензура, тюрьма, ссылка, лишеніе гражданъ свободы передвиженія, затыканіе глотки несогласнымъ, битье ихъ по карманамъ, вплоть до вѣчной ultima ratio государственности — до угрозы послушникамъ смертью.

Всѣмъ этимъ аппаратомъ держалось самодержавіе, держится имъ, или вѣрнѣе, угрозою его примѣненія всякая государственная власть вообще.

Такъ почему бы онъ измѣнилъ большевикамъ?

Чтобы захватить власть и удерживать ее, большевики съ внѣшней стороны хорошо, умно обставили себя.

Гораздо лучше, чѣмъ, печальной памяти, Временное Правительство.

И если ихъ проваль всетаки неизбѣженъ, то это обусловливается не недостаткомъ умѣнья и желанья властвовать надъ массами, а безжизненностью самой сущности ихъ идеи.

Тѣмъ, что они — социалисты, и притомъ, смѣлые и послѣдовательные.

Что міръ идетъ къ социализму — это ясно.

Спорить съ этимъ было бы неумно.

Слишкомъ много грѣховъ накопилось за капиталистическимъ строемъ, слишкомъ много было страданій массъ, слишкомъ оскорбляетъ онъ чувство справедливости, чтобы человѣчество не чаяло въ крушеніи капитализма пути къ своему счастью.

Но безспорно также и то, что для успѣха попытки социалистическаго переворота требуются нѣкоторыя предварительныя условія и сложная подготовка.

Бисмаркъ какъ то выразился, что онъ хотѣлъ бы, чтобы въ мірѣ была отведена страна — которой не жалко — для производства социалистическаго эксперимента въ полномъ масштабѣ. Такой ужасъ постигнетъ ту страну, такія она перенесетъ испытанія, что человѣчество послѣ

этого надолго будетъ излѣчено отъ всякихъ увлеченій социализмомъ.

Большевики начали свой опытъ социалистической революціи въ Россіи при такихъ условіяхъ, которыя не только не даютъ шансовъ на успѣхъ, но можно сказать, гарантируютъ лишній посмертный триумфъ генію Бисмарка.

Вѣдь въ чемъ основа страданій Россіи?

Только въ колоссальномъ недопроизводствѣ.

Между тѣмъ, социалистическая мысль, если и поработала много въ сферѣ вопросовъ распредѣленія благъ, то область вопросовъ созиданія благъ, вопросовъ развитія производства, ей была почти чужда, или во всякомъ случаѣ, она не разработала ихъ съ тою же обстоятельностью.

Это въ германскихъ, и вообще, въ европейскихъ условіяхъ понятно. Тамъ, къ моменту, когда можно стало говорить о практическомъ воплощеніи социалистическихъ идей, капитализмъ успѣлъ уже слишкомъ многое создать. Социализму было надѣ чѣмъ оперировать. Практической задачей ближайшаго будущаго было отысканіе способовъ наилучшаго использованія существующаго. Вопросы промышленнаго творчества, созданія новыхъ производствъ при социалистическомъ строѣ — все это забота болѣе отдаленнаго времени.

Для Россіи же это все.

Какая можетъ быть рѣчь о созиданіи ея благополучія и счастья на основѣ перераспредѣленія благъ, когда во всю русскую промышленность и торговлю вложено, въ акціонерной формѣ, едва 5 милліардовъ, всѣ русскіе банки вмѣстѣ взятые имѣютъ лишь немножко болѣе 1 милліарда основныхъ капиталовъ, когда русская желѣзнодорожная сѣть стоитъ менѣе 9 милліардовъ рублей, когда наконецъ все русское національное богатство расцѣпляется въ

суммѣ не свыше 120 миллиардовъ рублей?

Какъ ни распредѣлять, но когда на душу приходится всего 650 рублей, то нищета не устранима, хотя бы даже «упразднить» всѣ 60 миллиардовъ накопленнаго нами къ 1 января 1917 г. государственнаго долга. Въ лучшемъ случаѣ, можно преуспѣть въ томъ, чтобы сдѣлать нищими богатыхъ, но обогатить распредѣленіемъ массы — невозможно.

Противъ такихъ мечтаній — арифметика.

Надо сперва сотворить блага, и потомъ уже думать объ ихъ лучшемъ распредѣленіи. Всякая же попытка приступить къ этому распредѣленію не во благовременіи приводитъ лишь къ вящей нищетѣ массъ.

Повторяю, споръ идетъ не о существѣ дѣла, а о времени приступа къ нему.

Позволю себѣ пояснить мою мысль примѣромъ, какъ мнѣ кажется, довольно яркимъ.

Едва ли можетъ кто спорить, что однимъ изъ самыхъ заманчивыхъ объектовъ для огосударствленія являются во всемъ мѣрѣ желѣзныя дороги. Слишкомъ много задѣваютъ онѣ подлинно государственныхъ интересовъ, слишкомъ велика ихъ роль въ національномъ хозяйствѣ, чтобы не являлось мысли объ освобожденіи желѣзнодорожнаго аппарата отъ воздѣйствія соображеній частно-владельческаго интереса и выгоды.

Поэтому даже классическія страны индивидуализма и тѣ приходятъ постепенно къ мысли о необходимости, сперва правительственнаго контроля надъ дѣятельностью желѣзнодорожныхъ обществъ, а затѣмъ и прямого выкупа въ казну.

Но посмотрите, когда къ этому вопросу регулировки (съ неизбѣжнымъ, практически, выкупомъ въ перспективѣ) подошли страны практическія, не зараженные никакимъ видомъ социалистическихъ увлеченій.

Америка въ 1918 г. взяла дороги въ правительственное распоряженіе тогда, когда частная инициатива уже снабдила страну болѣе, чѣмъ 250 тысячъ миль одиночнаго пути.

Россія, у которой даже правительство давно болѣло особаго рода полицейскимъ социализмомъ, начала выкупъ въ казну и всестороннее государственное регулированіе желѣзнодорожнаго дѣла съ начала 80-ыхъ годовъ, когда у нея не было и десятой доли этого количества верствъ.

Въ Америкѣ правительственное управленіе дастъ, несомнѣнно, богатѣйшіе результаты. Избавленные отъ ненужной конкуренціи, американскія желѣзныя дороги, прежде всего, перестанутъ производить весьма много расходовъ, совершенно бесполезныхъ для національнаго хозяйства. Главное же, планомерное использованіе всѣхъ дорогъ, какъ единаго цѣлаго механизма, дастъ странѣ возможность безъ какихъ либо затратъ усилить ихъ мощностъ, т. е. при томъ же почти техническомъ оборудованіи пропускать большее количество поѣздовъ, чѣмъ это могли дѣлать отдѣльныя общества, враждовавшія между собою и не умѣвшія дѣйствовать согласованно.

Политика желѣзныхъ дорогъ будетъ подчинена видамъ государственнымъ, а наличная уже громадная сѣтъ дастъ полную возможность эти виды осуществить.

Не то совершенно получилось въ Россіи..

Оказавшись одновременно и руководителемъ государственной политики желѣзныхъ дорогъ и *хозяиномъ* этихъ дорогъ, русское правительство не сумѣло противустоять соблазну проникнуться всецѣло чисто «хозяйскою» психологіей.

Прежде всего, тарифы стали строиться не по соображеніямъ содѣйствія развитію народнаго хозяйства, а всецѣло въ цѣляхъ фискальныхъ. Каждый кризисъ неизмѣнно вызывалъ попытку превращать эти тарифы въ налого-

вой прессъ, хотя противъ этого категорически вопіеть вся теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ.

Главное же, какъ добрый хозяинъ, русская казна съ невѣроятнымъ озлобленіемъ смотрѣла на всякую попытку сдѣлать ей «конкуренцію» постройкой каждой новой дороги, пускай чрезвычайно важной для государства, но имѣющей несчастье «отвлекать» доходы отъ казенной сѣти.

Въ результатъ, развитіе русской желѣзнодорожной сѣти стало систематически отставать отъ общаго хозяйственнаго развитія страны, тормозить его... Больше того, какъ показала печальный опытъ войны, неразвитая русская сѣть помѣшала Россіи даже въ осуществленіи основной государственной функціи — въ защитѣ отъ врага.

Великое зло, причиненное Россіи задержкой строительства, вызванной неблаговременнымъ огосударствленіемъ дорогъ, не идетъ ни въ какое сравненіе со всей пользой, принесенной этимъ огосударствленіемъ.

Еще въ 1908 г. я выдвинулъ проектъ т. н. Домбровско-Донецкой ж. д. — Гришино — Фастовъ — Ровно — Кѣльцы и, могу сказать, блистательно неопровержимо доказалъ всю важность этой дороги съ экономической и — что особенно важно — съ военной точки зрѣнія, на случай кампаніи противъ Австріи.

Однако, одного соображенія, что эта дорога отвлекаетъ грузы отъ прилегающихъ казенныхъ дорогъ, оказалось достаточно, чтобы ее похоронить.

Совершилось государственное преступленіе, изъ котораго погибли сотни тысячъ лишнихъ жизней на юго-западномъ фронтѣ.

Насколько неоспоримы были мои доказательства неотложной необходимости этой дороги, видно изъ того, что въ ея сооруженію приступили, не взирая на всѣ трудности военнаго времени, въ 1916 г.!

Необходимость линіи Казань-Екатеринобургъ была

быяснена еще въ 1909 году. Въ 1910-11 г. я произвелъ ея изысканія. Но разрѣшеніе ея постройки изъ-за спора о томъ, кому строить, казнѣ или частному обществу, а, если частному обществу, то какому, затянули до 1913 года. И дорога не открыта по сей день, хотя и обошлась, благодаря войнѣ, ровно вдвое дороже.

На срочности постройки линіи Петроградъ-Рыбинскъ-Красноуфимскъ-Омскъ я настаивалъ еще въ началѣ 1915 г., но къ постройкѣ ея головного участка отъ Петрограда до Рыбинска приступили только зимой 1916-17 г., ибо не хотѣли давать ее частному обществу, бравшемуся, на американскія средства, выстроить ее въ 2 года.

Но, благодаря отсутствію этихъ двухъ дорогъ, въ Сибири — бездна хлѣба, а въ Петербургѣ уже давно выдаютъ по $\frac{1}{4}$ фунта на человѣка въ день.

Линія Москва-Донецкій Бассейнъ также упорно не разрѣшалась къ постройкѣ, а въ результатѣ — весь сѣверъ Россіи оставался безъ должнаго снабженія донецкимъ углемъ.

И вѣдь неизбѣжность войны съ Германіей была ясна, и прекращеніе при этомъ доставки англійскаго угля въ Петроградъ не было секретомъ, а все-таки боязнь конкуренціи была сильнѣе и дорогу не разрѣшили.

Продолжать эти примѣры можно до безконечности и не счесть того зла, которое принесло Россіи огосударствленіе ея сѣти.

Но таже картина и въ другихъ странахъ. И въ Австріи, и въ Италіи строительство немедленно же замирало, какъ только начинали выкупать дороги въ казну. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ Америкѣ пострададутъ тѣ Штаты, въ которыхъ сѣть не успѣла стать достаточно густой къ моменту государственнаго вмѣшательства въ желѣзно-дорожное дѣло.

Но, конечно, благодаря тому, что въ Америкѣ сѣть

уже достаточно, вообще говоря, развита, польза огосударствления, въ противоположность Россіи, превыситъ веѣ его невыгоды.

Но то своеобразное огосударствленіе, которое произведено Некрасовымъ и большевиками, уже окончательно зарѣжетъ Россію.

Вѣдь Россіи безъ новыхъ дорогъ не жить? А кто же ихъ будетъ строить? Государство, лишенное средствъ п кредита, или частные капиталисты, ободренные большевистскимъ опытомъ конфискаціи дорогъ у частныхъ обществъ?

Во всѣхъ другихъ областяхъ народнаго хозяйства, въ которыхъ индивидуальность хозяина играетъ большую роль, чѣмъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, послѣдствія огосударствленія будутъ еще ужаснѣе.

Несомнѣнно, что всякое созиданіе новаго національнаго богатства, всякое творчество приостановится.

Между тѣмъ, чѣмъ скорѣе желаемъ мы получить исцѣленіе недуговъ, постигшихъ русскія народныя массы, тѣмъ энергичнѣе должно идти это творчество.

При социалистическомъ же строѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ шансовъ ожидать, что это созиданіе новыхъ благъ, т. е. промышленное творчество, усиленіе производства, интенсификація труда, пойдетъ сколько нибудь энергично.

Вѣдь для человѣческой дѣятельности есть только три стимула:

1. любознательность,
2. стремленіе къ славѣ и
3. стремленіе къ комфорту.

Первые два стимула доступны только отдѣльнымъ людямъ, болѣе развитымъ интеллектуально.

Третій присущъ почти всѣмъ.

Онъ въ сущности, двигаетъ міромъ. Соціализмъ, если

не извлекаетъ изъ человѣчества этотъ стимулъ вовсе, то во всякомъ случаѣ ослабляетъ его до чрезвычайности, исключая возможность личнаго обогащенія, дѣлая всѣхъ равными участниками благъ земныхъ, независимо отъ степени продуктивности труда, и устраняя возможность и нужность накопленія.

Что же будетъ заставлять человѣчество усиленно трудиться, усиленно производить?

Пройдетъ немало времени, много надо будетъ поработать надъ человѣческой душой, переломить ее, чтобы заставить человѣка во имя общаго блага работать такъ же, какъ онъ сейчасъ, въ условіяхъ капиталистическаго строя, работаетъ ради личнаго обогащенія, подстегиваемый великимъ возбуждателемъ человѣческой дѣятельности — голодомъ.

И востокрять этотъ экспериментъ ослабленія стимуловъ къ творчеству опасенъ въ тотъ моментъ жизни государства, когда все его спасеніе лежитъ въ томъ, чтобы начать трудиться изо всѣхъ силъ, ибо и вся бѣда то пришла отъ того, что страна 4 года не производила.

Не можетъ быть спора, о томъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ — да они и бывали — увлекательный ораторъ убѣдитъ, напр., рабочихъ фабрики усилить производительность въ виду крайней необходимости даннаго продукта для всего народа. Но этотъ взрывъ энергіи будетъ очень кратковременнымъ и скоро станетъ предъ людьми навязчивый вопросъ: «а намъ то что отъ этого?»

Совершенно то же было и на фронтѣ. Увлекательная рѣчь Керенскаго — вещь хорошая, но когда нѣтъ вдобавокъ дисциплины, то впечатлѣніе этой рѣчи испарится весьма быстро и армія перестанетъ исполнять свою воинскую работу.

А голодь хорошо поддерживалъ дисциплину труда.

Чѣмъ же социализмъ думаетъ замѣнить эту великую силу?

Недолгий опытъ Россіи уже начинаетъ показывать намъ воочию, что даже приближеніе къ идеалу социалистическаго строя уже даетъ фатальный эффектъ пониженія производительности и, слѣдовательно, подрывъ самой основы возможнаго благополучія народа.

Я этимъ не хочу сказать, чтобы Россія не должна была пройти черезъ экспериментъ социализма, и даже, вообще, могла не пройти черезъ него.

Наоборотъ, онъ былъ почти неизбеженъ. Когда свалилась на Россію небывалая бѣда, когда она изнемогла подъ бременемъ войны*), когда народъ сознать размѣры своего несчастія, то онъ инстинктомъ понялъ, что изъ такого исключительнаго положенія его могутъ вывести мѣры только также исключительныя, размаха и масштаба невиданнаго.

*) Меня всегда очень поражаетъ, когда я слышу сѣтованія союзниковъ на то, что Россія вышла изъ войны. Я всегда недоумѣваю, почему эти люди негодуютъ и удивляются. Вѣдь это явленіе было неминуемо, какъ фатумъ, когда союзники войну затаили. Разъ они объявили войну «на истощеніе», то понятно, что первую должна была истощиться та страна, которая всѣхъ слабѣе экономически. Это и должно, и можно было предвидѣть. Что это такъ, это всего лучше видно изъ того, что нѣмцы то это отлично предвидѣли. Тамъ еще три года тому назадъ была произнесена фраза, что въ той цѣпи, которая охватываетъ и душитъ Германію, Россія будетъ первымъ звеномъ, которое порвется.

Но если истощеніе Россіи и результирующій отсюда выходъ Россіи изъ войны были совершенно неизбежны, то союзникамъ оставалось одно изъ двухъ: либо ждать терпѣливо, когда истощеніе придетъ, либо бороться съ самой возможностью истощенія — т. е. помогать Россіи **изо всѣхъ силъ**, чтобы выровнять союзнической экономической фронтъ такъ же, какъ стараются въ бою выровнять фронтъ стратегическій.

Союзники не сдѣлали второго и сердятся, когда произошло первое. Въ моменты мировыхъ конфликтовъ мораль, конечно, вещь хорошая, но предусмотрительность тоже полезна. Кто же ея не умѣетъ или не хочетъ во время проявить, тотъ за это платится.

Предъ нимъ лежало тогда два пути.

Одинъ, на который звалъ ее я, — и почти одинъ я, потому что всѣ другіе защитники этой идеи попрятались, сознавая ясно безнадежность своей точки зрѣнія въ данныхъ условіяхъ психики народной — это путь уже испытанный народами, хотя и въ меньшемъ масштабѣ — путь титаническаго развитія промышленнаго творчества, феерическаго развитія капитализма въ стилѣ сѣверо-американскомъ.

Второй путь, хотя и не провѣренный ничьимъ опытомъ, но за то (быть можетъ, даже какъ разъ изъ-за этого) повитый дымкой поэзіи, былъ — социализмъ.

Россія не могла не избрать второй путь.

Онъ несравненно больше соотвѣтствовалъ всей ея психикѣ.

Основная черта русской души это стремленіе къ справедливости.

Поэтому, вопросы распредѣленія искони интересовали русскихъ мыслящихъ людей гораздо больше, чѣмъ вопросы производства.

Русская интеллигенція сплошь была поэтому заражена «сентиментальнымъ» социализмомъ, ибо видѣла въ социализмѣ удовлетвореніе своей жажды справедливости.

Отсюда и эта столь поражающая иностранцевъ, подавляющая побѣда социалистическихъ партій въ Россіи.

Русскій социализмъ не есть нѣчто вытекающее изъ классового самосознанія.

Это своего рода религія, въ которой интеллигенція — священнослужители.

Идеологи индустриализма, защитники буржуазныхъ идей, насчитываются въ Россіи единицами.

Недаромъ вѣдь и первые шаги къ социалистическому перевороту — учрежденіе земельныхъ комитетовъ, установленіе хлѣбной монополіи и введеніе фантастическаго

обложения промышленности*) — всё сдѣланы интеллигентомъ — кадетомъ А. И. Шингаровымъ, который открестился бы отъ названія социалиста.

Вполнѣ понятно, что начатый въ такой объективно-экономической и психологической обстановкѣ, каждый социалистическій экспериментъ неминуемо заводилъ авторовъ его въ тотъ или иной жизненный или идейный тупикъ.

Особенно ярко мнѣ это представилось послѣ разговора съ однимъ думскимъ социалистомъ еще въ самомъ началѣ русской революціи, когда еще только начинали появляться требованія прибавокъ и увеличеній заработной платы.

Я его спросилъ: «Какъ же Вы думаете удержать эти платы послѣ войны, когда откроются границы? Вѣдь онѣ совершенно не соотвѣтствуютъ міровой конъюнктурѣ? Рѣчь идетъ не о промышленникахъ, — они ко всему приспособятся, а о цѣнахъ товаровъ, о потребителѣ. Вѣдь русскіе товары будутъ такъ дороги, что имъ заграничной конкуренціи не выдержать и русская промышленность станетъ?».

На это мой собесѣдникъ отвѣтилъ побѣдительно

*) По закону Шингарева 3 основныхъ налога съ промышленно-торговыхъ предприятий — походный (до 30%), временный подоходный (тоже до 30%) и на военную прибыль (до 80%) — могутъ достигать, въ суммѣ, 90% отъ «податной» прибыли. Последняя же значительно отличается отъ дѣйствительной, коммерческой прибыли. Для полученія податной прибыли изъ коммерческой къ податной прибавляются: всё излишки вознагражденія лицъ высшей администраціи сверхъ 3% на основной капиталъ въ суммѣ и сверхъ 10.000 рублей на отдѣльное лицо, всё отчисленія на погашеніе имущества сверхъ 5 и 10% (соотвѣтственно для недвижимаго и движимаго) всё благотворительныя отчисленія, и даже расходы на культурныя нужды рабочихъ, на примѣръ, на постройку церквей. При такихъ условіяхъ 90% податной прибыли легко могутъ превысить всё 100% прибыли человѣчески понимаемой. Прибавьте сюда налоги земскіе и городскіе, и вы увидите, что по закону Шингарева полученіе прибыли есть вещь иногда очень рискованная. Законъ такъ нелѣпъ, что онъ даже и не вошелъ въ жизнь. Забывшіе Шингарева Бернацкій «отсрочилъ» на 1918 г. «временный подоходный налогъ». По русскимъ нравамъ это всегда значило похоронить.

тономъ: «Ну, мы иностранныхъ товаровъ не пустимъ. Мы введемъ такія таможенныя пошлыны, какія Вамъ, промышленникамъ, и во снѣ не снились».

Наивный малый и не представлялъ себѣ, какимъ позоромъ ложатся и на него, и на весь русскій «соціализмъ», такія слова.

Тѣ самые соціалисты, которые съ пѣной у рта обвиняли русскую промышленность въ томъ, что она паразитируетъ за счетъ русскаго народа, пользуясь русскими покровительственными пошлынами, теперь, когда власть въ ихъ рукахъ, собираются такъ поднимать эти пошлыны, чтобы создалась возможность паразитировать не нѣсколькимъ тысячамъ русскихъ промышленниковъ, а цѣлымъ милліонамъ рабочихъ.

За чей счетъ?

Не за счетъ ли мужика, разъ что «буржуя» дочиста раздѣли?

И какъ такіе, съ позволенія сказать, соціалисты представляютъ себѣ составъ Русскаго Парламента, чтобы онъ пошелъ на такія мѣропріятія, явно вредныя подавляющему числу населенія?

Не вырисовывалась-ли уже и тогда пресловутая «диктатура» пролетаріата, т. е. попытка созданія новаго привилегированнаго класса, отличающагося отъ стараго только меньшей конфузливостью и большимъ числомъ?

Думали ли эти люди о томъ, что, если при большемъ благосостояніи до войны, русскому мужику было тяжело содержать на своихъ плечахъ полсотни тысячъ помѣщиковъ, то ему будетъ не подсилу содержать теперь, въ разоренной странѣ, нѣсколько милліоновъ городскихъ рабочихъ?

И что онъ захочетъ это дѣлать?

Такой же точно тупикъ, изъ котораго нѣтъ приличнаго выхода, получается при всѣхъ другихъ экспериментахъ.

Конфисковали въ городахъ дома. Выгоняють «буржуевъ» изъ ихъ квартирѣ. Но надолго ли хватитъ этого запаса крытыхъ помѣщеній, хотя бы въ томъ же Петроградѣ? Его населеніе до войны приростало на 50-60 тысячъ въ годъ. Куда же размѣщать этотъ приростъ? Прежде вопросъ разрѣшался частнымъ домостроительствомъ. А теперь, кто будетъ строить? Города? Да какой же сумасшедшій дастъ имъ денегъ?

Постановили: не выдавать «буржуямъ» больше 150 руб. въ недѣлю съ текущихъ счетовъ.

Ударили по болѣе культурнымъ капиталистамъ, которые понимаютъ, какое зло для національнаго хозяйства держать деньги по закускамъ, сундукамъ и подпольямъ, и снесли свои 7 милліардовъ въ банки. А что до этого тѣмъ, которые прячуть по домамъ свои 25 милліардовъ?

Куда, дальше, пойдутъ тѣ новые 2-3 милліарда, которые каждый мѣсяць выбрасываетъ Экспедиція?

Какъ будутъ, дальше, реализоваться государственные займы, если единственный путь для ихъ реализаціи — черезъ банки — теперь закрыть?

Потому что, кто же теперь понесетъ деньги въ банкъ?

А безъ займовъ, какъ мы будемъ бороться съ дѣйствительнымъ злитіемъ каналовъ денежнаго обращенія бумажками?

Принудительный заемъ введете? Бумажку официально обезцѣните? Такъ вѣдь это ударить опять таки только по мужику. У буржуя бумажекъ нѣтъ. Онѣ всѣ въ деревнѣ.

Всѣ эти вопросы и въ голову не приходятъ г-г. реформаторамъ въ ихъ азартномъ походѣ на капиталистическій строй.

Имъ важно уязвить буржуя. А что изъ этого получится для народнаго хозяйства, они и знать не хотятъ, а еще того чаще, по крайнему своему невѣжеству и дѣловой неспытности, даже и не представляютъ себѣ.

Всѣми подобными мѣропріятіями подрывается не капиталистическій строй, а основы народнаго хозяйства.

Капиталь не перестаетъ существовать, а только, сохраняя всѣ свои дурныя качества, теряетъ качества положительные — творческія.

Капиталь сконцентрированный въ одномъ мѣстѣ — у отдѣльнаго лица или въ банкѣ — имѣетъ неудержимую склонность творить новыя цѣнности, новый капиталъ. Капиталь распыленный только форсируетъ потребленіе.

Милліардеръ «проѣсть» свои доходы органически не можетъ. Онъ ими неминуемо увеличиваетъ свой капиталъ, который гдѣ то работаетъ, кого то кормитъ, что то создаетъ, вызываетъ къ жизни.

Но стоитъ раздать ту же сотню милліоновъ хотя бы только милліону людей, какъ они неминуемо немедленно ихъ пропьютъ или проѣдятъ. словомъ, ничего съ этими деньгами полезнаго не сдѣлаютъ, а только усилятъ дороговизну, насильственно увеличивъ спросъ на потребительскіе товары.

Вотъ эта безжизненность, практическая безнадежность всѣхъ предпринимавшихся по сію пору русскими социалистами шаговъ къ «соціализаціи» приводитъ къ тому, что ихъ дѣятельность все больше и больше принимаетъ характеръ не столь уже социалистическій, сновъ экстремистски — политическій.

Идетъ въ сущности походъ одной части населенія на другую съ большою примѣсью простой криминальности. Недаромъ вѣдь одинъ изъ авторитетнѣйшихъ у насъ социалистовъ недавно обмолвился фразой: это не социальная реформа, а социальный грабежъ.

И этотъ уклонъ въ сторону чистой политики является тѣмъ болѣе обоснованнымъ, чѣмъ меньше есть реальныхъ основаній для подлинно-социалистической реформы.

Да и это явленіе вовсе не новое.

Когда нація, въ силу тѣхъ или иныхъ историческихъ причинъ, доходитъ до нестерпимаго экономическаго положенія, она рѣдко удерживается отъ соблазна сдѣлать попытку выйти изъ своихъ затрудненій путемъ чисто политическимъ.

Положеніе Россіи до крайности тяжело. Отсюда и наблюдаемое тамъ сейчасъ чрезвычайное увлеченіе политикой, притомъ въ самыхъ крайнихъ формахъ.

Такъ бывало всюду. Въ аналогичныхъ положеніяхъ политическіе фантасты всегда завладѣвали сердцами и умами своего народа и самыя крайнія политическія теоріи встрѣчали наиболѣе восторженный приѣмъ.

Судьба всѣхъ подобныхъ увлеченій народовъ извѣстна, и едва-ли и Россія явитъ что-либо новое въ этомъ отношеніи. Не сегодня, завтра тамъ начнется такое же всеобщее отвращеніе ко всякой «политикѣ», какое сейчасъ наблюдается увлеченіе ею.

Причина этого ясна. Жизнь неминуемо выдвигаетъ проблемы, коихъ разрѣшеніе требуетъ извѣстныхъ дѣловыхъ навыковъ и знаній и посему недоступно для партійныхъ болтуновъ и политикановъ, обычно съ жизнью плохо знакомыхъ и потому пасующихъ тамъ, гдѣ требуются не слова, а конкретныя дѣйствія для удовлетворенія кричащихъ нуждъ обывателя.

Одной изъ такихъ проблемъ, которая встанетъ передъ Россіей во всю величину на другой же день по заключеніи мира, явится проблема урегулированія расчетнаго баланса.

Онъ искони былъ у насъ пассивнымъ, т. е., количество денегъ, которое Россіи надлежало ежегодно выплачивать другимъ государствамъ за покупаемые у нихъ товары и фрахты, на покрытіе расходовъ нашихъ путешественниковъ (до 300-400 м. р. въ годъ) и по внѣшнимъ долгамъ (государственнымъ, желѣзнодорожнымъ и част-

нымъ — въ формѣ заграничныхъ обществъ, дѣйствующихъ въ Россіи) всегда превышало количество денегъ. причитавшихся Россіи за продаваемые ею товары и получавшихся отъ русскихъ эмигрантовъ.

Отрицательное сальдо нашего расчетнаго баланса покрывалось изъ года въ годъ займами, по преимуществу во Франціи, отчасти въ Англии и Германіи. Для сей цѣли выпускались займы, какъ чисто государственные, такъ и желѣзнодорожные, ипотечные и частно-акціонерные.

Если бы не эти непрерывные займы, нашъ пресловутый золотой запасъ уже давно пересталъ бы существовать. Займы же давали государству возможность довести его до огромной суммы въ почти 900 милліоновъ долларовъ (передъ войной, нынѣ же онъ — 1.250 м. рублей).

Послѣ войны наше положеніе значительно ухудшится.

Долги наши союзникамъ превышаютъ 8½ милліардовъ рублей и, слѣдовательно, одинъ платежъ процентовъ ухудшитъ балансъ милліоновъ на 500 рублей золотомъ въ годъ, исчезнетъ почти полностью такая статья дохода, какъ тѣ 700 м. м. хлѣба, которые мы до войны вывозили за границу, и которыхъ теперь, въ связи съ колоссальнымъ недосѣвомъ и пониженіемъ интенсивности сельскаго хозяйства, намъ не хватитъ даже внутри страны. Наоборотъ, потребность въ заграничныхъ товарахъ, неудовлетворявшаяся въ теченіе 4 лѣтъ, нынѣ, подъ вліяніемъ пониженія собственной производительности отечественной индустрии, выросла даже объективно.

Но къ этому прибавилось еще то, что населеніе Россіи, заливаемое въ теченіе 4 лѣтъ бумажными деньгами, пресерьезно воображаетъ себя разбогатѣвшимъ и надѣется твердо, немедленно же по заключеніи мира, удовлетворить свои разившіеся вкусы за счетъ иностраннаго ввоза

всякихъ предметовъ не только необходимости, но и комфорта.

При такихъ условіяхъ приходится говорить о возможности дефицита въ многіе миллиарды рублей въ годъ.

Какъ съ такой задачей справиться?

Старый методъ займовъ во Франціи совершенно немислимъ. Даже если бы не было политическихъ причинъ (хотя бы законнаго недовольства французомъ нашимъ выходомъ изъ войны), французскій рынокъ все-таки надолго былъ бы закрытъ для Россіи — у него слишкомъ сложная задача по консолидированію военныхъ расходовъ своей страны и по возстановленію разрушеннаго имущества. Поэтому французское правительство вѣроятно будетъ даже запрещать всякія иностранныя эмиссіи во Франціи.

Большевики выдвигаютъ «радикальный» приемъ отказа отъ платежа по заграничнымъ займамъ. *) Не входя въ критику по существу столь необычнаго метода дѣйствій, не останавливаясь на томъ, что на него едва-ли согласятся страны-кредиторши, необходимо все же отмѣтить, что онъ вопроса отнюдь не рѣшаетъ, ибо у насъ отрицательнымъ будетъ не только расчетный, но и чисто торговый балансъ, т. е., даже откидывая платежи по долгамъ и расходы путешественниковъ, мы все-таки не въ состояніи заплатить за товары, которые намъ «до зарѣзу» нужны, ибо своихъ товаровъ къ вывозу у насъ будетъ ничтожно мало, а золотого запаса не хватитъ и на годъ.

*) Это чрезвычайно характерный bluff большевиковъ. Во время войны мы могли платить проценты по заграничнымъ долгамъ только изъ кредитовъ, которые намъ открывались иностранными правительствами. Но, для полученія кредита, требуется соглашеніе, а для соглашенія необходимо вступить въ дипломатическія сношенія. А въ сношенія съ большевиками союзныя правительства вступать не желаютъ. Поэтому, если бы они и желали заплатить, то этого сдѣлать не могутъ. Не имѣя же возможности платить, они предпочли заявить гордо, что они не хотятъ.

Если бы у насъ была сильная власть и *честная администрація*, то, быть можетъ, удалось бы насильственно сократить потребность въ заграничномъ товарѣ, закрывши границы. Но сейчасъ объ охранѣ 1000 миль одной западной сухопутной границы, не говоря уже о всѣхъ прочихъ, не можетъ быть и рѣчи.

Не дожидаясь гребованія нѣмцевъ о свободномъ пропускѣ товаровъ, російскій обыватель самъ властно потребуетъ ввоза, и конечно не демагоги осмѣлятся ему въ этомъ отказать.

О форсированіи внутренняго производства въ цѣляхъ созданія *contre valeur*, а ввозу конечно не можетъ быть и рѣчи. Наоборотъ, производительность Россіи значительно упадетъ, ибо транспортъ полуразрушенъ, кредитъ и денежное обращеніе въ конецъ разстроены, рабочее населеніе отбилосъ отъ труда.

Чѣмъ же остается крыть дефицитъ, если всякіе нормальные, здоровые методы его покрытія недоступны?

Очевидно, остается одно изъ двухъ: или примирить-ся на долгіе годы съ безтоварьемъ (а этого мы не хотимъ, а, частью, и дѣйствительно не можемъ), либо поступать по историческому примѣру веселящихся русскихъ баръпомѣщиковъ и гусарскихъ корнетовъ — проѣдать не доходы, а самое имущество... съ полной нищетой и рабствомъ въ перспективѣ, если, разумѣется, не придетъ достаточно скоро охота жить поскромнѣе и работать поусерднѣе.

Но дѣлу продажи русскаго національнаго имущества большевистскимъ правительствомъ поставлена довольно трудно устранимая преграда: въдь почти все это имущество—и земля, и банки, и фабрично-заводскія предприятия—имъ «націонализовано».

Какое же еще имущество можно будетъ продавать иностранцамъ въ обмѣнъ за ихъ товары? Въдь «иму-

ществомъ», изображаемымъ русскимъ кредитнымъ рублемъ, ихъ не прельстишь?

Такимъ образомъ и единственный практически мыслимый способъ, и тотъ—*при наличныхъ условіяхъ*—становится непримѣнимымъ: вѣдь нельзя же себѣ вообразить, чтобы большевики, экспроприровавшіе имущество у русскихъ капиталистовъ и буржуевъ и «націонализировавшіе» его, стали своими же руками его денационализировать путемъ распродажи иностранцамъ.

Отсюда видно, въ какомъ неустрашимомъ конфликтѣ находится «націонализація» имущества и необходимость покрытія дефицита въ расчетномъ балансѣ.

Этотъ конфликтъ останется даже и при наличіи социальной революціи въ другихъ странахъ: вѣдь и иностранные рабочіе не захотятъ «даромъ» снабжать продуктами «своего» труда русскихъ плохо работающихъ и мало производящихъ товарищей.

Не трудно предсказать съ увѣренностью, что на практикѣ обыватель, подъ нестерпимымъ давленіемъ нужды въ заграничномъ товарѣ, практически отмететъ идею націонализаціи и начнетъ распродажу національнаго имущества.

Но такъ какъ имущество это будетъ, благодаря официальной націонализаціи и, вообще, беспорядку въ странѣ, весьма сомнительнымъ, то и пойдетъ оно за безцѣнокъ.

Покупатели по этимъ чрезвычайно пониженнымъ цѣнамъ всегда найдутся, ибо въ мірѣ имѣются любители рискованныхъ дѣлъ, которые съумѣютъ рассчитать, что Россія къ идеѣ собственности вернется и тогда они безумно наживутъ.

Въ результатѣ, Россія за свои политическія увлеченія понесетъ жесточайшее наказаніе.... какъ это, впрочемъ, всегда въ исторіи и бывало.

А затѣмъ..... Затѣмъ она обратится къ тому единственному средству созданія національнаго благосостоянія, которое только и знаетъ весь міръ—къ усиленному труду, къ усиленному производству.

Но пока этотъ процессъ оздоровленія морали и разума народнаго совершится, пройдетъ немало времени и не мало переживетъ Россія испытаній.

Прежде всего, ей придется, даже независимо отъ общей политической ситуаціи, разстаться со своей хозяйственной самостоятельностью.

Какая бы группа державъ ни побѣдила, для Россіи съ хозяйственной точки зрѣнія это почти безразлично. Все равно процессъ денационализаціи русской промышленности совершится съ такой же неукоснительностью, съ какою совершилась за время войны націонализація промышленности и государственнаго долга въ странахъ, которыя на войнѣ нажили, какъ Сѣверная Америка и Скандинавскія страны.

Если побѣдитъ Германія, то захватъ русской промышленности, русскаго рынка сырья и русской способности поглощать импортные товары совершить безраздѣльно Германія. Союзникамъ же будетъ не до насъ: они будутъ залѣчивать свои раны.

Если побѣдятъ союзники, то нѣкоторое участіе въ экономическомъ захватѣ Россіи примутъ и они, хотя, вѣроятно, и съ нѣкоторымъ запозданіемъ и съ меньшей, чѣмъ нѣмцы, выгодой для себя.

Послѣднее положеніе для Россіи, съ точки зрѣнія сохраненія политической самостоятельности ея, какъ государства, конечно, желательнѣе: меньше шансовъ за то, что контроль экономическій повлечетъ за собою контроль политическій.

Къ сожалѣнію, надеждъ на это чрезвычайно мало.

Германія дольше и больше всѣхъ готовилась къ вой-

нѣ, но она и больше всѣхъ думала о мирѣ во время великой войны.

Союзники всю свою промышленную энергію направили на служеніе военнымъ цѣлямъ. Ихъ мирная работоспособность ослаблена чрезвычайно. Правда, лозунгъ: «все для войны», пропремѣвший въ Россіи изъ устъ московскаго купца Рябушинскаго въ 1915 году и воспринятый во всѣхъ союзныхъ странахъ, не привелъ эти страны въ такое же хозяйственное разстройство, какъ Россію, ибо у нихъ и промышленность сильнѣе, и, кромѣ того, былъ еще и другой лозунгъ—лозунгъ экономіи. Но, все-таки, способность союзной промышленности къ снабженію мірового рынка товарами значительно ослаблена. Станки для мирной работы за эти годы не освѣжались и, пока военные заводы будутъ демобилизованы и переведены на мирную работу, пройдетъ много времени.

Германія объ этомъ уже давно подумала и этимъ объясняется, почему она грабила станки и машины на заводахъ Бельгіи, Сѣверной Франціи и даже Польши. Она понимала, что въ моментъ мира достать станки будетъ невозможно нигдѣ и экономически опередить всѣхъ тотъ, у кого окажется *на лицо* наибольшее количество станковъ, ибо онъ удовлетворитъ первую наиболѣе острую потребность въ товарахъ, получитъ наилучшія цѣны и захватитъ рынки потребленія.

Особенно это вѣрно въ отношеніи Россіи, ибо въ ней и товарный голодъ всего острѣе, и ближе она, и экономическая сопротивляемость ея слабѣе. Поэтому, если до войны Германія захватила до 52% русскаго импорта, то послѣ войны эта цифра рискуетъ быть весьма близкой къ 100%.

Для такого предсказанія есть еще одно серьезнѣйшее основаніе, о которомъ какъ то всѣ позабыли. Это курсъ германской марки. Ея курсъ упалъ весьма серьезно. Въ

Норвегія онъ, напр., еще весьма недавно доходилъ до 33 эре и только послѣ слуховъ о сепаратномъ мирѣ съ Россіей повысился въ декабрѣ до 55 эре, далеко еще не достигая паритета. Поэтому и русскій рубль въ отношеніи бумажной нѣмецкой марки упалъ значительно менѣе — примѣрно въ $2\frac{1}{2}$ раза —, нежели въ отношеніи неподвижныхъ валютъ — 4-5 разъ въ отношеніи фунта стерлинговъ и доллара.

Въ силу этого всякій товаръ, даже одинаковой *золотой* цѣны, какъ въ Германіи, такъ и въ Америкѣ, для русскаго покупателя въ Америкѣ будетъ стоить въ $4:2\frac{1}{2} = 1\frac{1}{2}$ раза дороже, чѣмъ въ Германіи.

Если къ тому прибавить, что и исходная то цѣна въ Америкѣ имѣеть всѣ шансы быть выше, чѣмъ въ Германіи, благодаря болѣе высокой оплатѣ труда, и что морской фрахтъ долго будетъ дороже провоза изъ Германіи по желѣзнымъ дорогамъ, то возникаетъ *sui generis* дифференціальная пошлина, препятствующая импорту въ Россію изъ Америки.

Этотъ импортъ будетъ возможенъ лишь въ мѣру закупки Америкой товаровъ въ Россіи (до войны это было что-то около 5 милліоновъ долларовъ въ годъ), и въ мѣру предоставленія ею Россіи на какихъ то полублаготворительныхъ началахъ валюты для закупокъ въ Америкѣ.

Бороться съ этимъ, крайне невыгоднымъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и жизненно опаснымъ, положеніемъ союзники могутъ только двумя способами.

Съ одной стороны, нужно захватить контроль надъ мировымъ, въ томъ числѣ и російскимъ, рынкомъ сырья. Этимъ путемъ можно заставить цѣну германскихъ товаровъ подняться до уровня цѣнъ союзническихъ и тѣмъ поставить ихъ въ равныя условія конкуренціи.

Съ другой стороны — нужно *немедленно* приступить къ закупкѣ всего этого имущества Россіи, которое только

можетъ быть ею продано, какъ то: банковъ, фабрикъ, заводовъ, залежей ископаемыхъ, земель поддающихся ирригаціи, лѣсовъ.

Этимъ способомъ Россія на чисто коммерческихъ, а слѣдовательно здоровыхъ и прочныхъ, основаніяхъ получить валюту (разумѣется закрѣпленную) для закупокъ въ Америкѣ и, хотя скрѣпя сердце, огорчаясь на дороговизну, но дать послѣдней возможность занять серьезное мѣсто въ дѣлѣ импорта въ Россію.

Наоборотъ, ввозъ изъ Германіи станетъ весьма затруднительнымъ, ибо достать валюту германскую будетъ не легко. Вѣдь противъ рублей и только противъ рублей, не имѣя возможности вымѣнять ихъ на сырье и имущество, Германія свои товары продавать не будетъ въ состояніи, какъ бы ни были ей близко знакомъ русскій рынокъ, какъ бы ни привыкла она къ русскому обычаю вести торговлю въ кредитъ, какъ бы ни была она свободна отъ американскаго предубѣжденія и боязни рубля.

Но сдѣлать все это можно только приступивши къ дѣлу немедленно, ибо захватъ Россіи нѣмцами пойдетъ съ необычайной быстротой и чрезвычайной же настойчивостью.

Для этого у Германіи имѣются серьезнѣйшія основанія.

Дѣло въ томъ, что Германія начала войну въ твердой увѣренности въ побѣду.

Нельзя не признать, что она имѣла для этой увѣренности всѣ данныя. Побѣда вѣдь висѣла на волоскѣ. Не испугайся нѣмецкіе юнкера за судьбу своихъ имѣній, не потребуй они немедленнаго отпора русскому налету на Восточную Пруссію, не ослабь они этимъ свою западную армію на нѣсколько корпусовъ, и были бы нѣмцы въ Парижѣ, не спасли бы положенія тѣ 40.000 солдатъ, которыхъ въ послѣднюю минуту бросилъ въ бой Галліени и

которые склонили чашку вѣсовъ въ сраженіи на Марнѣ въ пользу Жоффра.

Увы, мгновенное, однимъ ударомъ, окончаніе войны оказалось невозможнымъ. Война затянулась. Чѣмъ она кончится — неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе — въ ничью. Надо поэтому готовиться къ новой войнѣ. И въ этой новой войнѣ надо уже не повторять старой ошибки, стоявшей проигрыша кампаніи 1914 г., надо идти навѣрняка: подготовить войну, не только въ военномъ, но и въ дипломатическомъ отношеніи, чего Германія, переоцѣнивши свои силы, въ 1914 году не сдѣлала.

Наиболѣе простымъ рѣшеніемъ задачи пріисканія для слѣдующей войны союзника, который сдѣлалъ бы эту войну безпроигрышной, является обращеніе къ старому другу, близкому сосѣду—Россіи. Недаромъ вѣдь и старикъ Вильгельмъ на смертномъ одрѣ заклиналъ не ссориться съ Россіей.

Не думаю, чтобы кому-либо удалось опровергнуть, что именно такова будетъ тенденція нѣмецкой политики въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, особенно, если она, что вполне еще возможно, не одержитъ побѣды на западномъ фронтѣ.

Но это направленіе нѣмецкой политики представляетъ собою величайшую опасность для Россіи не только съ внѣшне-политической и экономической точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія политики внутренней, опасность для демократическаго устройства Россіи.

Дѣло въ томъ, что, конечно, Германія не повторитъ ошибку малоумнаго Николая II, оказавшуюся фатальной для его династическихъ интересовъ и состоявшую въ непримѣримомъ противорѣчьи между его внутренней и внѣшней политикой. Нельзя безнаказанно для абсолютизма культивировать реакцію внутри страны и вести либеральную политику во внѣ, состоять въ союзѣ съ передо-

выми демократіями. Однаково и демократіи небезопасно вести дружбу съ деспотіями. *Такой* коренной ошибки Николая II Германія уже несомнѣнно не допуститъ и, разъярѣвшись ввести Россію въ орбиту своей политики, конечно приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы добиться монархической реставраціи въ Россіи.

Есть ли, однако, въ Россіи такіе элементы, на которые новый монархъ могъ бы опереться, которые измѣнили бы идеѣ демократіи и захотѣли бы вновь «подъ царя»?.

На тотъ вопросъ надо, увы, прямо отвѣтить: да, такіе элементы есть.

Повидимому, Россія начинаетъ уже завершать циклъ и, отъ самодержавія, черезъ революцію и анархію, неудержимо идетъ къ воспріятію вновь идеи единодержавія. Недаромъ я всегда шутилъ, что русская революція есть точная копія французской, съ той только разницей, что та совершалась въ почтовомъ дилижансѣ, а наша — въ автомобиляхъ и съ радіотелеграфомъ.

Изобрѣтательности мы не проявили почти ровно никакой, и все, что у насъ происходитъ, происходило и тамъ. Разница только въ темпѣ, поэтому и ликвидація близится скорѣе.

Какъ могъ получиться такой, по истинѣ, ужасный результатъ?

Вѣдь въ началѣ революціи вся буквально Россія была единодушна въ ея признаніи. Всѣ торжествовали, всѣ радовались, всѣ ждали и вѣрили въ скорое лучшее будущее.

Гидра контръ-революціи существовала только въ воспаленномъ воображеніи митинговыхъ ораторовъ и питалась лишь тѣмъ отсутствіемъ вѣры въ то, что революція дѣйствительно пришла, о которомъ я уже не разъ говорилъ. Вѣдь не даромъ даже монархистъ и правый В. В. Шульгинъ ходилъ «братъ» Петропавловскую крѣпость и требовать отреченія отъ Николая II.

Но затѣмъ началось постепенное отстраненіе отъ революціи одной группы гражданъ за другой.

Первыми были офицеры, потомъ въ граждане II-го сорта попали помѣщики, потомъ «капиталисты» и весь торговопромышленный классъ. Потомъ пришла очередь за духовенствомъ, всей интеллигенціей вообще («буржуи») и, наконецъ, за «столыпинскими помѣщиками», т. е., за хуторянами и отрубщиками, которыхъ въ Россіи, однако, до 12½ миллионѣвъ. Въ ту же кучу попали казаки и даже всѣ хозяйственные мужики. Контрреволюціонной объявлена и Польша, возстановленію которой такъ радовались всѣ хорошіе русскіе люди*).

Кто же оказался, наконецъ, не выброшеннымъ за бортъ революціоннаго корабля?

Если пересчитать всѣхъ исключенныхъ, всѣхъ паріевъ и «враговъ революціи», то, пожалуй, дѣйствительно добрыми гражданами россійской республики окажутся только одни неудачники періода до революціи, всѣ тѣ, кто при старомъ режимѣ не сумѣлъ устроить свою жизнь

*) Теперь, когда трагическія событія войны сдѣлали такъ яснымъ то, что многими, даже большинствомъ, совершенно не понималось ранѣе, я съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ я еще въ 1912 г. среди своихъ товарищей по Г. Думѣ высказывалъ мысль, что у Россіи есть два способа чрезвычайно усилить свое положеніе, на столько, что, быть можетъ, и нѣмцы съ нами воевать не рискнутъ. Эти способы суть: дарованіе полной автономіи Польшѣ и торжественное принятіе присяги на вѣрность конституціи въ Думѣ. Теперь то уже каждому ясно, какъ сложились бы событія, если бы рыцарскій польскій народъ получилъ свою свободу изъ русскихъ рукъ до войны, если бы, вмѣсто того, чтобы растрачивать силы на безнадежную борьбу съ поляками, русскій двуглавый орелъ стоялъ въ бою рядомъ съ бѣлымъ орломъ родной намъ Польши, какъ равный съ равнымъ, какъ братъ съ братомъ. Отрадилось бы это и на внутреннихъ дѣлахъ: вѣдь болѣе культурный польскій народъ не далъ бы разыгратъ на фронтѣ этой т. н. большевистской гибели. Въ польскомъ народѣ стремленіе къ государственности чрезвычайно сильно и онъ, видя гибельность для себя большевистскаго безумія, нашелъ бы въ себѣ энергію помочь и русской власти въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ.

въ соотвѣтствіи со своимъ аппетитомъ и находился въ конфликтѣ либо съ законами экономики, либо съ законами уголовными. Думается, что по нынѣшнимъ временамъ даже не всѣ промышленные рабочіе и сельскохозяйственные батраки безупречны въ смыслѣ революціонной благонадежности.

Словомъ какая то романовщина навыворотъ.

А если это такъ, то можно ли положительно утверждать, что и судьба теперешнихъ увлеченій не будетъ романовской?

Во всякомъ случаѣ можно утверждать то, что, если прусскій капралъ вздумаетъ возстановить на престолѣ русскіи Императора, то *нынѣ* онъ не встрѣтитъ того единодушнаго отпора всей Россіи, который онъ встрѣтилъ бы мѣсяцевъ 9, можетъ быть даже 6 тому назадъ.

Тогда подобная попытка вызвала бы взрывъ негодованія буквально всей Россіи. Нынѣ, не мало забракованныхъ гражданъ просто смолчить.

Прелести самодержавія уже многими исправно забыты, а униженія, оскорбленія, физическія раны, нанесенныя неумѣренными представителями революціонной демократіи, еще очень свѣжи, еще очень болѣзненны.

Это еще не монархисты, но и не люди, которые стали бы съ попыткой монархической реставраціи бороться.

Въ случаѣ ея возникновенія они займутъ позицію стороннихъ наблюдателей. Борьбу съ ней они признаютъ личнымъ дѣломъ только крайней демократіи и поддержки ей не окажутъ.

Этотъ чудовищный результатъ разслоенія всей Россіи, которая была такъ единодушна въ своей радости свободы, не представляетъ собою чего нибудь неожиданнаго для любого здравомыслящаго человѣка.

Болѣе того, не мало народа на этомъ прямо спекулировало.

Когда, напр., группѣ петербургскихъ дѣльцовъ было сдѣлано въ срединѣ Октября предложеніе «убрать» Ленина и Троцкаго, то они на отрѣзъ отказались «сфинансировать» это предприятие. Я думаю не трудно и прослѣдить ихъ аргументацію: «Шингаревъ, Церетели и Плехановъ намъ куда опаснѣе, а Ленинъ и Троцкій скоро вернутъ насъ къ тому доброму старому времени, когда такъ хорошо было ловить рыбу въ мутной водѣ».

Подобное состояніе умовъ въ Россіи не можетъ составлять секрета для Германіи.

А такъ какъ ей въ высокой степени важно обезпечить за собою на будущее время союзъ съ Россіей, то надо въ ближайшемъ же будущемъ ожидать, въ результатъ военнаго разгрома, нѣмецкихъ попытокъ устроить въ Россіи монархическую реставрацію: вѣдь посаженный на престолъ прусскими руками новый императоръ не забудетъ этой услуги и уроковъ исторіи, не совѣтующей монархамъ заводить союзы съ демократіями.

Вотъ передъ какой опасностью стоитъ и міровая, и русская демократія. Найти въ себѣ духовныя силы бороться съ этимъ германскимъ нашествіемъ на Россію, съ этимъ покушеніемъ на всѣ стороны ея жизни — на политику внѣшнюю и внутреннюю, на экономику, на долгъ чести, связывающій ее съ союзниками, на ея право смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза и бодро ожидать свѣтлаго, радостнаго будущаго — Россія можетъ только въ томъ случаѣ, если она найдетъ поддержку своимъ въ конецъ разбитымъ экономическимъ силамъ, если, наконецъ, союзники поймутъ, что только крайнее отчаяніе страны можетъ заставить ее видѣть свое спасеніе въ Троцкихъ и Лениныхъ, что не отъ радости она ихъ приняла, а по отсутствію всякихъ другихъ путей спасенія.

Способы помощи Россіи не составляютъ секрета: Россіи въ первую голову нужны паровозы, рельсы, трак-

торы (для замѣны лошадей), всякого рода станки и машины и многіе товары для народнаго потребленія, какъ сапоги, одежда и т. д. Нужны Россіи капиталы для эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ и, кромѣ того, ей нужно, чтобы американцы купили за свои товары ея національное имущество, ибо только тогда оно не попадетъ къ нѣмцамъ. Въ особенности же Россіи нужно, чтобы американцы, главная мощь которыхъ лежитъ въ области финансовъ, а не техники, сфинансировали развитіе русской желѣзнодорожной сѣти, ибо вѣдь въ концѣ концовъ главная причина нашего военнаго пораженія лежала въ недостаткѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ, да и вся возможность сношеній съ союзниками въ будущемъ зависитъ отъ созданія новыхъ выходовъ изъ Россіи къ морю. (Минусинскъ-Пекинъ, Томскъ-Петербургъ, Котласъ-Кемь, Обь-Архангельскъ, Джульфа-Бендеръ-Аббасъ).

Весьма популярное возраженіе противъ этой операціи состоитъ въ томъ, что она при русскихъ «порядкахъ» рискованна.

Но, прежде всего, во время войны, производились и производятся операціи не менѣе рискованныя. Взять, хотя бы, торговое мореплаваніе. Правительства всѣхъ странъ, нуждаясь въ непрерывномъ продолженіи этой операціи и признавая въ то же время ея непосильность для частныхъ лицъ, приняли на себя ту или иную долю риска.

Совершенно очевидно, что, если поддержаніе Россіи признать задачей государственно важной для всѣхъ странъ согласія, то естественно напрашивается выводъ, что и въ операціи экономическаго проникновенія въ Россію должны принять участіе и правительства, а не одни частныя лица и общества.

Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что Германія такъ ослаблена, такъ лишена всякаго сырья и рабочихъ рукъ, что она не будетъ въ состояніи выслать въ Россію

много товаровъ, а если этого не произойдетъ, то не будетъ и экономическаго захвата Россіи Германіей.

Все это разсужденіе ошибочно съ начала до конца.

Во первыхъ, бездна товаровъ для экспорта въ Россію уже заготовлена.

Во вторыхъ, сырье нѣмецкіе коммивояжеры весьма быстро добудутъ изъ Россіи.

Въ третьихъ, рабочія руки у нѣмцевъ сразу же будутъ въ изобиліи, потому что съ открытіемъ границы бездна русскихъ хлынетъ въ Германію въ поискахъ работы и... освобожденія отъ порядковъ «свободной» Россіи.

Въ четвертыхъ не надо забывать, что въ Германіи размѣщено на нѣсколько сотъ милліоновъ рублей желѣзнодорожныхъ облигацій. На этихъ облигаціяхъ написанъ нарицатель на германскую валюту, онѣ котируются на германскихъ биржахъ. Поэтому множество русскихъ капиталистовъ бросятся ихъ покупать по бѣшеннымъ (въ переводѣ на бумажные рубли) цѣнамъ въ надеждѣ этимъ путемъ спасти, хотя, часть своего состоянія, ибо у всѣхъ будетъ увѣренность, что по *такимъ* облигаціямъ нѣмцы заставляютъ платить какое угодно русское правительство, хоть лѣвѣ Ленина.

Сколько милліардовъ русскихъ рублей Германія этимъ способомъ получить, можно судить по тому, что въ Петербургѣ еще очень недавно за наличные доллары платили охотно до 22 рублей!

Наоборотъ, русскія акціи будутъ спускаться по нелѣпо низкимъ цѣнамъ, ибо далеко не у всѣхъ уже такъ ясно и твердо сидитъ сознаніе того, что свойство большевистскихъ принциповъ таково, что въ одной странѣ они осуществлены быть не могутъ и не будутъ. Поэтому скушавшіе русскія акціи нѣмецкіе капиталисты только смѣяться будутъ надъ перепуганными капиталистами русскими и отложить ликвидацію большевизма на Руси до того мо-

мента, когда у нихъ въ рукахъ сосредоточатся чуть не всѣ русскія акціи,

Эта операція хозяйственнаго захвата Россіи будетъ несомнѣнно произведена нѣмцами весьма быстро и безпрепятственно. Помѣшать ей можетъ только помощь союзниковъ, оказанная при томъ въ *грандіозномъ масштабѣ* и отнюдь не въ порядкѣ благотворительности.

Если эта помощь не придетъ во время, то захватъ Россіи цѣлкими нѣмецкими руками совершится весьма быстро со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями.

Судьбы демократіи міровой и русской нераздѣлимы. Порабощеніе Россіи будетъ первымъ шагомъ къ порабощенію міра.

Второй шагъ придти не замедлитъ.

И весь ужасъ большевистскаго захвата въ томъ и состоитъ, что они своимъ максимализмомъ, разрушеніемъ арміи, выходомъ изъ войны и угрозомъ міровой «инфекціи», заставили даже крупнѣйшихъ людей въ союзныхъ странахъ забыть, что за ними стоитъ Россія, которая, какъ бы низко она сейчасъ ни пала, не перестанетъ никогда быть важнѣйшимъ факторомъ міровой политики. Она страшна даже сейчасъ, въ своей пассивности. Своей готовностью стать жертвой нѣмецкаго кулака она создаетъ величайшую угрозу въ будущемъ. 180 милліоновъ, ведомыхъ сильной рукой, развѣ могутъ они не быть страшны?

И, однако, угрозы большевизма оказалось достаточно, чтобы забыли объ этой, куда большей, опасности и чтобы прозвучали фатальные слова: «пусть Россія дѣлаетъ, что хочетъ», чтобы оборвалась всякая ей помощь.

И эта ошибка союзнической государственной мысли окажется для нихъ еще болѣе фатальной, чѣмъ отсутствіе общаго военнаго командованія.

Отсутствіе общаго стратегическаго фронта, отсутствіе единой мысли въ использованіи военныхъ силъ при-

вело къ тому, что Германія «по частямъ» была одного союзника за другимъ, начиная съ болѣе слабыхъ.

Упорствованіе въ нежеланіи противопоставить Германіи единый экономическій фронтъ, приведетъ къ тому, что не только будетъ выбита изъ строя Россія, а больше — ее введутъ въ экономическій, а затѣмъ и политическій строй враговъ.

Это — не угроза.

Это крикъ ужаса человѣка, который видитъ надвигающуюся гибель и мучается тѣмъ, что окружающіе люди безопасно не обращаютъ на нее никакого вниманія, не принимаютъ никакихъ мѣръ къ собственному спасенію.

Было старое повѣрье: *ex oriente—lux*.

Но если люди не будутъ умнѣе, придетъ и: *ex oriente—mors*.

Каковы же экономическія перспективы Россіи?

Такъ же ли онѣ безотрадны, какъ и перспективы политическія?

Думается, что нѣтъ, что при извѣстной, минимальной, дозѣ ума у русскихъ государственныхъ людей онѣ могутъ быть даже и блестящими.

Дѣло въ томъ, что экономическій эффектъ войны выразился въ видѣ колоссальнаго мірового товарнаго дефицита.

Происхожденіе его вполне понятно. Десятки милліоновъ людей, притомъ въ лучшемъ для производительнаго труда возрастѣ, были оторваны отъ работы, изъ производителей превратились въ чистыхъ потребителей. Другіе десятки милліоновъ занялись, вмѣсто производства нужныхъ для человѣческаго обихода предметовъ, производствомъ разныхъ вещей, которыя тутъ же подлежали уничтоженію.

Въ тоже время потребление усилилось. Весьма понятно, что человекъ, находящійся на казенномъ иждивеніи, относится къ предметамъ своей экипировки и къ своему питанію въ меньшей экономіи и бережливостію, чѣмъ когда эти же предметы приходится добывать своимъ трудомъ. «Чего беречь то? не свое — казенное!» — разсужденіе обычное и кажущееся особенно убѣдительнымъ въ странахъ менѣе культурныхъ. Россія отъ него жестоко пострадала. Русская армія не только потребляла обуви, одежды и пищи значительно больше, чѣмъ ихъ потребляла до войны вся сумма людей, составлявшихъ армію, но и упорно не желала ничего рѣшительно возвращать въ тылъ изъ припешаго въ негодность къ употребленію или хотя бы немного испорченнаго. Всякій предметъ, ушедшій на фронтъ, пропадалъ безвозвратно.

Кромѣ сего, бездна товаровъ уничтожалась во время или въ связи съ военными дѣйствіями.

Вспомнимъ, хотя бы, знаменитое движеніе бѣженцевъ въ 1915 г. Сколько тогда пропало скота и имущества, не говоря уже о человѣческихъ, особенно дѣтскихъ, жизняхъ!

Что стоила мировому хозяйству подводная война?

Одинъ «второй» набѣгъ русскихъ войскъ на Восточную Пруссію, когда они мстили за предательскія нападенія мирныхъ жителей, нѣмцы оцѣнивали въ 2 миллиарда марокъ.

А сѣверная Франція? А Галиція? А въ конецъ опустошенная Сербія?

Весьма понятно, что очень скоро въ воюющихъ странахъ стали обнаруживаться товарный голодъ.

Первое, на что набросились — это были собственные товарные «запасы». Но они никогда вѣдь не были особенно велики. Если откинуть запасы, создаваемые сезонностью производства (хлѣбъ, хлопокъ, сахаръ) или сезонностью потребления (напр. дрова для отопленія) или, нако-

нецъ, условіями транспорта и торговли, то запасы дѣйствительные, какъ намѣренное заготовленіе продуктовъ для потребленія въ отдаленномъ будущемъ, почти что и не существуютъ за рѣдкими исключеніями, напр., Сибири, гдѣ иногда хлѣбъ въ скирдахъ лежитъ 3—5 лѣтъ въ ожиданіи неминуемаго неурожая. Ни одна отрясль промышленности не можетъ работать впрокъ, не находя на рынкѣ покупательной емкости для своего продукта.

Поэтому собственные запасы были прикончены весьма быстро. *)

*) Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Россіи началась даже жесточенная кампанія противъ запасовъ. Совершенно невѣжественная въ хозяйственныхъ вопросахъ широкая публика и писатели желтой прессы объявили ихъ какимъ то государственнымъ зломъ, покушеніемъ на общее благо. Видя, что при помощи «прятанія» предметовъ производится спекуляція на повышеніе цѣнъ, эти люди думали, что они добьются пониженія цѣнъ, когда нечего будетъ прятать. Они не понимали, что, если спекулянты рассчитываютъ на повышеніе цѣнъ при наличіи припрятанныхъ товаровъ, то каково же будетъ повышеніе цѣнъ, если современемъ и такихъ товаровъ не будетъ?. Не понимая всей неизбѣжности дороговизны, пониженія цѣнъ въ данный моментъ пытались добиться такимъ путемъ, который въ будущемъ обезпечивалъ несравненно больший подъемъ тѣхъ же цѣнъ. Къ тому же, никто не уяснилъ себѣ, что, если насъ что и спасло отъ хозяйственнаго потрясенія въ моментъ первой же мобилизаціи, то это только имѣвшіеся у купцовъ запасы. По желанію русскому закону о мобилизаціи всѣ товарные вагоны выгружаются тамъ, гдѣ ихъ застанетъ приказъ о мобилизаціи. Товарное движеніе долго было вовсе прекращено и наладилось только ко второй половинѣ октября. Не будъ въ городахъ товарныхъ запасовъ, всѣ города у насъ вымерли бы съ голода. А они и не замѣтили, что нѣтъ подвоза. Но въ началѣ войны у насъ склады ломались отъ товаровъ, когда же я передъ отъѣздомъ зашелъ къ Кижину (крупнѣйшій въ Петербургѣ оптовикъ по колоніальнымъ и т. п. товарамъ въ Апраксиномъ рынкѣ), то у него оказалось только нѣсколько банокъ концентрированного молока, да пачекъ желатина. На вопросъ, отчего не держать товара, отвѣтили: «да чего же его держать, мучиться доставать, когда все равно конфискуютъ?» И дѣйствительно. У насъ уже въ августѣ въ томъ же Апраксиномъ рынкѣ взламывали мебельныя и одежныя лавки въ поискахъ, нѣтъ ли тамъ провіанта спрятаннаго. Этимъ неуваженіемъ къ опыту торговаго сословія добились того, что спекуляцію не

Тогда направили свои взоры на нейтральныя страны.

Эти послѣднія, поддавшись соблазну высокыхъ военныхъ цѣнъ, весьма быстро распродали свои собственные запасы, да и производительность свою направили на служеніе военнымъ цѣлямъ воюющихъ державъ.

Начали и онѣ испытывать товарный голодъ.

Но тутъ началась вторая, худшая стадія процесса.

Недопроизводство въ одной странѣ и въ отдѣльной отрасли промышленности стало автоматически вызывать недопроизводство въ другихъ странахъ и отрасляхъ.

Появляются даже кое-гдѣ, какъ это ни кажется на первый взглядъ парадоксальнымъ, явленія безработицы и тѣмъ, разумѣется, мировой товарный голодъ еще усиливается.

Такъ напр., мировой недостатокъ бензина и отсутствіе жести въ Англіи привели къ тому, что въ огромныхъ размѣрахъ сократилось рыболовство и консервное производство въ Норвегіи.

И такія явленія будутъ съ каждымъ днемъ расти.

Міръ живетъ мечтой о томъ, что кончится война, кончатся и его страданія. Все будетъ какъ прежде.

Увы, опытъ Россіи является въ этомъ отношеніи весьма мало обнадеживающимъ. Не слышно, чтобы тамъ послѣ «спасительнаго» мира (а вѣдь онъ почти заключенъ съ іюля мѣсяца прошлаго года) стало народу легче.

Наоборотъ, надо съ каждымъ днемъ ожидать значительнаго ухудшенія положенія. Вѣдь въ дѣло снабженія арміи, пока она существовала, вносились извѣстная объе-

убили—она, наоборотъ, процвѣла,—а честныхъ, знающихъ дѣло торговцевъ заставили забросить свое дѣло. А такъ какъ сами то наладить его, разумѣется, не сумѣли, то и остались безъ товара.

Великая война требовала напряженія всѣхъ силъ народныхъ, а мы съ самаго начала войны усиленно отказывались отъ такой силы, какъ опытъ и энергія торговаго сословія. И, конечно за это заплатились.

диняющая мысль, известный планъ. Многіе работали надъ этимъ снабженіемъ изъ чисто патріотическихъ соображеній. А когда люди, составлявшіе армію, разойдутся всѣ по своимъ мѣстамъ, когда каждый долженъ будетъ заботиться о своемъ снабженіи самъ — можетъ ли не произойти значительное ухудшеніе положенія?

Конечно, страны съ сильной государственной властью сохраняютъ центральные органы по снабженію на долгое время послѣ войны. Къ тому же тамъ и полной дезорганизациі торговаго аппарата не произведено.

Но кто же можетъ сомнѣваться, что и во многихъ другихъ странахъ будетъ повторено то, что сейчасъ происходитъ въ Россіи? Очередь за тѣми, которые потерпятъ конечное пораженіе.

Но даже если бы всѣ страны міра совершенно точно возстановили свое довоенное производство, по прежнему удовлетворяли *годовую норму* потребленія, то все же этимъ міровой спросъ на товары не былъ бы удовлетворенъ. Оставалось бы еще покрыть образовавшійся за 4 года войны колоссальный товарный дефицитъ.

Между тѣмъ, въ высокой степени невѣроятно, что бы наличныя силы міровой промышленности, существовавшей до войны, были способны даже на возобновленіе прежней годовой производительности. Гдѣ уже тутъ говорить о покрытіи дефицита!

Вѣдь бездна фабрикъ разрушена. На всѣхъ почти поизносились станки и машины: работа производилась форсифицированная, рабочіе къ нимъ допускались неопытные, замѣна производилась весьма слабо.

Но главное, нѣтъ прежней рабочей силы. Милліоны рабочихъ сложили свои головы на поляхъ битвъ, милліоны вернулись калѣками, т. е. превратились навѣки изъ производителей въ паразитовъ—потребителей; всѣ, просидѣвшіе 4 года въ траншеяхъ, значительно позабыли свое

ремесло; молодежь, взятая въ ряды съ 18 лѣтъ, не успѣла ему научиться; деревня перестанетъ выбрасывать въ городъ прежнее число людей,—хлѣбъ будетъ дорогъ, сельское хозяйство выгодно, да и въ немъ будетъ нехватать рабочихъ рукъ.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, та промышленность, которая до войны удовлетворяла міровую потребность въ товарахъ, этой задачи выполнять не будетъ въ состояніи долгіе годы.

При ея помощи міровой товарный дефицитъ будетъ покрытъ не скоро и страданія народовъ отъ безтоварья рискуютъ быть весьма продолжительными.

Очевидно, что, для разрѣшенія экстраординарной потребности, и средства должны быть экстраординарныя. Она не можетъ быть удовлетворена обычнымъ, нормальнымъ ростомъ мірового производства. Ему надо попытаться дать какой то исключительный толчекъ.

Для этого есть только одно средство. Надо пустить въ оборотъ такіе естественные ресурсы, которые до войны еще не были эксплуатируемы, и заставить работать такую рабочую силу, которая до войны не производила.

Такимъ резервуаромъ нетронутыхъ естественныхъ богатствъ и мало производящихъ рабочихъ силъ являются только двѣ страны въ мірѣ: Китай и Россія.

Расчитывать много на Китай не приходится, ибо, хотя его населеніе и трудолюбиво, но производительная его способность невѣроятно низка и усилить ее никакихъ шансовъ не имѣется.

Остается одна Россія.

Это — та единственная страна, которая способна покрыть убытки великой войны.

Ея потенциальная способность спасти міръ отъ послѣдствій войны лежитъ въ томъ самомъ обстоятельстве, которое было единственной причиной ея бѣдности.

Населеніе ея въ огромномъ большинствѣ (въ сущности все ея крестьянство — 85% населенія) создавало весь свой доходный бюджетъ въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ въ году. Въ остальное время оно почти не работало. И не по лѣности или неспособности, а по невозможности гдѣ либо примѣнить свой трудъ.

Промышленность въ Россіи, можно сказать, почти не существуетъ, а вѣдь только промышленность въ состояніи обезпечить работу на круглый годъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и сельское хозяйство стояло на весьма низкой ступени. Плодороднѣйшіе русскіе черноземы приносили меньше, чѣмъ пески Восточной Пруссіи.

Причина всего этого была одна — русскій національный трудъ не былъ достаточно орошенъ капиталомъ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ только за послѣдніе годы стали понемногу появляться машины. Искусственныя одобренія почти неизвѣстны. Ихъ только кое-гдѣ употребляли помѣщики. Крестьяне съ ними почти не знакомы.

Размѣры нашей промышленной производительности смѣхотворно малы.

Главный нашъ угольный бассейнъ — Донецкій давалъ немного болѣе $\frac{1}{4}$ сотни милліоновъ тоннъ, Домбровский бассейнъ — менѣе 7 милліоновъ тоннъ (въ годъ). Производительность остальныхъ районовъ (даже богатѣйшихъ въ мірѣ, какъ Кузнецкій) измѣрялась десятками и иногда единицами милліоновъ пудовъ ($\frac{1}{60}$ тонны).

Между тѣмъ, запасы всякихъ богатствъ грандіозны.

Хлопкомъ мы могли бы снабжать весь міръ. Лѣса — единственное во всемъ свѣтѣ по достоинству и обилію. Непаханной еще земли милліоны десятинъ. Желѣзной, мѣдной и всякихъ другихъ рудъ, угля и нефти количества неисчислимыя.

Населенія 180 милліоновъ, изъ коихъ едва 3 милліо-

на заняты въ фабрично-заводской и горной промышленности.

Если цивилизованный міръ захочетъ быстро залечить послѣдствія войны, то ему останется только одно — прійти и сфинансировать эти безчисленные, втуне лежащія естественныя богатства, сфинансировать русскую народную трудоспособность, не находящую нынѣ себѣ примѣненія.

И это будетъ сдѣлано.

Конечно, не на основаніи этихъ общихъ соображеній, а потому, что это будетъ наглядно выгодно каждому отдѣльному предпринимателю.

Въ Россіи послѣ войны неминуема колоссальная безработица, слѣд., рабочія руки будутъ дешевы, а цѣны на товары будутъ стоять невѣроятно высокія.

Поэтому всякое новое предпріятіе будетъ обѣщать большія выгоды.

А есть ли болѣе сильный стимуль для созданія новыхъ промышленныхъ предпріятій?

Можетъ на первый взглядъ показаться страннымъ, откуда возникнетъ въ Россіи безработица, если она потеряла за время войны 3 милліона лучшихъ работниковъ убитыми, $\frac{1}{2}$ милліона умершими въ нѣмецкомъ плѣну, милліона $2\frac{1}{2}$ калѣками-ранеными, да еще плюсъ невидимое число бѣженцевъ.

Безработица тѣмъ не менѣе совершенно неизбежна.

Во первыхъ, сельское хозяйство не въ состояніи поглотить прежнее количество рабочихъ. Помѣщичьи экономіи съ болѣе культурнымъ хозяйствомъ — не существуютъ. Примитивная обработка помѣщичьихъ земель крестьянами потребуеетъ меньше рабочихъ рукъ. Не хватитъ для прежняго размѣра запашки ни живого, ни мертвого инвентаря: вѣдь болѣе половины скота съѣдено и уничтожено за время войны. Не на чемъ пахать, нечѣмъ

удобрять землю. Нѣтъ ни плуговъ, ни косъ, ни болѣе сложныхъ машинъ. Все поизносилось, поистрепалось. А новое, гдѣ и на что купить?

Запашка уменьшится, а слѣд., и земля не приметъ много работниковъ. Къ тому же многіе изъ крестьянъ за время войны кое чему научились, отвыкли, потеряли вкусъ къ крестьянской жизни. Взять хотя бы однихъ шофферовъ. Ихъ было выучено свыше 100,000 человѣкъ. Сколько образовалось десятниковъ по инженернымъ работамъ.

Всѣ эти люди назадъ въ деревню не пойдутъ. Ихъ потянетъ въ городъ. Туда же пойдутъ и всѣ солдаты изъ бывшихъ фабричныхъ.

А что они тамъ найдутъ?

За время войны народился новый контингентъ рабочихъ. Они не захотятъ уступать имъ свои мѣста. Да и фабрикъ большинство стоитъ. Недостатокъ топлива и сырья, разореніе владѣльцевъ, насиліе надъ банками, прекратившее концентрацію капиталовъ и, слѣд., убившее промышленный кредитъ, прекращеніе военныхъ заказовъ, все это вмѣстѣ взятое парализуетъ дѣятельность большинства заводовъ. Къ тому-же, наивно думать, что заводы такъ просто могутъ перейти съ военной работы на мирную. Многіе вѣдь и созданы то были только въ расчетъ на военную производительность, какъ напр., заводы орудійные, снарядные, удушливыхъ газовъ, летательныхъ аппаратовъ. Чтобы ихъ перевести на мирную работу, ихъ надо сверху до низу переоборудовать. А гдѣ для этого станки? Кто ихъ во время заказалъ и сѹмѣлъ приобрѣсти, не имѣя то валюты? Не заводскіе же комитеты или Совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ? Наконецъ, не мало заводовъ вѣроятно въ связи съ нѣмецкимъ наступленіемъ, будетъ просто на просто разрушено. Не мало разрушить и голодная, озвѣрѣвшая толпа.

Безработица неизбежна колоссальная. Она приведет за собой штрейкбрехерство и понижение цѣнъ на рабочія руки.

Наоборотъ, цѣны на товары сдѣлаютъ невѣроятный скачекъ вверхъ.

Пониженіе собственной производительности страны прекращеніе ввоза изъ за отсутствія у страны иностранной валюты, наконецъ, окончательно обезцѣненіе денегъ — все это будетъ гнать цѣны вверхъ неудержимо.

При совокупности подобныхъ данныхъ — дешевизнѣ рабочихъ рукъ и высотѣ товарныхъ цѣнъ, — *при извѣстныхъ условіяхъ*, создается реальная, дѣловая, база для возрожденія и могущественнаго разцвѣта русской промышленности.

Каковы же эти условія?

Порядокъ.

Безопасность личности.

Уваженіе къ собственности.

Если эти условія не соблюдены, то начинается состояніе Персіи, т. е. голодное вырожденіе страны, ибо *такой* странѣ и нѣмецкіе банки помогать не стануть.

Можно ли этого ждать въ Россіи?

Вся моя душа кричитъ, что нѣтъ.

Слишкомъ много я жилъ съ русскимъ мужикомъ, съ нимъ работалъ, чтобы не вѣрить въ его здравый смыслъ, не знать его твердой вѣры въ необходимость порядка въ мірѣ.

Удивительно характерный разговоръ съ однимъ пріателемъ — мужикомъ передавалъ мнѣ извѣстный русскій юристъ, членъ Г. Думы, нынѣ посоль въ Парижѣ, В. А. Маклаковъ, (жестати сказать, едва ли не срушѣйшій русскій политическій дѣятель). Мужикъ разспрашивалъ, что такое подходящий налогъ, выслушивалъ весьма долгія разъясненія этого невѣроятно сложнаго въ Россіи за-

кона, выслушивалъ подробныя доказательства необходимости его платить, а затѣмъ отрѣзалъ: «а я все таки ни въ первый, ни во второй срокъ платить не буду». «Почему?» «А потому — я заплачу, а потомъ придетъ *настоящее* правительство и скажетъ: вольно тебѣ было платить. Богъ знаетъ кому? Плати второй разъ!»

Эта вѣра въ то, что это все — «такъ», а настоящее правительство прийти должно, въ мужикѣ сидитъ прочно.

И онъ это настоящее правительство заведетъ.

И задача эта скоро будетъ уже не такъ трудна.

Вѣдь неопишемое насилие, царящее сейчасъ въ русскихъ городахъ, лишь облыжно выдается за царство революціоннаго пролетаріата, а въ сущности оно является во многихъ мѣстахъ лишь организованнымъ хулиганствомъ, возглавляемымъ и вдохновляемымъ не многими политическими фантазерами и весьма многочисленными политическими гешефтмахерами, которые одинаково готовы служить — и черной сотнѣ, и Lumpenproletariat'у. Недаромъ вѣдь исчезло изъ оборота самое слово «хулиганъ». Гдѣ же они самоопредѣлились? Я положительно отказываюсь вѣрить, чтобы это русскій рабочій былъ способенъ добивать сдавшихся юнкеровъ, вывертывать имъ руки, выдавливать глаза, насилловать несчастныхъ женщинъ «женскаго батальона» (вотъ еще жертва на совѣсти непротивленцевъ кабинета Керенскаго!). На эти поступленія, которымъ нѣтъ имени, способны только подонки населенія столицы. Явленія же подобнаго рода показываютъ ярко, что хулиганство явно захлестываетъ большевизмъ. На смѣну стройному, послѣдовательному социалистическому ученію идетъ бандитизмъ — признакъ моральнаго банкротства революціи. И если съ этимъ сопоставить открытую проповѣдь и практику разврата, неудержимое стремленіе къ наслажденіямъ невысокаго разбора въ самыхъ широкихъ слояхъ населенія, то фактъ начавшагося

гненія революціи стануть отрицать только слѣпые, или упрямые. Остановиться это явленіе, разъ начавшись, разумѣется не можетъ. Не хватаетъ только все-россійскаго еврейскаго погрома, чтобы создалась уже необходимая психологическая обстановка для бонапартистскаго выступленія. Но конечно не замедлитъ придти и погромъ. Я его предсказывалъ еще лѣтомъ и уговаривалъ еврейскихъ старѣйшинъ, чтобы они попытались какъ-нибудь воздѣйствовать на дѣятелей Смольнаго Института. Ихъ попытка окончилась тѣмъ, что имъ сказали: «Мы не евреи, а интернаціоналисты. А если при столь великихъ міровыхъ событіяхъ прольется еврейская кровь, то что же дѣлать?»

Какой ужасъ! Если бы кто годъ тому назадъ сказалъ, что въ *свободной* Россіи возможно избіеніе евреевъ, то я думаю, всѣ разсмѣялись бы. Даже сердиться не стали бы—настолько это показалось бы нелѣпымъ. А теперь, благодаря упраздненію какихъ либо признаковъ государственной власти, разнузданная чернь, облыжно именуемая себя демократіей, а на дѣлѣ включающая въ себѣ большой процентъ героевъ былой черной сотни, позоритъ освобожденную Россію многочисленными избіеніями беззащитныхъ людей только за то, что они—евреи! Ужъ если гуманитарныя соображенія теперь потеряли всякую цѣну, то, хотя, вспомнили бы, что въ еврействѣ наша единственная надежда справиться съ натискомъ нѣмецкаго коммивояжера. Если ему не будетъ противопоставлена энергія еврея, то русскаго растяпу-кушца нѣмецъ съѣстъ въ мгновеніе ока.

Трагическая судьба этого несчастнаго народа. Только что онъ ликовалъ, что обрѣлъ родину и вдругъ . . . опять старое.

И не хотятъ нынѣшніе властители судебъ россій-

скихъ понять, что опозоренной пролитіемъ еврейской крови русскою свободѣ не жить!

Видно, не всегда люди властны въ своей судьбѣ. Не они управляютъ событіями, а событія ими. И протекаетъ исторія по извѣчно установленнымъ законамъ.

Такъ и въ данномъ случаѣ, въ вопросѣ о нестерпимомъ насиліи въ городахъ, надо полагать, будетъ буквальное повтореніе того, что было раньше, при другихъ революціяхъ.

Вѣдь держится это насиліе только въ силу того, что города еще въ царскія времена были переполнены запасными солдатами. (Кстати сказать, ни въ какое время, никто въ Россіи даже не могъ установить точнаго ихъ числа. Видно только было, что оно огромно).

Какъ только война кончится и будетъ объявлена демобилизація, эти массы весьма быстро разсосутся. Прежде всего потому, что мужикъ ихъ кормить самъ не захочетъ, а принуждать его къ тому, какъ показываетъ опытъ карательныхъ въ деревни экспедицій во время Великой Французской революціи, не удастся: мужикъ предпочитаетъ умирать, а хлѣба не отдаетъ*).

Голодь же очень быстро разгонитъ солдатъ изъ городовъ. Часть уйдетъ по домамъ, въ родныя деревни, часть пойдетъ образовывать разбойничьи шайки, какъ это тоже было во время французской революціи, когда вся страна была ими полна. Но разъ концентрація грабителей и насильниковъ прекратится, то справиться съ разрозненными бандами будетъ уже не такъ трудно.

*) Любопытно отмѣтить, какъ исторія повторяется до мельчайшихъ деталей. Въ главномъ продовольственномъ комитетѣ социалистическій () Министръ Пѣшеховъ (вотъ еще убожество), докладывая о ходѣ хлѣбной монополіи, призналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло не обошлось безъ мѣръ физическаго воздѣйствія. Какихъ? «Добрыхъ, старыхъ»?

Вернется увѣренность въ личной безопасности и рабочій, настоящій рабочій, совершенно также, какъ французскій рабочій наканунѣ пришествія Наполеона, закричитъ: «A l'ouvrage!» За дѣло, за честный трудъ!

А этимъ будетъ положенъ прочный фундаментъ къ экономическому и моральному возрожденію страны.

Эта готовность Россіи покрыть, на пользу всему міру, образовавшійся за время войны товарный дефицитъ будетъ привѣтствована всѣмъ міромъ и міровая помощь не замедлитъ придти.

Отъ чисто дѣловой политики государственнаго управленія Россіи будетъ уже зависеть, ускорить или замедлить процессъ привлеченія иностраннаго капитала, направить его преимущественно на скуку существующихъ предпріятій или на разработку нетронутыхъ естественныхъ богатствъ, т. е., на предпріятія съ большимъ соотношеніемъ валоваго дохода къ основному капиталу и съ большимъ коэффициентомъ эксплуатаціи*).

Я уже слышу возраженіе: такъ, значить, «распродажа» Россіи иностранцамъ?

Пора бы въ двадцатомъ столѣтіи бросить это затасканное словечко изъ ультранационалистическаго лексикона.

Пора, наконецъ, понять, что другихъ то методовъ человѣческой умъ не выдумалъ. Вѣдь начало всей цвѣтущей американской (а также скандинавской и другихъ), промышленности и колоссальной желѣзнодорожной сѣти положено не на мѣстные, не существовавшіе тогда, капиталы, а на капиталы иностранные, по преимуществу ан-

*) Соотношеніе расходовъ предпріятія, которыя являются съ другой стороны доходомъ населенія, къ его валовому доходу. Чѣмъ этотъ коэффициентъ выше, тѣмъ интереснѣе предпріятіе для страны, ибо тѣмъ больше заработки на немъ населенія и тѣмъ меньше выгода капиталиста.

гійські, голландскіе и французскіе, т. е., тѣхъ странъ, которыя раньше начали накопленіе.

Пришло время, и Америка, а также Скандинавія, нынѣ вполне націонализировали свою промышленность, кончили послѣдніе признаки «работы на иностранцевъ». Всякій долларъ, зарабатываемый промышленностью, обогащаетъ только американскую націю. Больше того, не сегодня—завтра уже другія націи начнутъ работать на Америку, потому что она становится міровымъ денежнымъ рынкомъ, міровымъ банкиромъ.

А было ли бы это все возможно, если бы Америка послѣ революціи, разоренная братоубійственной борьбой съ метрополіей,*) продолжала сидѣть на естественныхъ своихъ богатствахъ и оберегать ихъ отъ «захвата» иностранцами, иностраннымъ капиталомъ?

Расходы, которые производилъ въ странѣ работавшій въ ней иностранный капиталъ, были достаточны, чтобы создать такое національное обогащеніе, при которомъ страна дальнѣйшее развитіе своей промышленности повела уже на отечественный капиталъ.

Но кромѣ этой, казалось бы, весьма убѣдительной ссылки на практическій примѣръ, можно привести аргументы и другого порядка.

Вѣдь свойство накопленнаго разъ капитала таково, что онъ имѣетъ неудержимое стремленіе приростать. Франція, напр., ежегодно должна была размѣщать до 3 миллиардовъ процентовъ, выросшихъ за годъ на ея капиталы. Своего купона она «сѣдать» не въ состояніи, да и

*) И безобразной политикой денежнаго обращенія, добавлю. Вѣдь въ Америкѣ въ 1779 году было выпущено въ обращеніе до 241½ миллионъ долларовъ бумажныхъ денегъ. Цѣна ихъ пала такъ, что въ мартѣ 1780 г. Конгрессъ рѣшилъ замѣнить ихъ новыми по расчету 1 за 40. Но курсъ новыхъ бумажекъ не удержался и старыя бумажки упали, по расчету, до 1/500 номинала.

не хотѣла, ибо населеніе ея всецѣло проникнуто страстью обезпечивать свою старость черезъ накопленіе капитала.

Ежегодно нарастающіе проценты естественно направляются въ тѣ страны, которыя даютъ наилучшее обезпеченіе доходности и сохранности вложеннаго въ нихъ капитала. Поэтому, если страна-дебиторша исправно платитъ дивиденды и охраняетъ основной капиталъ, то заработанные въ ней иностранцами «проценты» отнюдь не подвергаются выкачкѣ, а обращаются на новыя предпріятія въ той же странѣ, по закону, изображаемому извѣстной русской пословицей «отъ добра добра не ищутъ».

Это правило удалось прослѣдить даже на практикѣ.

На югѣ Россіи есть богатѣйшее—и одно изъ самыхъ благоустроенныхъ въ мірѣ—металлургическое предпріятіе—Южно-Русскій Днѣпровскій заводъ. Принадлежитъ оно опредѣленной группѣ бельгійскихъ капиталистовъ, не выпускающихъ его изъ рукъ уже весьма много лѣтъ. Поэтому оказалось возможнымъ установить, куда они помѣщали дивиденды «Dneprovienne»'ы. Обнаружилась чрезвычайно любопытная вещь: оказалось, что за весьма длинный періодъ времени всѣ эти суммы шли на учрежденіе бельгійскихъ обществъ угольныхъ копей въ Донецкомъ Бассейнѣ. Но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ нелѣпой русской правительственной политики, въ частности закупочной политики русскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, непозволительно «выжимавшихъ» цѣны, не возникъ въ Донецкомъ Бассейнѣ тяжкой угольный кризисъ, въ результатъ котораго всѣ бельгійскія угольныя предпріятія обанкротились. Естественно, что послѣ этого помѣщеніе въ нихъ дивидендовъ Днѣпровскаго Общества прекратилось и они начали фактически выкачиваться изъ страны. Россія же за это жестоко поплатилась во время настоящей войны. Русская угольная промышленность вошла въ войну чрезвычайно

ослабленной, и финансово, и технически, и не могла въ должной мѣрѣ обслуживать возросшія нужды страны въ ископаемомъ горючемъ.

Этотъ примѣръ ярко показываетъ, какъ опасно насиловать законы экономики, какъ жестоко наказываются за это страны, имѣвшія неосторожность вступить на этотъ путь.

Нельзя безнаказанно для себя пытаться отказывать капиталистамъ въ ихъ основныхъ требованіяхъ: хорошаго рентирования и сохранности капитала.

Ихъ неизбѣжное пассивное сопротивленіе попыткамъ насилуванія капитала не менѣе страшно, чѣмъ какое-либо активное сопротивленіе.

Занятіе таможенъ и контролированіе отдѣльныхъ отраслей національнаго дохода странъ-неисправныхъ плательщицъ правительствами странъ-кредиторовъ можетъ быть для первыхъ не болѣе опаснымъ, чѣмъ простой отказъ международнаго капитала идти работать въ подобныхъ странахъ.

При извѣстныхъ условіяхъ можетъ начинаться даже эмиграція туземнаго капитала.

Во всякомъ случаѣ темпъ хозяйственнаго развитія страны замедляется, или даже оно вовсе останавливается, какъ это мы сейчасъ наблюдаемъ въ Россіи. Капиталь уходитъ въ болѣе гостепріимныя страны.

Поэтому всякія попытки борьбы съ требованіями капитала, попытки уменьшить его аппетитъ къ доходности, могутъ имѣть хотя какіе-нибудь шансы на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ предприняты въ международномъ, вѣрнѣе всесвѣтномъ, масштабѣ, ибо только въ этомъ случаѣ удастся предупредить возможность перемѣщенія капитала.

Но разсмотрѣнный примѣръ даетъ еще одинъ выводъ, который весьма утѣшителенъ для Россіи, а именно, что

странамъ-кредиторамъ страны-исправные дебиторы не менѣе нужны, чѣмъ странамъ-дебиторамъ нужны страны, готовые ихъ кредитовать. Капиталь долженъ при-искивать себѣ работу.

Поэтому, стоитъ только создать подходящія ему условія работы, и онъ придетъ.

При этомъ, если эти условія таковы, что иностранный капиталъ получаетъ импульсъ въ помѣщенію выработываемыхъ имъ дивидендовъ вновь въ ту же страну, то онъ перестаетъ почти чѣмъ-либо отличаться отъ капиталовъ туземныхъ въ своемъ воздѣйствіи на хозяйственную жизнь страны.

Надо только стремиться къ тому, чтобы онъ былъ разноплеменнымъ, ибо, при однородности, онъ начинаетъ проявлять стремленіе къ политическому вліянію на ту страну, въ которой онъ работаетъ.

Весьма понятно, что, для возможности этой работы требуется извѣстная предварительная подготовка.

Нужно привести въ порядокъ денежную систему*) и устранить невѣжественное, чисто полицейское воздѣйствіе на строеніе товарныхъ цѣнъ.

Въ этомъ отношеніи и Россія, и другія воюющія страны, проявили во время великой войны удивительно малую изобрѣтательность и удивительно малое знакомство съ

*) По счастью, это для Россіи нынѣ значительно легче, чѣмъ раньше, ибо въ данный историческій моментъ денежныя системы испорчены по всѣхъ странахъ. Едва ли развѣнъ въ натурѣ будетъ осуществимъ для богатѣйшихъ изъ нихъ. Потребуется извѣстныя международныя соглашенія относительно количества допустимыхъ въ каждой странѣ бумажныхъ денегъ. Возможно даже, что металлическій запасъ будетъ интернационализированъ или выработаны формы взаимопомощи эмиссионныхъ банковъ. При этихъ условіяхъ Россіи будетъ легче выйти изъ ея бумажно-денежнаго кризиса, не потребуются, быть можетъ, совершенно отмѣнять хожденіе ея нынѣшнихъ 25 миллиардовъ.

исторіей и повторили поэтому всѣ тѣ ошибки, которыя не разъ продѣлывались раньше.

Когда народы проходятъ черезъ извѣстный политическій, военный или хозяйственный кризисъ, то, казалось бы, естественно впередъ ожидать, что этотъ кризисъ неминуемо и немедленно же начнетъ отражаться на благоденствіи отдѣльныхъ индивидуумовъ, составляющихъ націю.

Однако, неизмѣнно и всегда народы вступаютъ въ ожесточенную борьбу съ этимъ неотвратимымъ явленіемъ.

Начинается двухсторонняя борьба съ явленіями дороговизны жизни: съ одной стороны пытаются воздѣйствовать на цѣны въ цѣляхъ недопущенія ихъ роста, а съ другой—приступаютъ къ увеличенію вознагражденія за трудъ всякаго рода.

Борьба съ ростомъ цѣнъ неизмѣнно начинается съ нападокъ на посредниковъ-купцовъ за ихъ посредническую наживу и за попытки форсировать цѣны въ личныхъ цѣляхъ — за «спекуляцію на національномъ бѣдствіи».

Вводятъ таксы (или *maximum's*, т.е. т.н. «предѣльные» или «твердые» цѣны); когда онѣ явно перестаютъ помогать — государственныя монополіи.

Подъ вліяніемъ этихъ мѣръ, обыкновенно проводимыхъ, къ тому же, весьма безтолково, лицами болѣе или менѣе некомпетентными (ибо весь торговый классъ находится въ подозрѣніи и его не спрашиваютъ, больше считаясь съ демагогіей, ибо чѣмъ ниже цѣны, тѣмъ громче злшлюдисменты), начинается искусственное сжатіе производства и, наконецъ, плотина прорывается и цѣны, вмѣсто того, чтобы расти постепенно, въ соответствіи съ измѣняющейся конъюнктурой, начинаютъ подниматься скачками, рѣзко, катастрофически ударяя по обывательскому благополучію. Обнаруживается острое безтоварье, отъ котораго не видно спасенія и выхода. Тогда народъ, въ концѣ-

концовъ, не только теряетъ вѣру въ мѣры по регулированію производства и торговли «въ видахъ государственной и народной пользы», но начинаетъ не безъ значительной доли основанія именно въ нихъ то видѣть существенную причину своихъ страданій, начинаетъ вновь цѣнить личную инициативу и вѣрить въ творческую силу стимула личного обогащенія. Происходитъ краткій періодъ, когда народъ, часто незамѣтно для себя, перестаетъ фактически осуществлять выдуманнныя мѣры государственнаго регулирования экономической жизни и въ результатъ этого проходитъ черезъ чрезвычайный взрывъ спекуляціи. Но затѣмъ конкуренція, толкаемая выгодностью занятія всякимъ производствомъ, быстро приводитъ цѣны къ уровню, дѣйствительно отвѣчающему міровой конъюнктурѣ и объективнымъ условіямъ данной страны.

Начинается новый ея разцвѣтъ, идетъ залечиваніе ранъ, нанесенныхъ кризисомъ.

Весь процессъ осложняется — и ускоряется — тѣмъ, что, параллельно съ борьбою противъ дороговизны путемъ давленія на цѣны, идетъ обычно еще и попытка облегчать условія жизни помощью повышенія заработныхъ платъ.

Но такъ какъ объективныхъ, дѣйствительно жизненныхъ, основаній для такового повышенія въ моментъ кризиса, въ моментъ пониженія національнаго дохода, нѣтъ и быть не можетъ, то повышеніе вознагражденія производится за счетъ выпуска государственныхъ векселей — кредитныхъ бумажекъ.

Этотъ методъ «помощи» страдающему народу по своей легкости до нельзя заманчивъ, по существу же чрезвычайно вреденъ. Вмѣсто того, чтобы, подъ давленіемъ роста товарныхъ цѣнъ, автоматически сжимать свой расходный бюджетъ, постепенно сокращать потребленіе, народъ, обильно снабжаемый «деньгами», впадаетъ въ совсѣмъ

обратную, губительную крайность — начинает развиваться всеобщая расточительность.

Требованіе прибавокъ на «дороговизну» со дня на день растутъ. Растутъ поэтому и выпуски бумажекъ. Свойство же всѣхъ векселей, въ томъ числѣ и государственно-безпроцентныхъ, таково, что, по мѣрѣ ихъ выпуска сверхъ предѣла кредитоспособности бланконадписателя, они все больше и больше теряютъ свою цѣну, при чемъ паденіе идетъ геометрически ускоряющимся темпомъ.

Такъ какъ доступна для государственной власти способа остановить, поставить предѣлъ выпуску не имѣется, то выпуски, не взирая на всякія совершенно категорическія постановленія и завѣренія парламентовъ и государей, продолжаютъ безудержно вплоть до болѣе или менѣе полного обезцѣненія кредитнаго знака, до той поры, пока народъ, наконецъ, не осознаетъ, что онъ — нищъ, пока не придетъ голодный моръ.

Я нарочно не употребляю во всемъ этомъ изложеніи слово: Россія. До такой степени весь этотъ процессъ одинаковъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена.

Совершенно одинаково пара сапогъ доходила до 15 тысячъ фр. въ Франціи во время Великой Революціи, костюмъ до 3.000 долларовъ въ Америкѣ во время войны за независимость и тотъ же костюмъ до 600 рублей сейчасъ въ Россіи. Такъ же билъ фонтанъ бумажныхъ денегъ въ Парижѣ, въ Филадельфіи, въ Петербургѣ послѣ Наполеоновскихъ войнъ и сейчасъ. Роскошь и расточительность во Франціи во время революціи легендарны. Но и въ Америкѣ Франклинъ въ 1779 году писалъ: «безумная роскошь въ нашей странѣ среди всѣхъ ея бѣдствій меня прямо поражаетъ». Другой писатель того же времени говоритъ: «всякія формы расточительности и мотовства царятъ въ городахъ и деревняхъ, особенно же въ Филадельфіи, подъ

глазами Конгресса: расточительность въ одеждѣ, пищѣ, въ экипажахъ, во всемъ».

Въ Россіи я самъ наблюдалъ солдатъ, покулавшихъ на улицахъ арбузы по 3 рубля штука, пруси по 7 руб., и даже золотые портсигары «потяжелыше». Простыя бабы скупали въ Гостинномъ Дворѣ дорогія матеріи кусками. Театры и клубы набиты биткомъ. Мотовство безумное.

Массы, въ началѣ кризиса нежелающія переносить относительно небольшія неудобства, благодаря этому мотовству, постепенно докатываются до предѣловъ нищеты и страданій.

И никого никакая исторія ничему не учитъ. Всякій разъ начинается все то-же. Отсутствие изобрѣтательности прямо удручающее. Разница только въ томъ, что иногда, при кризисѣ менѣе сильномъ, процессъ не доходитъ до конца и развивающееся производство успѣваетъ покрыть грѣхи, сдѣланные за время кризиса. Такъ было съ Россіей во время Японской войны. Затѣмъ, націи, экономически болѣе сильныя, дольше сопротивляются развитію процесса и чаще не доводятъ его до конца.

Но каждая непременно на него вступаетъ. Даже Америка— эта практическая Америка — и та вступила уже на путь таксъ и прибавокъ. Монополіи и государственныя регулировки частью уже осуществлены (желѣзныя дороги, внѣшняя торговля, металлъ), частью висятъ уже въ воздухѣ (нѣдра, телеграфъ, экспрессныя компаніи). Идетъ уже и усиленный выпускъ бумажныхъ денегъ.

Далеко ли зайдетъ процессъ въ Америкѣ, зависитъ отъ длительности войны и отъ того, удастся ли послѣ войны избѣгнуть подавляющей нѣмецкой конкуренціи.

Въ Россіи же онъ дошелъ уже почти до конца.

Русскій кредитный билетъ уже начинаетъ выполнять ядовитое предсказаніе, сдѣланное проф. И. Х. Озеровымъ на Московскомъ Совѣщаніи: на него можно безотказно

покупать только одно — Заемъ Свободы, т. е. обмѣнивать безпроцентный государственный вексель на процентный, причемъ, однако, проценты имѣютъ выплачиваться тѣми же негодными рублями.

При этомъ не могу не удивляться, когда слышу, какъ умѣренные круги обвиняютъ въ этомъ провалѣ денежнаго обращенія большевиковъ, какъ они негодуютъ, что красногвардейцамъ платится чуть не по 100 р. въ день.

Точно большевики, а не шедшее покорно по указкѣ меньшевистскаго Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Временное Правительство увеличило денежное обращеніе въ Россіи съ 8 миллиардовъ въ февралѣ до 18 миллиардовъ въ октябрѣ?

Развѣ большевики, а не «буржуи» — Терещенко и Шингаревъ побоялись въ отвѣтити на первое же требованіе прибавокъ отвѣтити властнымъ: *non possumus*?

Развѣ большевики не осмѣлились на первую же угрозу забастовкой отвѣтити: бастуйте! Все равно, если удовлетворяютъ Ваши требованія, вся Россія рано или поздно забастуетъ. изъ-за краха.

Развѣ большевики, а не кто-то другой, не имѣлъ гражданскаго мужества крикнуть громко, что изъ пустой казны прибавокъ быть не можетъ, что за эти прибавки можетъ расплатиться только мужикъ?

Развѣ не меньшевистскій министръ труда М. И Скобелевъ въ своей знаменитой московской рѣчи, вдохновляя рабочихъ на новыя «требованія», восклицалъ, что Правительство обложить промышленность въ 100% прибыли и при томъ еще оболгалъ финансовую науку, будто «она знаетъ, какъ это сдѣлать», когда она, наоборотъ, категорически отвергаетъ такую возможность?

Развѣ большевики со спокойной совѣстью подготовляли фактическое банкротство Россіи и развѣ это они начали утверждать, что это коснется только богатыхъ?

Развѣ они скрывали отъ народа, что неплатежъ по займамъ, или платежъ по нимъ обезцѣненнымъ рублемъ, заставить закрыться всѣ благотворительныя, учебныя и ученныя учрежденія, эмеритальныя и пенсіонныя кассы, существующія за счетъ разныхъ пожертвованныхъ и собранныхъ по грошамъ капиталовъ? Развѣ они не объяснили, что въ частныхъ рукахъ русскихъ займовъ мало, а что они, либо въ такихъ учрежденіяхъ, либо въ запасныхъ капиталахъ промышленности, которая, лишившись ихъ, погибнетъ подъ напоромъ богатой, могущественной заграничной промышленности?

Развѣ большевики пустили въ оборотъ мысль о томъ, что за войну должны заплатить «богатые», т. е. держатели русскихъ государственныхъ займовъ и что тогда народу будетъ легко? Будто переложеніе 60 миллиардовъ долга Россіи со всего народа на его часть вернуть Россіи все то имущество, которое было куплено за эти деньги и уничтожено! Точно отъ этого прибавится жизненныхъ благъ на Руси!

Пора бы бросить эти взаимныя обвиненія и начать искать дѣловаго выхода изъ надѣланныхъ глушостей и преступленій *).

Совершенно очевидно, что экономическому возрожденію Россіи должно предшествовать урегулированіе ея денежной системы. Надо изъять изъ обращенія ненужные ему рубли. Для этого при томъ состояніи денежнаго обращенія, до какого дошла страна, есть уже только одинъ путь: надо подражать кушцу, запутавшемуся въ долгахъ. Общимъ остается для того, чтобы начать новую жизнь, только одно — сломать рубль.

Это же должна сдѣлать и Россія, ибо въ страны съ не-

*) А сосотроны «буржуйныхъ» министровъ «раздача» была настоящимъ преступленіемъ: они то вѣдь знали, къ чему она приведетъ, оправданія невѣжествомъ у нихъ нѣтъ.

устойчивой валютой иностранный капитал не идет и идти не может. А без иностранного капитала для Россіи спасенія нѣтъ, ибо трезвые люди въ пришествіе социалистическаго рая въ наши дни вѣрить не могутъ. Пока онъ придетъ, Россія рискуетъ вымереть съ голоду и наводнить міръ милліонами штрейкбрехеровъ, не находящихъ дома заработка и хлѣба.

Это тоже представляло бы собою великую міровую опасность и предупредительныя противъ этого мѣры, конечно, будутъ приняты.

Для мірового хозяйства важно, чтобы большинство русскихъ людей находило работу дома.

Для этого, какъ я уже говорилъ, одинъ путь — широкое привлеченіе иностраннаго капитала.

Однако, этому приходу иностраннаго капитала, кромѣ разстроенаго денежнаго обращенія, есть еще другое существеннѣйшее препятствіе — это большевистскія попытки отмѣны, вѣрнѣе, нарушенія права собственности, пресловутая націонализація, муниципализація, ограниченіе права распоряженія текущими счетами, рабочій контроль, ничѣмъ не ограниченный, и т. п.

Всѣ эти мѣры, конечно, подлежатъ отмѣнѣ или ограниченію, дабы капиталъ могъ пойти въ Россію работать.

Но тутъ положеніе Россіи осложняется до невѣроятія и для нея являются въ связи съ этимъ крупнѣйшія опасности чисто политическаго свойства.

Жизнь властно требуетъ отмѣны всѣхъ этихъ мѣръ. Но кто же въ Россіи можетъ ихъ отмѣнить? Вѣдь онѣ правовѣрно-социалистическія, а вся Россія — социалистична?

Меньшевики прежде могли съ шѣною у рта доказывать неблаговременность этихъ мѣръ. Но какъ же они могутъ ихъ отмѣнить, когда онѣ проведены въ жизнь, вѣрнѣе прокламированы, кѣмъ-то другимъ, разъ всѣ онѣ стоятъ, вѣдь, и въ ихъ меньшевистской программѣ?

Какъ могутъ они устранить этотъ грандіозный конфликтъ между яснымъ требованіемъ жизни и теоріей, исповѣдуемой съ почти религіознымъ воодушевленіемъ?

Для такихъ дѣйствій, разрушающихъ, какъ будто, свой собственный идеалъ, требовался бы государственный геній и смѣлость, которыя едва-ли есть основаніе заподозрѣть у нашихъ умѣренно-соціалистическихъ партій. Вѣдь если бы эти качества у нихъ были на лицо, то какъ бы кучка большевиковъ могла захватить, вѣрнѣе, вырвать власть у умѣренныхъ?

При всѣхъ этихъ условіяхъ не можетъ у всѣхъ соціалистическихъ партій не закопопиться потаенная мысль: а что, если бы явился такой человѣкъ, или такіе люди, которые силой, противъ насъ, осуществили бы эту отмѣну? Вѣдь тогда у насъ явится возможность сохранить лицо. Вѣдь мы въ состояніи будемъ говорить, что въ Россіи социализмъ не осуществился не потому, что мы преждевременно взяли за его пропаганду и введеніе, а потому, что намъ помѣшали довести дѣло до конца, что насъ сразила грубая сила. Мы сохранимъ, хотя, за собою возможность и моральное право вновь подойти къ народнымъ массамъ тогда, когда къ тому придетъ время.

Стоитъ, однако, такой — увы, весьма съ партійной точки зрѣнія естественной — мысли зародиться, чтобы любой узурпаторъ оказался передъ необходимостью справиться только съ видимостью сопротивленія, а не съ дѣйствительнымъ сопротивленіемъ.

Но всякая реакція тупа и легко можетъ случиться, что Россію этотъ узурпаторъ заведетъ въ такія дебри дикости и обскурантизма, изъ которыхъ нація уже не подьсилу будетъ болѣе выбраться. И превратится она подлинно въ *Dungervolk* для нѣмцевъ и друтихъ.

Вѣдь не новой, насильственно навязанной, власти понять, что націю надо готовить къ будущему социалисти-

ческому строю, что необходимъ непрерывный социальный прогрессъ, что только непрекращающаяся работа въ этомъ направленіи можетъ оберечь націю хотя въ будущемъ отъ повторной попытки пойти за quasi-социалистами, которые нынѣ ее привели къ позору и гибели, что источникъ этого позора именно въ томъ и лежитъ, что самодержавіе не хотѣло признавать неизбежности социальныхъ перемѣнъ, ихъ боялось и съ подготовкой ихъ боролось.

У узурпатора будетъ другая, болѣе жгучая задача — закрѣпить свое положеніе и, ради нея, онъ легко можетъ совсѣмъ забыть про историческія перспективы и задачи народа.

Всего этого Россія могла избѣгнуть.

Но все это нависло надъ ней почти съ роковой неизбежностью только потому, что она захотѣла обогнать время.

И теперь вся политически мыслящая и разсуждающая Россія стоитъ передъ неразрѣшимой задачей: какъ развязать проклятый узелъ, завязанный большевиками?

Удалить ихъ теперь, послѣ позорнаго мира, стоило бы ничтожныхъ усилій.

Но кто возьметъ справиться съ ихъ наслѣдіемъ?

Сбываются предсказанія, которыя дѣлалъ Плехановъ, да и всѣ разумные люди. Большевики дотянули маятникъ влѣво до предѣла. Кто теперь его удержитъ отъ полета вправо? Гдѣ онъ остановится?

И такихъ богатырей не видно. Либо нѣтъ ихъ, либо задача — сверхъ человеческихъ силъ.

Для социалистическихъ партій она во всякомъ случаѣ непосильна.

И вотъ вся Россія съ трепетомъ и ужасомъ ждетъ... Кто онъ?

Откуда онъ придетъ?

Въ какую бездну униженія, разочарованія и страданій онъ насъ еще ввергнетъ?

Или выведетъ на свѣтлый путь?

Когда контррреволюціи не было и въ поминѣ, когда ею можно было только пугать, какъ дѣтей букой, съ нею боролись и... дѣлали все, чтобы она стала реальностью.

Спросите себя, что еще можно сдѣлать, чтобы *помочь* контрреволюціи?

Чего нехватаетъ, чтобы она пришла чуть не завтра?

Развѣ кандидата въ Бонапарты... пока Вильгельмъ самъ не выставилъ своей кандидатуры.

Кто не недоволенъ на Руси?

Вспору вспоминать забытую пѣсню Некрасова.

Похоже, что недоволенъ даже самъ новый «правлящій классъ», ибо когда же счастье рождало ненависть? А ненависть въ немъ черезъ край льется.

Брошено чудовищное обвиненіе: «буржуи» мечтаютъ о приходѣ нѣмцевъ.

И обвинителямъ не приходится въ голову: какіе ужасы надо было натворить, чтобы *русская* интеллигенція, съ ея то любовью къ народу, съ ея готовностью къ самоотреченію, къ пожертвованію всѣхъ своихъ интересовъ, даже жизни, этому народу, могла додуматься до мечтаній объ иноземномъ захватѣ Россіи?

Люди не понимаютъ, что въ этомъ облыжномъ обвиненіи — самое тягчайшее осужденіе нынѣшнимъ властителямъ Россіи, что говорить о классовомъ интересѣ русскаго студенчества, русскихъ ученыхъ, писателей, даже большинства политиковъ, какъ Шингаревъ, Кокоршкинъ и тысячи другихъ, можетъ или безумецъ, помѣшавшійся на нѣмецкихъ книжкахъ, или лжецъ завѣдомый.

Ибо всякій человекъ разумный и честный знаетъ, какъ русская интеллигенція десятилѣтія всю себя отдавала народу, никогда ничего отъ него не требовала, сты-

дѣлалась своихъ преимуществъ, безъ боя готова была ихъ отдать.

И не за себя она болѣетъ сейчасъ, а за простой народъ, который книжники и фариисеи обманомъ заводятъ въ самую глубину паденія и рабства.

Трагедія русскаго народа проистекла изъ того, что онъ, какъ народъ молодой, въ дѣлахъ государственныхъ неискушенный и, въ тоже время, въ конецъ измученный бездарнымъ управленіемъ умиравшаго самодержавія, возымѣлъ дерзновенную мысль разомъ покончить со всѣми вѣковыми страданіями, однимъ ударомъ порѣшить во всѣхъ волновавшихся его вопросахъ, однимъ взмахомъ творческой энергіи разлить счастье на землѣ.

Вожди же народные забыли, что истинное служеніе демократіи состоитъ не въ томъ, чтобы ей льстить, а чтобы говорить народу правду, хотя бы самую горькую, но только правду.

Вмѣсто того, чтобы удерживать народъ отъ беспочвенныхъ мечтаній, отъ необоснованныхъ надеждъ и упованій, они рисовали передъ нимъ перспективы, одна заманчивѣе другой, ставили передъ нимъ задачи, одна грандіознѣе другой. Проблемы мірового порядка выдвигались чуть не десятками, хотя каждой изъ нихъ хватило бы на десятки лѣтъ упорнаго труда и творчества народнаго.

Трудности и препятствія скрывались, а обѣщанія счастья лились рѣкой.

Мудрено ли, что народъ при этомъ постигали одна неудача за другой, одно разочарованіе за другимъ?

Хотѣли прекратить міровую бойню «честнымъ», «хорошимъ» миромъ, а получили позорнѣйшій въ исторіи разгромъ и униженіе.

Хотѣли ускорить введеніе социализма и скомпрометировали его, какъ никто.

Ну развѣ можно спорить о томъ, что ужасающій результатъ русской попытки соціальной революціи, нестерпимыя страданія, принесенныя ею — не буржуазіи — а самымъ широкимъ народнымъ массамъ, разбудили во всемъ мірѣ энергію сопротивленія буржуазныхъ классовъ и внесли смущеніе въ ряды классовъ трудовыхъ?

Хотѣли упразднить на вѣки войну и возродили такія причины ея возникновенія, съ которыми, казалось бы, уже давно было покончено.

Вѣдь не подлежитъ же сомнѣнію, что прогрессъ чело-вѣчества, дѣйствительное средство къ уменьшенію поводовъ для войны лежитъ въ сокращеніи числа «внутри за-мирныхъ» группъ.

Родъ, племя, народъ, государство, федерація госу-дарствъ, всемірная республика — вотъ вѣдь этапы раз-витія челоуѣческаго общества.

Несомнѣнно ближайшимъ шагомъ впередъ должно было быть устраненіе такихъ нелѣпыхъ явленій, какъ напиримѣрь, 10 государствъ Южной Америки, сліяніе латинскихъ государствъ Европы между собою, а затѣмъ съ объединенными германскими и славянскими народами, наконецъ, сліяніе различныхъ расъ.

А что сдѣлала Россія?

Породила цѣлый рядъ новыхъ мелкихъ государствъ, въ самомъ существованіи которыхъ заложенъ источникъ новыхъ распрей, новыхъ массовыхъ убійствъ.

Вмѣсто мощнаго броска впередъ — рѣзкій регрессъ.

Хотѣли обожествить идею демократіи и уготовили величайшее торжество самой ужасной автократіи, какую только зналъ міръ.

Обѣщали богатство и довольство бѣдняку и родили такую нищету народную, которая не сегодня, завтра вы-

зоветь массовую голодную смерть и вырождение миллионнов отъ прямого недоѣданія и сверхсильной работы. *)

И стоитъ русскій народъ у разбитаго корыта несбывшихся мечтаній, обманутыхъ надеждъ и черной тучей заползаетъ уже въ его душу мрачное, безпросвѣтное отчаяніе.

Ибо такіе удары, такіа разочарованія непосильны ни одному народу а того менѣе — народу русскому съ его органической способностью только къ взрыву энергіи, но никогда — къ выдержкѣ и настойчивости въ достиженіи цѣлей.

Въ теченіе одного года пережить крахъ 300-лѣтняго режима, крахъ интеллигенціи и крахъ соціалистическаго эксперимента — это было бы сверхсильно и для націи съ большимъ запасомъ гражданственности, съ большей выдержкой и характеромъ, чѣмъ у русскихъ людей.

Россія же подъ этимъ бременемъ національныхъ неудачъ изнемогла окончательно.

Отсюда и царящія сейчасъ въ Россіи отчаяніе, уныніе, безразличіе и подавленность.

Отсюда и торжество въ ней нынѣшняго «режима» безпardonнаго нахальства.

Надежда надъ Россіей забрезжила въ тотъ день когда начался походъ въ глубь Россіи.

*) Пудъ черной муки дошелъ уже въ Декабрѣ до 24 руб. Рубль явно кончается. Кончается поэтому и все, якобы, соціалистическое пированіе. Жизнь ясно показала, что экономику насиловать нельзя: она мститъ автоматически. Захотѣли платить за трудъ, вопреки всей экономической конъюнктурѣ, вмѣсто 2 рублей, 20 рублей и получили только одно — что 20 рублей превратились въ 2 рубля. Будутъ платить 200 рублей и 200 превратятся въ 2 р., а то и въ 1 рубль. Вѣроятно, будетъ сдѣлана еще попытка выпустить «новые» рубли, но результатъ будетъ тотъ же. Спасеніе Россіи въ трудѣ, въ производствѣ и только въ нихъ. Никакая «раздача» спасти ее не можетъ.

Не разъ бывало, что *такой* ударъ заставлялъ Русь встрепенуться, сбрасывать съ себя дьявольское навожденіе и вытягиваться во весь богатырскій ростъ.

Но то вѣдь бывалъ врагъ внѣшній, а сейчасъ онъ внутренній — мозги русскіе забились вредными для Россіи теоріями. Вѣдь есть значить еще слушатели, если даже въ такіе дни Ленины могутъ все еще говорить о какой-то помощи германскаго пролетаріата. Значить, не сошелъ еще туманъ. А развѣ съ больной головой распутать русскому народу величайшую бѣду, кѣторая когда-либо сваливалась на него за всю его исторію?

Какъ онъ пойметъ, что *спасти его отъ рабства нмѣцамъ и неминуемой реставраціи и реакціи можетъ только сильное, твердое, національное, а не партійное правительство? Правительство, которому дорога была бы свобода и Россія, а не сектантскія выдумки и безсовѣстная самолюбія?*

Читателя можетъ удивить, почему въ дни особо обостреннаго интереса всего міра къ вопросамъ высокой политики и морали, я на нихъ, въ поискахъ путей, по которымъ могла бы пойти Россія, почти не останавливаюсь, а удѣляю преимущественное вниманіе вопросамъ экономическимъ, даже узко хозяйственнымъ.

Для этого у меня есть двѣ причины.

Первая лежитъ въ томъ, что наши, казалось бы, ультра матеріалистическія — ибо социалистическія — партіи тщательно обѣгаютъ дѣловое *) разсмотрѣніе выдвигаемыхъ жизнью вопросовъ хозяйственнаго порядка.

Между тѣмъ, въ матеріальномъ кризисѣ, переживаете-

*) Попытки разрѣшенія экономическихъ проблемъ полицейски-насильственнымъ путемъ, о которыхъ приходится читать чуть не ежедневно, конечно ничего «дѣловаго» въ себѣ не заключаютъ. Это не экономическая политика, а экономическое хулиганство.

момъ Россіей, эти вопросы пріобрѣтають все болѣе актуальное значеніе, начинаютъ становиться рѣшающимъ факторомъ въ дѣлѣ «высокой» политики — вѣдь голодь, созданный неудержимымъ экспериментаторствомъ далекихъ отъ жизни теоретиковъ, всегда и всюду былъ сильнѣйшимъ аргументомъ для рѣшенія самыхъ запутанныхъ вопросовъ.

Мы видѣли выше, какъ проблема урегулированія расчетнаго баланса съ неумолимой логикой приводитъ Россію къ необходимости отказа отъ торжественно провозглашенной націонализаціи разныхъ частныхъ имуществъ, а проблема развитія производства и къ отказу уже отъ всѣхъ остальныхъ эфемерныхъ «завоеваній» социалистической мысли.

Недаромъ вѣдь гнѣвъ всѣхъ умѣренно социалистическихъ, т. е. разумно прогрессивныхъ элементовъ давно уже съ дѣйствительно буржуазныхъ и откровенно реакціонныхъ слоевъ перенесенъ на занесшихся въ облака близкихъ по идеѣ товарищей-максималистовъ.

Меньшевики и прочіе умѣренные элементы совершенно отчетливо представляютъ себѣ, что проигранный ими, по существу узкопрактической, споръ съ большевиками о подходящемъ моментѣ для начала социалистическаго опыта завелъ всѣ социалистическія партіи въ безысходный жизненный тупикъ.

Выходъ рисуется только одинъ — въ появленіи какого-то суперъ-арбитра, который избавилъ бы умѣренные элементы отъ odium'a разрушенія ихъ собственными руками ихъ же собственныхъ идеаловъ, только неблагоприятно воплощенныхъ въ жизнь и потому для жизни практически непереваримыхъ и неприемлемыхъ.

Однако, весь опытъ исторіи учить, что такой арбитръ всегда проявляетъ тенденцію оказываться tertus gaudens'омъ, который весь споръ кончаетъ тѣмъ, что уничто-

жаетъ обѣ спорящія стороны и заботится только о своихъ личныхъ интересахъ.

Этотъ выводъ, съ полнѣйшей неопровержимостью вытекающій изъ дѣловаго разсмотрѣнія чисто практическихъ вопросовъ экономической жизни страны, подводитъ твердую базу подъ интуицію умѣренныхъ партій, которыя, путемъ историческихъ справокъ и чисто логическихъ разсужденій, въ свое время приходили къ предсказанію, что большевики фатально приведутъ Россію къ возстановленію монархіи.

Можетъ явиться вопросъ, да зачѣмъ же доказывать ссылками на практическую жизнь то, что поддавалось предсказанію чисто теоретическимъ, абстрактнымъ разсужденіемъ.

Въ тотъ то и цѣнность этихъ доказательствъ, что, онѣ, во-первыхъ, не даютъ возможности побѣды для болѣе сильныхъ діалектиковъ — вѣдь противъ жизненнаго факта всякая діалектика безсильна, во-вторыхъ, устраняютъ всякую попытку свалить вину въ происшедшемъ крахѣ на насильственное дѣйствіе какой-то грубой силы — эта сила рождается требованіемъ жизненнаго факта, а не сама его создаетъ и, въ-третьихъ, они заставляютъ, быть можетъ, русскую общественную мысль начать, наконецъ, съ большимъ уваженіемъ относиться къ жизни и дѣловому ея пониманію, перестать, проповѣдая, якобы, материалистическія доктрины, витать въ облакахъ со всѣми присущими этому занятію опасностями.

Тутъ я вплотную подхожу ко второй причинѣ, заставляющей меня съ особымъ вниманіемъ останавливаться на вопросахъ хозяйственно-экономическихъ.

Я считаю, что сейчасъ союзники проходятъ черезъ полосу величайшаго риска для всего ихъ будущаго.

Вытекаетъ эта опасность изъ того, что союзники также

не дооцѣниваютъ значенія вопросовъ узко хозяйственныхъ, матеріальныхъ.

Они совершенно забыли дѣйствительныя военныя цѣли Германіи, вѣрнѣе, ея единственную военную цѣль.

Германія начала войну только ради обезпеченія за своей гипертрофированной промышленностью рынковъ сбыта и сырья.

Все остальное для нея аксессуаръ, не имѣющій значенія. Удастся чего-нибудь еще добиться въ области чистой политики — хорошо, не удастся — тоже хорошо. Лишь бы только была достигнута основная «кушеческая» цѣль войны — завоеваніе рынковъ.

Начала она войну именно въ 1914 году только потому, что именно къ этому сроку Россія проявила недвусмысленное намѣреніе отказаться въ 1917 г. отъ возобновленія кабальнаго торговаго договора съ Германіей. Чтобы имѣть возможность въ 1917 солидно аргументировать это свое нежеланіе быть въ экономической зависимости отъ Германіи, Россія, съ одной стороны, идейно воспріяла возможность союза со своимъ же недавнимъ врагомъ — въ то же время главнымъ врагомъ Германіи — Англійей и провела черезъ Государственную Думу т. н. большую военную программу, по которой въ 1917 г. русская армія должна была достигать 2¼ миллионъ штыковъ въ мирномъ составѣ.

При такихъ условіяхъ Германіи оставалось одно изъ двухъ: или разстаться навсегда съ мечтами о міровомъ господствѣ, *) либо начинать пресловутую превентивную войну, ибо дальше шансы на побѣду могли только падать.

Что въ этомъ чисто «дѣловомъ» рѣшеніи «кровожадность» кайзера, о которой такъ много говорилось, ровно

* Характерно для этихъ мечтаній, что нѣмцы уже давно называютъ свой Берлинъ не иначе, какъ Weltstadt Berlin.

не при чемъ, показываетъ съ неспоримостью простая историческая справка.

Въ 1904 г. разбить Россію стоило бы Германіи минимальнѣйшихъ усилій. Всѣ силы Россіи были отвлечены на Дальній Востокъ, запасы снарядовъ почти цѣликомъ были истрачены, съ Англіей она находилась въ полу-войнѣ.

И, однако, Германія Россіи войны не объявила, ибо Россія сдалась безъ боя. Россія пошла навстрѣчу основнымъ желаніямъ Германіи и открыла свои предѣлы для нѣмецкой эксплуатаціи. Какой смыслъ былъ при такихъ условіяхъ ризковать хотя одной каплей крови померанскаго гренадера?

Въ 1914 г. положеніе радикально измѣнилось. Германская промышленность за 10 лѣтъ еще болѣе выросла, потребность въ обезпеченіи рынковъ усилилась колоссально, а Россія проявила явное намѣреніе бунтовать.

Оставалось или подчиниться, рвать со всѣми мечтами, или воевать.

Германія избрала второе.

Началась самая откровенно-разбойничья, «купеческая», война, какую только знала міровая исторія.

Союзники такой цинически откровенной постановки вопроса принять не могли, противъ этого вопіяла вся ихъ психологія, вся сохранившаяся въ этихъ странахъ любовь къ принципамъ, вся народная эстетика, все чувство уваженія къ человѣческой личности.

Недаромъ вѣдь даже Англія — главный врагъ Германіи, экономическое соперничество которой съ нѣмцами уже давно было основной осью міровой политики, — и та *не могла* объявить Германіи войны, пока не произошелъ *политическій фактъ* нарушенія нейтралитета Бельгіи, оскорбившій чувство лояльности англійскаго народа и подведшій подъ *его* участіе въ войнѣ идейное обоснованіе.

Война перестала въ глазахъ англичанъ носить характеръ чисто коммерческаго предпріятія, въ которомъ, однако, поставлены на карту милліоны человѣческихъ жизней.

Предстоявшія жертвы кровью были освящены и оправданы идеей.

Впослѣдствіи политическія задачи, которыя должна была разрѣшить война, нанизывались одна на другую и все больше и больше отодвигали на задній планъ основной вопросъ — вопросъ о рынкахъ.

Для союзниковъ идейность войны была важна психологически — они только ею поддерживали духъ своихъ народовъ.

Но это нежеланіе признавать открыто, что союзники тоже дерутся изъ-за рынковъ, *) но только не агресивно, что они только не хотятъ превращать свои страны въ нѣмецкіе рынки, или уступать нѣмцамъ ранѣ завоеванные ими рынки въ другихъ странахъ, конечно, не могло остаться безъ вредныхъ послѣдствій.

И недаромъ Германія такъ привѣтствуетъ союзническую идейность войны, такъ охотно заводитъ разговоры на принципиальныя темы.

Вѣдь въ блескѣ такихъ идей, какъ свобода народовъ всего міра, самоопредѣленіе народностей, восстановленіе поправнаго права, уничтоженіе вооруженій, уничтоженіе войнъ, справедливость какъ основа международныхъ рѣшеній, вопросъ о рынкахъ, въ сущности только и вызвавшей войну, ступеньвается, получаетъ какое то третъестепенное значеніе.

И Германія получаетъ возможность сдѣлать красивый жестъ — согласиться чуть не на всѣ политическія

*) Любопытно отмѣтить, что Вреденъ, профессоръ политической экономіи Петроградскаго Университета, еще сорокъ сличкомъ лѣтъ тому назадъ доказывалъ, что всѣ будущія войны будутъ вестись изъ-за рынковъ.

требованія союзниковъ, лишь бы осталась незатронутой эта маленькая подробность торговыхъ договоровъ, рынковъ сбыта и сырья.

Какими силами правительства союзныхъ странъ заставить свои народы дальше драться, проливать свою кровь, если въ тѣхъ вопросахъ, которые они выдавали за главные, Германія уступить?

И Германія это отлично понимаетъ, она старательно поддерживаетъ споръ въ сферѣ вопросовъ высшей политики. Она торгуется, хочетъ получить что-то и въ области политики, но это въ ея пониманіи своего рода неслыханный супердивидендъ.

Свою войну она не безъ основанія считаетъ уже выигранной, ибо ей удалось затемнить сознаніе союзныхъ народовъ и единственный для нея важный, кровный вопросъ о рынкахъ она себѣ обезпечила.

Въ этомъ вопросѣ Германія единодушна. Изъ-за него она будетъ драться до послѣдняго.

Онъ ясенъ какъ императору, такъ и послѣднему рабочему. Изъ-за него то германская династія продолжаетъ быть по истинѣ національной, ибо она сумѣла понять, формулировать и провести въ жизнь основную цѣль германскаго народа, цѣль понятную и дорогую, и промышленнику, и юнкеру, и рабочему.

Изъ-за этого и толки о революціи въ Германіи не серьезны. Тамъ нѣтъ того полного разрыва между династіей и народомъ, какой былъ въ Россіи. У кайзера и народа — общее знамя, общій языкъ.

Рабочіе могутъ бунтовать противъ недостаточной прогрессивности внутренней политики кайзера. но гдѣ и когда они заявляли о своемъ несогласіи съ его имперіализмомъ? Гдѣ и когда они отказывались отъ захвата рынковъ?

По этой причинѣ и бунтъ въ Германіи не можетъ

быть ни серьезнымъ, ни успѣшнымъ: полнато разрыва не только нѣтъ, наоборотъ, царить полное согласіе въ опредѣленіи основныхъ задачъ націи.

Совсѣмъ не то въ союзныхъ странахъ, особенно въ Россіи.

Тамъ смыслъ войны тщательно скрывали отъ себя съ самаго ея начала.

Когда въ августѣ 1914 г. я пытался провести изложенныя выше мысли въ русской прессѣ, то *ни одна* газета не рискнула ихъ помѣстить, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что ихъ основная позиція — что война для Россіи есть война за освобожденіе малыхъ народностей, за свободу міра отъ германскаго милитаризма.

Когда въ 1915 г. я докладывалъ тѣ же мысли въ Комитетѣ Государственной Думы, то я добился нѣкотораго ихъ признанія только послѣ того, когда я поставилъ Предсѣдателю въ упоръ вопросъ: «а что если Германія согласится на всѣ Ваши политическія требованія и, взамѣнъ, потребуетъ только одного — возобновленія на 25 лѣтъ торговаго договора 1904 г., согласитесь Вы подписать такой мирный договоръ?»

Родзянко съ живостью мнѣ отвѣтилъ: «Ну конечно нѣтъ!»

Этимъ онъ устанавливалъ, что для Россіи есть въ войнѣ *ничто* болѣе важное, чѣмъ вопросъ о Галиціи, о Сербіи, о милитаризмѣ, и т. д. это — вопросъ объ обезпеченіи ея экономической независимости.

Это признаніе тѣмъ болѣе было характерно, что Родзянко — помѣщикъ-интеллигентъ, слѣдовательно, въ русскихъ условіяхъ далеко не другъ промышленности.

Бѣда для Россіи была въ томъ, что это сознаніе копошилось гдѣ-то очень глубоко, не было отлито въ ясную форму. И поэтому не было и не могло быть никакой энергіи въ отстаиваніи этого кровнаго интереса Россіи.

Нынѣ даже самое сознаніе коренной важности вопроса, повидимому, утрачено. Нестерпимая боль отторженія Польши, Литвы, Балтійскихъ провинцій, контрибуціи, вмѣшательства во внутреннія дѣла, совершенно приглушаетъ всякое вниманіе къ вопросамъ экономическимъ и поэтому въ видѣ какого-то малозначущаго примѣчанія: «и возобновленіе договора 1904 г.» проходитъ, почти незамѣтно ни для кого, экономическое порабощеніе Россіи.

Совершенно въ томъ же положеніи и всѣ союзники.

Не сегодня, завтра, они рискуютъ быть поставлены въ необходимость за поднесенную имъ Германіей чечевиичную похлебку чисто политическихъ уступокъ отдать ей свое экономическое первородство.

А это будетъ закладкой прочнаго фундамента для будущей политической *Weltmacht* Германіи.

Ничѣмъ не стѣсненная на 10—20 лѣтъ впередъ въ торговомъ захватѣ міра, она за этотъ періодъ подготовитъ и политическій захватъ власти надъ міромъ.

И не видно, въ чемъ могло бы быть спасеніе отъ этой надвигающейся бѣды.

Пожалуй единственной надеждой — не для Россіи только, а для всего міра — было бы такое экономическое развитіе Россіи, которое затмило бы Германію.

Если бы Россія, съ ея несмѣтными богатствами, со смышленнымъ, талантливымъ, трудоспособнымъ населеніемъ, сбросала съ себя свою вѣковую лѣнь, откинула несуразныя фантазіи, привычку къ болтовнѣ и залетанію въ облака и принялась за реальную работу, то, конечно, она за немного лѣтъ покрыла бы міровой недостатокъ товаровъ и развила бы такую экономическую мощь, передъ которой мощь Германіи ступевалась бы быстро.

Но возможно ли это?

Поэтъ сказалъ:

«Умомъ Россію не объять,

«Ее аршиномъ не измѣрить,
«У нея особенная статья:
«Въ Россію можно только вѣрить».

И все существо безконечно любящаго родину-мать сына рвется во мнѣ къ этой вѣрѣ.

Хочется вѣрить, что великая работа мысли народной за время этой, по истинѣ, Великой Революціи оставить свой глубокий слѣдъ, что прежнее бездумное прозябаніе народа немислимо.

Хочется вѣрить, что неудачи, вызванныя главнымъ образомъ сверхсильностью подъятаго народомъ подвига, не убьютъ въ конецъ его энергіи и вѣры.

Но скептицизмъ дѣлового человѣка, неумолимая логика говорить: тяжелья грядутъ для Россіи времена.

Обезсилена она въ конецъ матеріально, разбитъ, униженъ ея духъ, больны ея умъ и сердце.

А союзники, недавніе друзья, не хотятъ понять, что ихъ судьба не отдѣлима отъ судьбы Россіи.

Ихъ помощи не видно.

А свои силы — гдѣ онѣ?

Гдѣ люди-вожди, гдѣ идеи-свѣтильники для народа?
Не фейерверкъ фразъ, а дѣловая программа жизни?

Граждане! Думайте о Россіи!

Нью Йоркъ, Plaza Hotel.

20 фев. 1918.

Р. S. — Пока переписывалась и набиралась моя брошюра, произошли событія величайшей важности.

Я разумѣю, конечно, не формальное заключеніе большевиками мира съ Германіей и, даже, не вспыхнувшій, было, вопросъ объ японской экспедиціи на Дальній Востокъ. а: 1) совершенно ясно для всѣхъ начавшійся процессъ торговаго захвата Россіи нѣмцами и, параллельно съ нимъ, реставраціонныя намѣренія въ отдѣленныхъ отъ Россіи областяхъ и 2) явно выдвигаемую нѣмцами новую платформу для мира съ союзниками — замѣну формулы Берлинъ-Багдадъ, формулой Берлинъ-Владивостокъ при одновременной готовности поступиться всякими интересующими союзниковъ политическими и идейными «побрякушками» и, даже болѣе существенными величинами, какъ Палестина, Месопотамія и т. п., вплоть до Эльзаса-Лотарингіи включительно.

Мирный договоръ подписанный въ Брестъ-Литовскѣ, военной обстановки почти не измѣнилъ: вѣдь русской арміи, какъ таковой, не существуетъ уже съ іюля прошлаго года.

Невыносимый позоръ, запечатлѣнный въ мирномъ договорѣ, можетъ сыграть даже добрую роль — послужить къ возрожденію угасшаго воинскаго духа, къ созданію новой военной силы въ Россіи, проникнутой сознательнымъ патриотизмомъ.

Разговоры о возможной японской экспедиціи несомнѣнно также оказали свое дѣйствіе въ этомъ направленіи. Русская народная гордость начинаетъ просыпаться. Кажется, это уже тотъ громъ, послѣ котораго русскій мужикъ долженъ начать креститься.

Нельзя, однако, скрывать и отрицательной стороны этихъ разговоровъ: они, внѣ всякаго спора, задержали

паденіе большевистскаго правительства дѣйствіемъ извнутри*) и дають большевизму нѣкоторую надежду «спасти лицо» ссылкой на мифическій всемірный заговоръ капиталистовъ.

Но всѣ эти факты меркнутъ передъ значеніемъ навчавшагося «мирнаго проникновенія» Германіи въ Россію. Это уже касается не 26% отторгнутаго отъ Россіи населенія, а всей Россіи въ совокупности, больше того, касается всего міра.

Рядъ телеграммъ указываетъ совершенно неоспоримо, что существовавшее здѣсь убѣжденіе, будто Германія кономически истощена, что ей «нечего» продавать Россіи, не имѣетъ основаній. Волна германскихъ товаровъ уже полилась въ Россію, *со всеми вытекающими отсюда послѣдствіями.*

Завершивши политическое отторженіе отъ Россіи ряда областей, Германія переходитъ къ экономическому захвату остальной Россіи въ чаяніи, разумѣется, также и политическаго ея порабощенія, но только въ будущемъ.

При этомъ въ политически захваченныхъ областяхъ вопросъ о монархической реставраціи поставленъ вполне конкретно. Великій князь Финляндскій, Герцогъ Курляндскій, Король Польскій, Великій Князь Литовскій—всѣ эти новые нѣмецкіе чиновники высокаго ранга должны родиться не сегодня, завтра. Не сегодня, завтра, будетъ и наборъ.

Но что особенно характерно, такъ это то, что не слышно ни о какомъ, сколько нибудь серьезномъ, противодѣйствіи населенія этихъ областей попыткамъ награждать ихъ новыми царьками. Наоборотъ, находятся въ нихъ элементы, привѣтствующіе такое рѣшеніе ихъ судьбы.

Очередь за Украиной. Но нечего сомнѣваться, что и

*) Едва ли они не заставили многихъ противниковъ большевиковъ повременить выступленіемъ противъ нихъ, чтобы на нихъ легъ и этотъ позоръ, а не одинъ позоръ сепаратнаго мира.

за ней дѣло не станеть. Недаромъ вѣдь Австрійскій эрцгерцогъ убитый въ Сараевѣ, еще задолго до войны при-мѣрять зашоружскіе шаровары и учился говорить по украински.

Батумская, Карсская и Карабахская области такъ даже прямо возвращены «шодъ Султана».

Передача этихъ областей Турціи въ высокой степени знаменательна. Это—явная компенсація за тѣ уступки, которыя имѣютъ быть предложены союзникамъ за счетъ той же Турціи. Это—цѣна Месопотаміи, Палестины и Сиріи и цѣна не плохая, ибо отъ Карса прямой безпрепятственный ходъ на Тифлисъ, а изъ Карабаха— въ Баку. Перспектива—богатѣйшая для нищей страны Падшаха.

И этотъ выдвигаемый «обмѣнъ» проливаетъ яркій свѣтъ на существо тѣхъ «неожиданно крупныхъ» уступокъ союзникамъ, на которыя, де, готова Германія и намеки на которыя неоднократно прорывались въ германской прессѣ.

Ясно, что Германія готовится великодушно пожертвовать столь пугавшей воображеніе союзныхъ странъ формулой: Берлинъ-Багдадъ, лишь бы только ей предоставили безпрепятственно бороться съ «мировой инфекціей», съ «опаснымъ всему міру безпорядкомъ» на протяженіи между Берлиномъ и Владивостокомъ, или, хотя бы, Иркутскомъ.

При этомъ, съ весьма благоразумной предосторожностью, Германія отнюдь не поднимаетъ вопроса о формально-политическомъ подчиненіи незавоеванной еще Россіи. Такая «аннексія», конечно, всѣхъ бы отпугнула, а по существу она Германіи не нужна: вѣдь «мирное проникновение» въ Россію, лишенную всѣхъ морскихъ портовъ, съ разрушенной промышленностью, съ разоренными финансами и *перебитой интеллигенціей*, дастъ Германіи рѣшительно тѣ же самые результаты.

Весь ужасъ *такого* рѣшенія міроваго конфликта заставляеть всѣхъ, и русскихъ людей, и союзниковъ, съ трепетомъ ставить вопросъ: «Что-же дѣлать?»

Русскимъ людямъ отвѣтъ, мнѣ кажется, простой: пора демобилизовать не только развращенную армію, но и развращенные языки, и мобилизовать разумъ, совѣсть и энергію народную.

Пора понять, что улица, грязная, обнаглѣвшая улица — не нація.

«Вожди», авторитетные въ глазахъ только этой улицы и не признаваемые и презираемые всѣмъ остальнымъ міромъ, и врагами, и друзьями,—не вожди націи и спасти страну не могутъ.

Союзникамъ отвѣтъ тоже простой.

Россія вышла изъ рядовъ потому только, что она обнищала вконецъ.

И вернетъ ее въ боевые ряды тотъ, кто извлечетъ ее, поможетъ ей выйти изъ этого ужаса надвинувшейся на нее нищеты, рабства, голодной смерти.

Внѣ помощи какого то иностраннаго капитала для Россіи спасенія нѣтъ.

И Германскій капиталъ изъявляетъ полную готовность «спасать» Россію, подъ защитой нѣмецкаго шпунмана. Чѣмъ кончится это спасеніе—ясно.

Германскій милитаризмъ—факторъ служебный. Даже словивши его, мы отъ агрессивности Германіи не избавимся.

Агрессивенъ въ основѣ, по самой природѣ своей,—германскій торгово-промышленный капиталъ, это онъ командуетъ германскими арміями и онъ не перестанетъ быть агрессивнымъ и послѣ того, какъ замолкнутъ пушки на боевомъ фронтѣ и *кто бы кого ни заставилъ прекратить стрѣльбу.*

Германская угроза можетъ быть устранена только тѣми средствами, которыми она дѣйствуетъ.

Германія кончила военное нашествіе на Россію и начала нашествіе экономическое. Поэтому и борющимся противъ Германіи надо взять въ руки на восточномъ фронтѣ это новое оружіе.

Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы поставить государственные ресурсы странъ Согласія и, въ частности, Америки въ распоряженіе промышленной инициативы, какъ это дѣлала и дѣлаетъ Германія, а чтобы потребовать національный промышленный капиталъ, національную промышленную энергію на великое служеніе величайшимъ задачамъ политики государства, послать ихъ бороться съ нѣмецкимъ врагомъ съ не меньшей энергіей и съ не меньшимъ рискомъ, чѣмъ это дѣлаютъ солдаты на фронтѣ.

Надо никогда не забывать, что у Россіи есть великій множитель — 180.000.000 и что съ этимъ множителемъ можно одинаково выковать и величайшее счастье и величайшія цѣли для всего человѣчества.

Порабощеніе Россіи — первый шагъ къ порабощенію всего міра.

Такъ да не будетъ этого!

А. Б.

22 Марта, 1918.

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS
WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN
THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY
WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH
DAY AND TO \$1.00 ON THE SEVENTH DAY
OVERDUE.

MAR 19 1941 M

NOV 12 1943

SEP 6 1980

REC. CIR. MAY 20 1980

MAR 04 1989

OCT 29 1992

NOV 12 1992

CIRCULATION

LD 31-100m-7,'39 (402s)

YC 51983

U.C. BERKELEY LIBRARIES

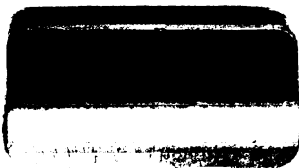
C006155669

398862

DK265

E77

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

ЦѢНА 90 Ц. БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ.